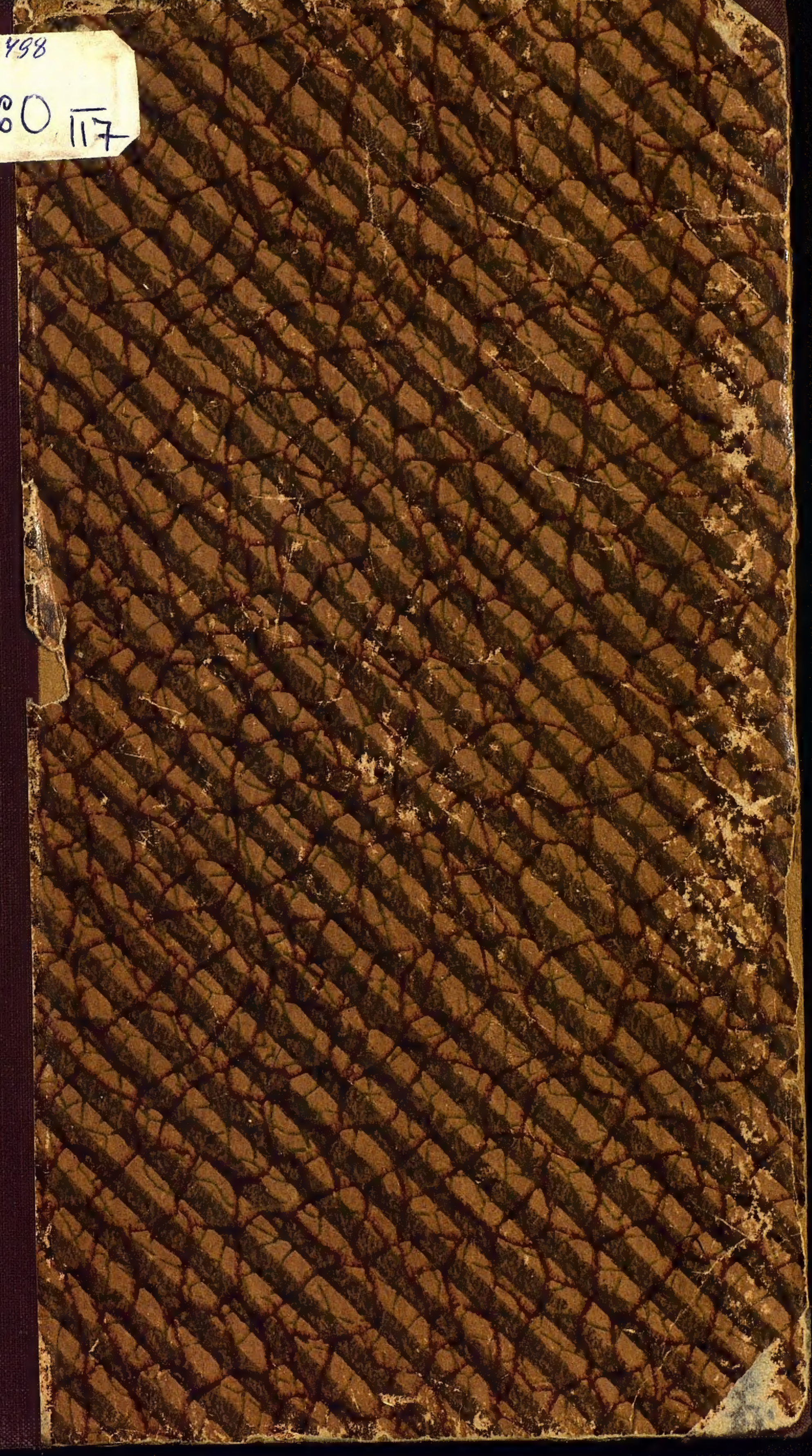

Выпадает с.21-22!

Герберть Спенсерь.

ЛИЧНОСТЬ И ГОСУДАРСТВО.

Переводъ **М. Н. Тимофеевой**,

подъ редакціей В. В. БИТНЕРА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издательство „Вѣстникъ Знанія".
1908.

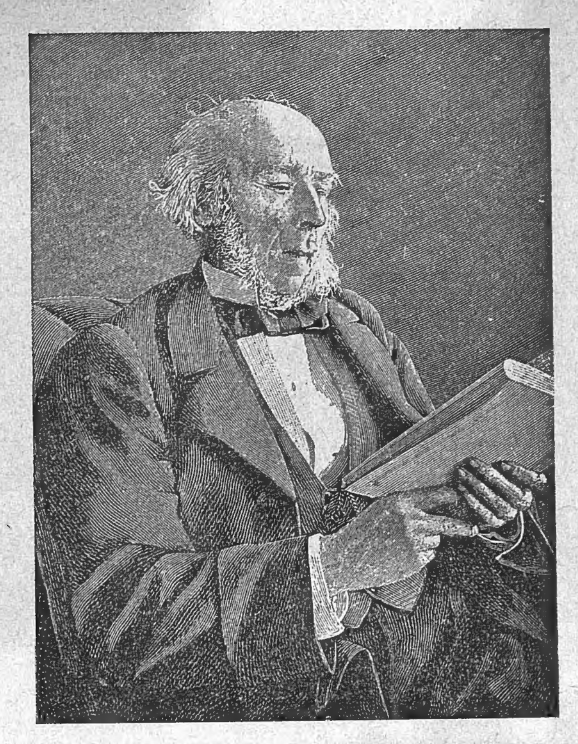
Предисловіе.

Имя великаго, недавно умершаго, англійскаго философа-эволюціониста извѣстно всему образованному міру. Каждое сочиненіе знаменитаго мыслителя расходится въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ на разныхъ языкахъ. Поэтому мы не сомнѣваемся, что и настоящая книга будетъ встрѣчена читателями съ тѣмъ вниманіемъ и интересомъ, какого она по справедливости заслуживаетъ, тѣмъ болѣе, что это сочиненіе менѣе всего знакомо русской публикѣ.

Но и помимо интереса, внушаемаго всѣмъ, что было написано Спенсеромъ, настоящая книга, разбирающая важный для всякаго изучающаго соціологію вопросъ объ отношеніи личности къ государству, должна заслуживать вниманія благодаря самой точкѣ зрѣнія, на которой стоитъ авторъ.

Спенсеръ, какъ извѣстно, не раздѣлялъ соціалистическаго міровоззрѣнія. Между тѣмъ наши читатели до сихъ поръ знакомились съ даннымъ вопросомъ почти исключительно въ освѣщеніи проповѣдниковъ соціализма. Само собою понятно, что никакое міросозерцаніе не можетъ быть прочно, если при выработкѣ его приходится имѣть дѣло съ одностороннимъ, хотя бы и очень полнымъ освѣщеніемъ. Поэтому, давая читателямъ переводъ настоящаго сочиненія Спенсера, мы не сомнѣваемся, что онъ явится цѣннымъ вкладомъ въ ихъ библіотеку, а изучающимъ общественныя науки эта книга, кромѣ того, дастъ возможность отнестись болѣе критически къ выработанному ими міровоззрѣнію и внести соотвѣтственныя дополненія, поправки или, наоборотъ, еще болѣе укрѣпить свои воззрѣнія.

В. Битнеръ.

Герберть Спенсеръ.

Гербертъ Спенсеръ.

Личность и Государство.

I. Новый торизмъ.

Большинство тѣхъ, которые считаются теперь либералами—это тори новаго типа. Вотъ парадоксъ, который я хочу оправдать. Чтобы доказать это, я долженъ сначала представить, чѣмъ были обѣ эти политическія партіи вначалѣ, а затѣмъ я попрошу читателя извинить меня, если напомню ему уже знакомые факты, такъ какъ я иначе не могу хорошо объяснить, въ чемъ состоитъ самая суть истиннаго торизма и истиннаго либерализма.

Если мы вернемся къ эпохѣ, предшествовавшей возникновенію этихъ названій, то мы увидимъ, что обѣ политическія партіи представляли собой два противоположныхъ типа соціальной организаціи: типъ воинствующій и типъ промышленный. Первый нашелъ себѣ выраженіе въ государственномъ режимѣ, общемъ почти для всѣхъ странъ въ древнія времена; второй—въ режимѣ соглашенія, контракта распространившемся въ наше время, главнымъ образомъ, среди западныхъ націй и въ особенности въ Англіи и Америкѣ. Если мы употребимъ слово «кооперація» не въ тѣсномъ, а въ болѣе обширномъ смыслѣ, въ смыслѣ соединенныхъ усилій всѣхъ граждан при какой бы то ни было системѣ управленія, то режимы эти можно будетъ опредѣлить такъ: одинъ—это система насильственной коопераціи,

а другой—система кооперации добровольной. Типичный строй первой системы мы видимъ въ регулярной арміи, всѣ единицы которой. въ разныхъ чинахъ, должны выполнять приказанія подъ страхомъ смертной казни и получаютъ пищу, одежду и плату по произвольному распредѣленію; типичный строй второй системы представленъ арміей производителей и потребителей, которые входятъ между собой въ соглашеніе и за опредѣленную плату оказываютъ опредѣленныя услуги и которые, по желанію и по предварительному заявленію, могутъ вовсе выйти изъ организаціи, если она имъ не нравится.

Въ теченіе соціальной эволюціи Англіи различіе этихъ двухъ, неизбѣжно противоположныхъ формъ кооперации выступало постепенно; но гораздо раньше того, какъ названія «тори» и «виги» вошли въ употребленіе, можно было уже констатировать наличность этихъ двухъ партій и замѣтить до извѣстной степени ихъ отношеніе къ милитаризму и къ индустріализму. Извѣстно, что въ Англіи, какъ и въ другихъ странахъ принудительной регламентаціи, характеризующей кооперацію при правительственномъ (государственномъ) режимѣ, сопротивленіе оказывалось обыкновенно населеніемъ городовъ, состоявшимъ изъ ремесленниковъ и купцовъ, привыкшихъ къ коперативной работѣ при режимѣ соглашенія, тогда какъ кооперація при государственномъ режимѣ, обязанная своимъ происхожденіемъ и устройствомъ постояннымъ войнамъ, удержалась въ сельскихъ мѣстностяхъ, гдѣ жили прежде военачальники и ихъ подчиненные, у которыхъ сохранялись старыя идеи и традиціи. Болѣе того: этотъ контрастъ въ политическихъ тенденціяхъ, проявившійся раньше, чѣмъ ясно опредѣлилось различіе между принципами виговъ и торіевъ, продолжалъ выступать и впослѣдствіи. Въ эпоху Революціи, «въ то время какъ села и маленькіе города находились въ рукахъ торіевъ, большіе города, промышленныя области и торговые порты служили крѣпостями для виговъ». Доказывать, что, за немногими исключеніями, положеніе это существуетъ и понынѣ—излишне.

Таковъ былъ, сообразно съ ихъ происхожденіемъ, характеръ обѣихъ партій. Посмотримъ теперь, какъ этотъ характеръ проявлялся въ ихъ первыхъ дѣйствіяхъ. Вигизмъ начался сопротивленіемъ Карлу II и его клевретамъ, старавшимся возстановить неограниченную монархическую власть. Виги «разсматривали монархію, какъ гражданское учрежденіе, установленное націей для блага всѣхъ ея членовъ», тогда какъ для торіевъ «монархъ былъ посланникомъ Неба». Одна изъ этихъ доктринъ заключала въ себѣ убѣжденіе, что подчиненіе королю было условно, другая, что оно абсолютно. Говоря о вигѣ и о торіи, какими ихъ представляли себѣ въ концѣ XVII в., т. е. лѣтъ за пятьдесятъ до выхода въ свѣтъ «Разсужденія о партіяхъ», Болинброкъ говоритъ:

«Наслѣдственное, священное, неотъемлемое право, преемственность его въ прямомъ колѣнѣ, пассивное повиновеніе, непротивленіе, рабство и иногда также папизмъ—вотъ понятія, которыя во многихъ умахъ соединялись съ представленіемъ о торіи и которыя считались несовмѣстимыми съ представленіемъ о вигѣ».

Если мы сравнимъ эти описанія, то увидимъ, что въ одной партіи преобладало стремленіе противодѣйствовать принудительной власти короля надъ подданными и уменьшить ее, а въ другой—желаніе удержать или даже увеличить эту принудительную власть. Это различіе въ стремленіяхъ, различіе, превосходящее по своей важности всѣ политическія различія, обнаруживается тотчасъ же въ дѣйствіяхъ обѣихъ партій. Принципы виговъ выразились въ habeas corpus актѣ и въ мѣропріятіи, ставившемъ судей въ независимое отъ короны положеніе, въ отверженіи билля, требовавшаго, чтобы законодатели и административные служащіе связывали себя присягой

ни въ какомъ случаѣ не сопротивляться королю оружіемъ; эти же принципы впослѣдствіи выразились въ биллѣ, имѣвшемъ цѣлью оградить подданныхъ отъ враждебныхъ дѣйствій монархической власти. Всѣ эти акты имѣли по существу одинаковое значеніе: они ослабляли принципъ обязательной коопераціи въ общественной жизни и укрѣпляли принципъ добровольной коопераціи. Замѣчаніе Грина по поводу періода, въ теченіе котораго виги находились у власти, послѣ смерти Анны, показываетъ, что политика этой партіи имѣла то же общее направленіе, какъ и въ предшествующую эпоху.

«Прежде чѣмъ протекло пятидесятилѣтіе ихъ власти, англичане уже забыли, что возможно было преслѣдовать людей за религіозныя убѣжденія, отмѣнить свободу печати, вмѣшиваться въ примѣненіе правосудія или управлять безъ парламента».

А теперь, оставивъ въ сторонѣ періодъ войны въ концѣ XVIII и началѣ XIX в., въ теченіе котораго личная свобода потеряла большую долю завоеванной области, и когда ретроградное движеніе къ соціальному типу милитаризма проявилось въ различнаго рода принудительныхъ мѣрахъ, начиная съ тѣхъ, которыя насильственно овладѣвали людьми и собственностью гражданъ для военныхъ цѣлей и кончая тѣми, которыя отмѣняли собранія и пытались обуздать печать,—припомнимъ общій характеръ всѣхъ измѣненій, произведенныхъ вигами или либералами, когда возстановленіе мира дало возможность воскресить промышленный режимъ съ свойственнымъ ему строемъ. Подъ возрастающимъ вліяніемъ виговъ законы, запрещавшіе ассоціаціи рабочихъ, были отмѣнены такъ же, какъ и законы, ограничивавшіе свободу ихъ перехода съ мѣста на мѣсто. Упомянемъ также и законъ, по которому диссиденты могли вѣровать, во что хотѣли, не подвергаясь гражданскимъ наказаніямъ, и законъ, позволявшій католикамъ исповѣдывать свою вѣру, не теряя извѣстной доли своей свободы. Область свободы расширилась, благодаря актамъ, запрещавшимъ покупать негровъ и держать ихъ въ рабствѣ. Монополія Остъ-Индской Компаніи была уничтожена, а торговля съ Востокомъ объявлена свободной для всѣхъ. Благодаря *Биллю Реформы* и *Биллю Муниципальной Реформы*, число гражданъ, не имѣющихъ представителей было уменьшено, такъ что, какъ съ общей, такъ и съ мѣстной точки зрѣнія, масса менѣе страдала отъ господства привилегированныхъ классовъ. Диссиденты, освобожденные отъ подчиненія церковной формѣ брака, получили возможность жениться по чисто гражданскому церемоніалу. Позднѣе явились уменьшеніе и отмѣна ограниченій при покупкѣ иностранныхъ товаровъ и при пользованіи иностранными судами и моряками, а еще позднѣе отмѣна стѣснительныхъ для прессы постановленій, изданныхъ прежде для того, чтобы помѣшать распространенію мнѣній. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ эти измѣненія, были-ли они сдѣланы либералами или нѣтъ, совершены были сообразно съ провозглашаемыми ими принципами.

Но зачѣмъ перечислять давно извѣстные всѣмъ факты? Единственно за тѣмъ, что, какъ мы уже сказали, необходимо напомнить читателю, чѣмъ былъ либерализмъ въ былыя времена, дабы онъ видѣлъ, насколько онъ разнится отъ, такъ называемаго, либерализма нашего времени. Мы считали бы излишнимъ перечислять одну за другой всѣ эти различныя мѣропріятія для того, чтобы показать ихъ общій характеръ, если бы онѣ въ наше время уже не были забыты. Мы забыли, что такъ или иначе всѣ эти истинно *либеральныя* перемѣны уменьшили обязательную кооперацію въ соціальной жизни и увеличили добровольную. Мы забыли, что въ томъ или другомъ смыслѣ онѣ уменьшили область правительственной

власти и увеличили поле дѣйствія, гдѣ каждый гражданинъ можетъ свободно дѣйствовать. Мы потеряли изъ виду ту истину, что либерализмъ обыкновенно защищалъ свободу личности противъ принудительнаго дѣйствія государства.

И теперь мы должны спросить себя: какимъ образомъ либералы потеряли изъ вида эту истину? Какъ могло случиться, что либеральная партія, пріобрѣтая все большую и большую долю власти, дѣлалась все болѣе и болѣе принудительной въ своихъ законодательныхъ мѣрахъ? Какъ случилось, что опираясь на свое собственное большинство или же косвенно путемъ содѣйствія, оказываемаго ею въ нѣкоторыхъ случаяхъ большинству партіи своихъ противниковъ, либеральная партія въ широкихъ размѣрахъ присвоила себѣ право руководить дѣйствіями гражданъ и, слѣдовательно, уменьшать область, въ которой эти дѣйствія были свободны? Какимъ образомъ объяснить это смѣшеніе понятій, которое заставило партію въ стремленіи къ тому, что кажется общественнымъ благомъ, отбросить методъ, который въ былыя времена помогалъ ей служить этому общественному благу.

Хотя на первый взглядъ и кажется, будто невозможно объяснить себѣ эту безсознательную политическую перемѣну, мы найдемъ однако, что она произошла совершенно естественно. Принимая во вниманіе конкретную мысль, которая обыкновенно преобладаетъ въ политическихъ вопросахъ, и настоящія условія, нельзя было и ожидать ничего другого. Чтобы доказать справедливость этого мнѣнія, необходимо войти въ нѣкоторыя предварительныя объясненія.

Начиная съ низшихъ животныхъ до самыхъ высшихъ, умственныя способности прогрессируютъ путемъ диференціаціи, и такимъ же образомъ прогрессируютъ онѣ и у человѣка, начиная отъ круглыхъ невѣждъ до ученыхъ. Точно классифицировать, помѣстить въ одну группу существенно однородныя вещи, а въ другія группы вещи существенно различныя—вотъ основное условіе для правильнаго управленія дѣйствіями. Начиная съ общаго зрительнаго впечатлѣнія, предупреждающаго насъ о прохожденіи вблизи большого темнаго тѣла (точно такъ же, какъ мы закрытыми глазами, обратясь къ окну, видимъ тѣнь руки передъ нами и слѣдовательно узнаемъ, что какое-то тѣло движется между окномъ и нами), мы мало-по-малу достигаемъ такого развитія зрѣнія, которое, путемъ тонкой оцѣнки соединенія формъ, цвѣтовъ и движеній даетъ возможность узнавать въ появляющихся вдали предметахъ добычу или опасность и приспособлять нашъ образъ дѣйствій къ тому, чтобы завоевать себѣ пищу или избѣгнуть смерти. Это прогрессивное пониманіе различій и получающіяся вслѣдствіе того болѣе точныя распредѣленія по отдѣламъ и составляютъ развитіе ума въ главныхъ его проявленіяхъ и наблюдаются также и тогда, когда отъ воспринимаанія простымъ физическимъ зрѣніемъ мы переходимъ къ сравнительно болѣе сложному восприниманію умственнымъ зрѣніемъ, позволяющему намъ группировать болѣе вѣрнымъ и болѣе соотвѣтствующимъ ихъ строенію и ихъ природѣ образомъ предметы, которые мы раньше группировали по нѣкоторымъ внѣшнимъ чертамъ сходства и по чисто внѣшнимъ условіямъ. Неразвитое умственное зрѣніе различаетъ такъ же плохо и ошибается въ своей группировкѣ такъ же, какъ и «неразвитое» физическое зрѣніе. Приведемъ въ примѣръ прежнюю классификацію растеній на деревья, кустарники и травы, гдѣ самая выдающаяся ихъ черта—величина—составляетъ основу различія, и группы формируются такимъ образомъ, что соединяютъ въ себѣ много растеній совершенно разнородныхъ и разъединяютъ другія, принадлежащія къ одному семейству. Или возьмемъ еще лучшій примѣръ: а именно народную классификацію, соединяющую подъ однимъ общимъ названіемъ рыбъ и раковины (fish и shell fish) и

причисляющую къ раковинамъ черепокожихъ и молюсковъ; она идетъ даже еще дальше, причисляя къ рыбамъ китообразныхъ животныхъ. Такимъ образомъ, вслѣдствіе-ли сходства въ образѣ жизни, какъ обитателей водъ, вслѣдствіе ли чего-либо общаго во вкусѣ ихъ мяса, народъ соединилъ въ одинъ отдѣлъ и одинъ подъ-отдѣлъ существа менѣе сходныя по своей природѣ, чѣмъ рыба и птица.

Подтверждаемая этими примѣрами общая истина проявляется также и въ высшихъ сферахъ умственнаго зрѣнія относительно предметовъ, недоступныхъ чувствамъ, каковы политическія учрежденія и мѣропріятія; ибо и въ этихъ вопросахъ продукты несовершенной умственной способности или несовершеннаго умственнаго развитія, или того и другого вмѣстѣ, представляютъ собой ошибочную группировку, ведущую къ ошибочнымъ выводамъ. И даже въ этой области шансы заблужденія гораздо болѣе многочисленны, такъ какъ предметы, принадлежащіе къ интеллектуальной области не могутъ быть разсматриваемы такъ же легко. Вы не можете ни осязать, ни видѣть политическое учрежденіе; вы можете познать его только усиліемъ своего творческаго воображенія. Точно также вы не можете уловить физическимъ чувствомъ политическую мѣру: она также требуетъ умственной работы, соединяющей составныя части въ одну идею и приводящей насъ къ пониманію сущности этого соединенія. Значитъ здѣсь, еще болѣе чѣмъ въ вышеупомянутыхъ случаяхъ, несовершенство умственнаго зрѣнія проявляется въ группировкѣ явленій по внѣшнимъ чертамъ и внѣшнимъ условіямъ. Доказательство того, что эта причина производитъ ошибки въ классификаціи учрежденій, мы видимъ въ общераспространенномъ мнѣніи, что римская республика была демократической формой правленія. Разсмотрите поближе идеи прежнихъ французскихъ революціонеровъ, и вы увидите, что они брали себѣ въ примѣръ политическіе акты и формы римлянъ, и можно было бы даже назвать имя того историка, который ставитъ въ примѣръ испорченность римскихъ нравовъ, чтобы показать, къ чему приводитъ демократическое правленіе. А между тѣмъ между римскими и истинно свободными учрежденіями существуетъ не менѣе разницы, чѣмъ между акулой и морской свиньей, такъ какъ эти учрежденія, несмотря на одинаковую внѣшнюю форму, представляютъ совершенно различный внутренній строй. Общество, въ которомъ относительно небольшое число людей, имѣвшихъ въ своихъ рукахъ политическую власть и пользовавшихся извѣстной свободой, были всѣ сплошь маленькими деспотами, которые держали не только своихъ рабовъ и подчиненныхъ, но даже своихъ дѣтей въ такомъ же полномъ рабствѣ, какъ и свой скотъ, такое общество можетъ считаться скорѣе подвластнымъ обыкновенному деспотизму, чѣмъ собраніемъ гражданъ, обладающихъ равными политическими правами.

Если мы перейдемъ теперь къ нашему спеціальному вопросу, то мы въ состояніи будемъ замѣтить то смѣшеніе понятій, въ которомъ запутался либерализмъ и выяснить источникъ тѣхъ ошибочныхъ группировокъ политическихъ мѣръ, приведшихъ къ его ошибкамъ, — группировокъ, сдѣланныхъ, какъ мы увидимъ ниже, сообразно съ выступающими внѣшними признаками, а не внутренними свойствами явленій. Какова была въ глазахъ народа и въ глазахъ либераловъ, произведшихъ реформы въ былыя времена, цѣль этихъ реформъ? Эти реформы должны были устранить причины неудовольствія народа или лишь части народа: таковъ былъ общій ихъ характеръ, запечатлѣвшійся въ умѣ людей. Онѣ должны были смягчить зло, отъ котораго прямо или косвенно страдали цѣлые классы населенія, уменьшить причины нищеты и разрушить преграды къ счастію. И такъ какъ въ умѣ большинства людей устраненное зло равняется совершенному благу, на эти мѣры стали смотрѣть, какъ на положительныя бла-

годѣянія, а либеральные государственные люди и либеральные избиратели стали считать благосостояніе массъ цѣлью либерализма. Отсюда и произошло смѣшеніе понятій. Такъ какъ внѣшней выдающейся чертой всѣхъ либеральныхъ мѣръ древняго времени было пріобрѣтеніе какого-либо блага для народа (а благо это состояло главнымъ образомъ въ уменьшеніи стѣсненія), то и случилось такъ, что либералы увидѣли въ народномъ благѣ не цѣль, которой слѣдовало достигать косвеннымъ образомъ, путемъ уменьшенія стѣсненія, но цѣль, которой слѣдуетъ достигать непосредственно. А стараясь достигнуть ея непосредственно, они стали пользоваться методами, по существу своему противоположными тѣмъ, которые употреблялись прежде.

Теперь, когда мы увидѣли, какимъ образомъ произошло это измѣненіе въ политикѣ (исключеніе частичное, такъ какъ недавніе законы о погребеніяхъ и усилія, сдѣланныя для уничтоженія всѣхъ еще существующихъ религіозныхъ неравенствъ, показываютъ, что прежняя политика еще продолжается въ нѣкоторыхъ направленіяхъ), разсмотримъ, до чего дошло это измѣненіе въ послѣднее время, и до чего оно дойдетъ еще въ будущемъ при продолжающемся преобладаніи современныхъ идей и чувствъ.

Прежде чѣмъ идти далѣе, не лишнимъ будетъ, можетъ быть, заявить, что мы не имѣемъ намѣренія порицать мотивы, вызвавшіе постепенно извѣстныя ограниченія или извѣстныя мѣры. Мотивы эти безъ сомнѣнія въ большинствѣ случаевъ были похвальны. Мы должны допустить, что ограниченія, внесенныя закономъ 1870 г. въ обычай пользоваться трудомъ женщинъ и дѣтей на фабрикахъ, гдѣ красятъ матеріи въ красный, такъ называемый адріанопольскій цвѣтъ, были, по мысли законодателя, столь же гуманны, какъ и постановленія Эдуарда IV, устанавливавшія минимумъ времени, на которое рабочій могъ быть нанимаемъ. Безъ сомнѣнія парламентскій актъ относительно доставки сѣмянъ (Ирландія), дозволяющій общиннымъ администраторамъ покупать сѣмена для бѣдныхъ арендаторовъ и наблюдать за тѣмъ, чтобы эти сѣмена сѣялись надлежащимъ образомъ, былъ внушенъ не менѣе сильнымъ желаніемъ народнаго блага, чѣмъ актъ 1533 г., предписывающій число барановъ, которое могъ заводить арендаторъ, или актъ 1597 г., приказывающій возобновлять обветшавшія постройки фермъ. Никто не будетъ отрицать, что различныя мѣры, принятыя за послѣдніе годы для ограниченія продажи опьяняющихъ напитковъ, какъ и мѣры, принимавшіяся въ прежнія времена для уменьшенія зла, причиняемаго роскошью, какъ напримѣръ въ XIV в., когда введены были ограниченія расходовъ на столъ и одежду,—что всѣ эти мѣры имѣли въ виду общественную нравственность. Каждому должно быть понятно что эдикты, изданные Генрихомъ VIII для того, чтобы удержать низшіе классы отъ игры въ кости, въ карты, въ кегли и т. д., были внушены такимъ же желаніемъ способствовать общественному благосостоянію, какъ и современные законы о денежныхъ играхъ.

Кромѣ того, я вовсе не имѣю намѣренія оспаривать цѣлесообразность этихъ современныхъ постановленій, въ введеніи которыхъ состязаются консерваторы и либералы, и точно также не оспариваю цѣлесообразности тѣхъ прежнихъ постановленій, на которыя современныя походятъ во многихъ отношеніяхъ. Мы не будемъ разсматривать насколько принятые недавно проекты для охраненія жизни матросовъ болѣе остроумны или менѣе удачны, нежели то радикальное шотландское постановленіе середины XV в., которое запрещало капитанамъ кораблей выходить въ море во время зимы. Въ данную минуту мы не будемъ обсуждать вопроса существуютъ-ли болѣе вѣскія причины, которыя даютъ инспекторамъ право посѣщать извѣстные дома, чтобы видѣть не имѣется ли тамъ вредныхъ пищевыхъ

продуктовъ, чѣмъ причины вызвавшія законъ Эдуарда III, предписывавшій трактирщикамъ въ портовыхъ городовъ давать присягу въ томъ, что они будутъ обыскивать своихъ посѣтителей съ цѣлью помѣшать вывозу чеканной монеты за границу. Мы допускаемъ, что въ параграфѣ, относящемся къ судоходству по каналамъ и запрещающемъ владѣльцу судна давать даровое содержаніе дѣтямъ матросовъ, болѣе смысла, чѣмъ въ актахъ относившихся къ, такъ называемымъ Spitafields, запрещавшихъ фабрикантамъ до 1824 г. въ интересахъ ремесленниковъ, устраивать свои мануфактурныя заведенія далѣе, чѣмъ на десять миль отъ королевской Биржи.

Мы не будемъ возбуждать вопроса о томъ, руководились-ли законодатели мотивами человѣколюбія или разума, мы допускаемъ, что они дѣйствовали подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ. Насъ занимаетъ лишь обязательная природа этихъ законовъ, которые, будучи хорошими или дурными, смотря по обстоятельствамъ, вступили въ силу за то время, когда либералы были у власти.

Чтобы не ходить далеко за примѣрами, вернемся только къ 1860 г., ко второму министерству лорда Пальмерстона. Въ этомъ году ограниченія, содержавшіяся въ законѣ о фабрикантахъ, распространились на прачешныя и красильныя заведенія; дано было право заставлять дѣлать анализъ пищи и питей, при чемъ за эти анализы должны были платить общины; учреждена была должность инспекторовъ газовыхъ заводовъ и установлены качество и максимальная цѣна газа; законъ, усиливающій постановленіе объ инспекціи рудниковъ, устанавливаетъ наказаніе для тѣхъ, которые заставляютъ работать въ рудникахъ мальчиковъ моложе 12 лѣтъ, не посѣщающихъ школу и не умѣющихъ читать и писать. Въ 1861 г. обязательныя постановленія, внесенныя въ законъ о мануфактурахъ были распространены и на кружевныя фабрики; администрація благотворительныхъ учрежденій и т. д. получила право принуждать къ прививкѣ оспы. Мѣстнымъ совѣтамъ дано было право назначать таксу для найма лошадей, муловъ, ословъ и лодокъ, и нѣкоторымъ мѣстнымъ комитетамъ дана была власть взимать извѣстный налогъ за осушеніе и орошеніе полей и за доставку воды для скота. Въ 1862 г. изданъ былъ законъ, ограничивающій употребленіе для работы въ прачешныхъ подъ открытымъ небомъ женщинъ и дѣтей; другой законъ, запрещалъ каменоугольныя копи съ одной шахтой или съ шахтами, отдѣленными другъ отъ друга меньшимъ промежуткомъ, чѣмъ было назначено. Наконецъ, третій законъ давалъ медицинскому вѣдомству исключительное право издавать формакопею, цѣна которой должна быть установлена финансовымъ управленіемъ. Въ 1863 г. прививка оспы сдѣлалась обязательной въ Шотландіи и Ирландіи. Нѣкоторымъ совѣтамъ дано было право дѣлать займы, покрываемые мѣстными налогами. Городскимъ властямъ дано было право отбирать покинутые участки въ свою пользу съ цѣлью украшенія города и облагать населеніе сборомъ за ихъ содержаніе. Затѣмъ изданъ былъ законъ, относительно булочныхъ; въ немъ опредѣлялся наименьшій возрастъ для служащихъ въ извѣстные часы; предписывалось періодическое оштукатуриваніе стѣнъ, три слоя краски и мытье горячей водой съ мыломъ по крайней мѣрѣ черезъ шесть мѣсяцевъ. Наконецъ, другой законъ давалъ право судьѣ опредѣлять годность или негодность пищевого продукта, представленнаго ему инспекторомъ. Между принудительными мѣрами, установленными съ 1864 г., слѣдуетъ назвать расширеніе закона относительно мануфактуръ съ разными станками, нѣкоторыя правила, касающіяся чистки и вентиляціи, и предписаніе нѣкоторымъ служащимъ на спичечныхъ фабрикахъ принимать пищу исключительно въ мастерскихъ, гдѣ пилятъ лѣсъ. Былъ изданъ также законъ о чисткѣ трубъ, законъ о продажѣ пива въ Ирландіи, законъ объ

обязательномъ испытаніи канатовъ и якорей, законъ, дающій болѣе широкое примѣненіе закону 1863 касательно общественныхъ работъ, законъ о заразныхъ болѣзняхъ. Этотъ послѣдній законъ давалъ полиціи въ извѣстныхъ мѣстностяхъ права, уничтожающія для извѣстнаго класса женщинъ различныя установленныя въ прежнія времена гарантіи личной свободы. Въ 1865 г. приняты были новыя мѣры для доставленія временно пріюта и облегченія на счетъ мѣстныхъ жителей нѣкотораго рода путешественникамъ. Затѣмъ изданъ былъ законъ о закрытіи кабаковъ и другой законъ, устанавливающій правила тушенія пожаровъ въ Лондонѣ. Во время управленія сэра Джона Росселя, въ 1866 г. слѣдуетъ отмѣтить законъ относительно хлѣвовъ на фермахъ и т. п. въ Шотландіи, предоставляющій мѣстнымъ властямъ право наблюдать за санитарными условіями и опредѣлять число головъ скота; законъ, принуждающій хмелеводовъ обозначать на тюкахъ хмеля годъ сбора, мѣсто происхожденія, вѣсъ, и дающій полиціи право провѣрять заявленія; законъ, облегчающій устройство меблированныхъ домовъ, надзоръ за ними, ограниченіе числа жильцовъ, и содержащій правила относительно штукатурки, окраски и т. п., и наконецъ законъ о публичныхъ библіотекахъ, дающій мѣстныхъ властямъ права, по которымъ большинство можетъ принудить меньшинство къ покупкѣ его книгъ.

Если мы перейдемъ теперь къ законодательству въ эпоху управленія Гладстона, то мы увидимъ въ 1869 г. учрежденіе государственныхъ телеграфныхъ конторъ и запрещеніе посылать депеши инымъ путемъ; министру предоставлено право устанавливать правила для способовъ перемѣщенія въ Лондонѣ, мы имѣемъ самую точную регламентацію для препятствованія распространенію эпизоотій, законъ о розничной продажѣ пива и законъ о сохраненіи морскихъ птицъ (слѣдствіемъ котораго будетъ большая смертность рыбы). Въ 1870 г. изданъ былъ законъ, предоставляющій совѣту общественныхъ работъ право выдавать ссуды землевладѣльцамъ для улучшенія ихъ имѣній и арендаторамъ на покупку этихъ имѣній; затѣмъ мы имѣемъ законъ, предоставляющій вѣдомству воспитанія и обученія право составлять школьные комитеты, которые могутъ покупать мѣста для школъ и могутъ основывать школы, содержимыя за счетъ мѣстныхъ налоговъ, право позволять школьнымъ комитетамъ вносить школьную плату за ученика, принуждать родителей посылать дѣтей въ школу и т. д.; мы имѣемъ еще законъ относительно мануфактуръ и мастерскихъ, создающій новыя ограниченія, между прочимъ запрещеніе принимать женщинъ и дѣтей въ мастерскія фруктовыхъ консервовъ и соленія рыбы. Въ 1871 г. является законъ касательно морской торговли, приписывающій служащимъ торговаго совѣта записывать водоизмѣщеніе каждаго судна, выходящаго изъ порта; затѣмъ есть еще другой законъ о мануфактурахъ и мастерскихъ, создающій новыя ограниченія, есть законъ о разносной торговлѣ, налагающій наказанія за разносную торговлю безъ разрѣшенія и ограничивающій районъ, въ области котораго разрѣшеніе дѣйствительно; есть еще новыя мѣры касательно обязательной прививки оспы. Среди законовъ 1872 г. назовемъ тотъ, который запрещаетъ брать на воспитаніе болѣе одного грудного младенца, за исключеніемъ домовъ, записанныхъ властями, опредѣляющими число дѣтей, которое дозволяется принимать. Назовемъ еще законъ о винныхъ лавкахъ, запрещающій продавать спиртные напитки лицамъ моложе 16 лѣтняго возраста, и другой законъ о морской торговлѣ, устанавливающій ежегодную ревизію пассажирскихъ пароходовъ. Затѣмъ въ 1873 г. былъ изданъ законъ о пользованіи дѣтскимъ трудомъ въ земледѣліи; по этому закону фермеру запрещалось употреблять для работы ребенка, не имѣющаго свидѣтельства объ окончаніи элементарной школы; изданъ былъ также законъ о морской торговлѣ, требующій, чтобы каждое

судно имѣло скалу, обозначающую вымѣщаемое количество воды и дающую торговому совѣту право назначать число лодокъ и спасительныхъ приборовъ, которые ему слѣдуетъ брать съ собой.

Посмотримъ теперь либеральные законы, изданные при нынѣшнемъ правительствѣ. Въ 1880 г. изданъ былъ законъ, запрещающій давать матросамъ жалованье впередъ на извѣстныхъ условіяхъ; другой законъ предписывалъ извѣстныя мѣры для перевозки хлѣбныхъ грузовъ; третій дозволялъ принуждать посылать дѣтей въ школу. Въ 1881 г. является запрещеніе продавать въ воскресенье стаканъ пива въ Уэльсѣ. Въ 1882 г. торговому совѣту предоставлено право давать разрѣшенія на производство электричества и его распространеніе; муниципалитетамъ разрѣшено было взимать налогъ за электрическое освѣщеніе; разрѣшены были новые поборы для облегченія устройства бань и прачешныхъ: мѣстныя власти получили разрѣшеніе издавать добавочные законы о трудѣ лицхъ, нанятыхъ для сбора плодовъ и овощей. Между законами 1883 г., принадлежащими къ этой категоріи, слѣдуетъ назвать законъ объ удешевленныхъ поѣздахъ, которыми, отнимая у населенія 400,000 фунт. стер. годоваго дохода (въ формѣ упраздненія налога на путешественниковъ) или же за счетъ владѣльцевъ желѣзнодорожныхъ линій, дается возможность рабочимъ передвигаться болѣе дешевымъ образомъ, такъ какъ торговый совѣтъ имѣетъ право черезъ посредство желѣзно-дорожныхъ комиссаровъ устраивать для рабочихъ довольно частные поѣзда съ достаточно удобными вагонами. Съ другой стороны существуетъ также законъ, запрещающій, подъ страхомъ пени въ десять фунтовъ стерл., расплачиваться съ рабочими въ кабакахъ; существуетъ новый законъ о фабрикахъ и мастерскихъ, предписывающій надзоръ за фабриками бѣлилъ (чтобы слѣдить за тѣмъ, имѣются-ли въ нихъ респираторы, бани, прохладительные кислые напитки и т. д.) и за булочными, регулирующій число рабочихъ часовъ въ тѣхъ и другихъ и заключающій въ себѣ подробныя правила относительно нѣкоторыхъ построекъ, за исправнымъ содержаніемъ которыхъ должны смотрѣть инспекторы.

Но идея наша будетъ не вполнѣ ясна, если мы будемъ разсматривать только тѣ принудительные законы, которые были изданы за послѣдніе годы. Мы должны также разсматривать и тѣ, которыхъ требуютъ, и которые грозятъ быть гораздо болѣе радикальными и стѣснительными. Одинъ изъ якобы наиболѣе либеральныхъ министровъ объявилъ недавно, что проекты послѣдняго правительства для улучшенія жилищъ рабочихъ недостаточно энергичны, и утверждалъ, что слѣдуетъ произвести давленіе на владѣльцевъ маленькихъ домовъ, земельныхъ участковъ и на плательщиковъ податей. Другой министръ, обращаясь къ своимъ избирателямъ, съ презрѣніемъ говоритъ объ усиліяхъ филантропическихъ обществъ и религіозныхъ корпорацій помочь бѣднымъ и добавляетъ, что «весь народъ этой страны долженъ бы считать такое дѣло своимъ собственнымъ», иначе сказать онъ требуетъ какой-нибудь грандіозной мѣры со стороны правительства. Съ другой стороны одинъ радикальный членъ парламента стремится, съ каждый годъ увеличивающимися шансами успѣха, къ тому, чтобы принудить населеніе къ умѣренности, давая мѣстному большинству право ограничивать свободу обмѣна нѣкоторыхъ товаровъ. Регулированіе часовъ труда для нѣкоторыхъ классовъ, распространяясь мало-по-малу, благодаря постепенному расширенію законовъ о мануфактурахъ, по всей вѣроятности распространится со временемъ еще болѣе, и уже поднятъ вопросъ о мѣрѣ, подчиняющей всѣхъ служащихъ въ магазинахъ такимъ же правиламъ. Все чаще и чаще раздаются требованія о безплатномъ обученіи для всѣхъ и на школьную плату начинаютъ смотрѣть, какъ на несправедливость; государство должно нести этотъ расходъ. Кромѣ того, мно-

гіе предлагаютъ, чтобы правительство, разсматриваемое, какъ въ высшей степени компетентный судья въ дѣлѣ воспитанія бѣдныхъ, предписывало хорошіе методы воспитанія и для среднихъ классовъ, чтобы оно налагало на дѣтей послѣднихъ свою государственную печать, прекрасное качество которой кажется защитникамъ такой идеи столь же неоспоримымъ, какимъ оно казалось китайцамъ, когда они установили свой методъ воспитанія. Съ нѣкоторыхъ поръ стали энергично требозать «фондовъ для изысканій». Каждый годъ правительство съ этой цѣлью выдаетъ 4000 ф. ст., которые распредѣляется по своему усмотрѣнію Королевское Общество. При этомъ за отсутствіемъ протестовъ противъ давленія со стороны заинтересованныхъ лицъ, пользующихся поддержкой тѣхъ, кто отъ нихъ зависитъ, названное общество мало-по-малу можетъ установить оплачиваемый «священническій санъ науки», котораго давно уже требовалъ сэръ Давидъ Брюстеръ. Предлагаютъ снова, представляя на то основательные доводы, организовать систему обязательнаго страхованія, по которой люди были бы обязаны съ юности дѣлать сбереженія на то время, когда они не въ состояніи будутъ работать.

Исчисленіе всѣхъ принудительныхъ мѣръ, которыя рано или поздно могутъ быть примѣнены, еще не окончено. Мы упомянули лишь вскользь объ увеличеніи общихъ и мѣстныхъ налоговъ. Частью для того, чтобы оплачивать расходы, налагаемые выполненіемъ этихъ все болѣе и болѣе умножающихся принудительныхъ мѣръ, изъ которыхъ каждая требуетъ цѣлаго штата служащихъ. частью для покрытія расходовъ, вызываемыхъ новыми общественными учрежденіями, какъ напр. школы съ пансіономъ, публичныя библіотеки, музеи, бани и прачешныя, мѣста для отдыха и т. д., мѣстные поборы увеличиваются съ каждымъ годомъ, а общіе налоги возрастаютъ, благодаря субсидіямъ на воспитаніе, на вѣдомство наукъ и искусствъ и т. д. Каждый изъ этихъ налоговъ представляетъ собой новое стѣсненіе и все болѣе ограничиваетъ свободу гражданина. Каждое новое требованіе заключаетъ въ себѣ слѣдующія, обращенныя къ плательщикамъ слова: «До сихъ поръ вы могли тратить эту часть своего заработка по своему усмотрѣнію; теперь же вы не будете имѣть возможности дѣлать этого, но мы будемъ тратить ее для общаго благополучія». Такимъ образомъ прямо или косвенно, а въ большинствѣ случаевъ и прямо и косвенно, гражданинъ на каждомъ шагу развитія этого принудительнаго законодательства лишается какой-либо изъ свободъ, которыми онъ пользовался прежде.

Таковы плоды дѣятельности той партіи, которая именуетъ себя либеральной на томъ основаніи, что считаетъ себя защитницей все болѣе расширяющейся свободы.

Я убѣжденъ, что многіе члены этой партіи прочитали предыдущія страницы съ нѣкоторымъ раздраженіемъ: они, конечно, хотѣли поставить мнѣ на видъ большое опущеніе, которое, по ихъ мнѣнію, разрушаетъ значеніе моей аргументаціи. «Вы забываете, скажутъ они мнѣ, основную разницу между властью, которая въ былыя времена установила ограниченія, отмѣненныя либерализмомъ, и властью, въ настоящее время устанавливающей ограниченія, которыя вы навываете анти-либеральными. Вы забываете, что первая была власть неотвѣтственная, тогда какъ вторая есть власть отвѣтственная. Вы забываете, что если новое законодательство ввело различныя правила, институтъ, создавшій ихъ, учрежденъ самимъ народомъ и отъ него получилъ полномочіе дѣлать то, что онъ дѣлаетъ».

На такое возраженіе отвѣчу, что не забылъ этой разницы, но готовъ доказать, что она имѣетъ весьма мало значенія въ данномъ вопросѣ.

Прежде всего главный вопросъ состоитъ въ слѣдующемъ: происхо-

дить-ли большее вмѣшательство въ жизнь гражданъ, чѣмъ прежде, а не въ томъ къ какой категоріи принадлежитъ тотъ агентъ, который производитъ это вмѣшательство. Возьмемъ болѣе простой случай: членъ рабочей ассоціаціи присоединился къ другимъ лицамъ, чтобы учредить организацію чисто представительнаго характера. Согласно устава этой организаціи онъ обязанъ участвовать въ забастовкѣ, если того требуетъ большинство; ему запрещается принимать работу подъ иными условіями, чѣмъ тѣ, которыя признаются этимъ большинствомъ; ему мѣшаютъ извлекать изъ своего умѣнья и изъ своей болѣе высокой энергіи всѣ выгоды, которыя онъ могъ бы извлечь изъ нихъ, если бы былъ совершенно свободенъ. Онъ не можетъ ослушаться, не утрачивая тѣхъ матеріальныхъ выгодъ, которыя заставили его вступить въ ассоціацію и не навлекая на себя преслѣдованіе и можетъ быть насиліе своихъ товарищей. Развѣ же онъ менѣе чувствуетъ стѣсненіе, потому что его голосъ вмѣстѣ съ другими голосами способствовалъ учрежденію стѣсняющаго его общества?

Затѣмъ, если мнѣ возразятъ, что аналогія не вѣрна, потому что институтъ, управляющій націей, защищающій жизнь и интересы націи, институтъ, которому всѣ должны подчиняться подъ страхомъ общественной дезорганизаціи, имѣетъ гораздо болѣе распространенную на гражданъ власть, нежели управленіе частной организаціи можетъ имѣть на своихъ членовъ, я отвѣчу, что и допуская разницу, данный мною отвѣтъ имѣетъ не меньшее значеніе. Если люди пользуются своей свободой такимъ образомъ, что отказываются отъ свободы, то развѣ это имъ помѣшаетъ сдѣлаться рабами впослѣдствіи? Если народъ путемъ плебисцита выбираетъ человѣка, чтобы онъ царствовалъ неограниченно, то развѣ онъ останется свободнымъ, потому, что самъ создалъ этотъ деспотизмъ? Развѣ принудительные указы, изданные этимъ деспотомъ, должны считаться законными, потому что они представляютъ собой продуктъ народнаго голосованія? Если-бы это было такъ, то можно было бы утверждать, что африканскій житель, который ломаетъ свое копье въ присутствіи другого и тѣмъ становится его рабомъ, все-таки сохраняетъ свою независимость, потому что свободно выбралъ своего господина.

Наконецъ, если нѣкоторые либералы не безъ раздраженія, пожалуй, отвергнутъ это разсужденіе и скажутъ, что не можетъ быть полной аналогіи между отношеніями народа къ правительству тамъ, гдѣ избранъ былъ единый неотвѣтственный властитель, чтобы царствовать на всегда, и тѣми же отношеніями тамъ, гдѣ существуетъ отвѣтственный институтъ, подчиненный время отъ времени переизбранію,—тогда я дамъ на это мой послѣдній отвѣтъ, который удивитъ многихъ. Я скажу, что многочисленные ограничительные акты не могутъ быть оправданы тѣмъ, что они исходятъ отъ избраннаго народомъ института, такъ какъ власть подобнаго института, такъ же, какъ и власть монарха, не можетъ считаться неограниченной. Какъ истинный либерализмъ въ былыя времена боролся противъ монарха, который хотѣлъ пользоваться неограниченной властью, точно такъ же и въ наше время истинный либерализмъ будетъ бороться противъ парламента, который захочетъ захватить въ свои руки подобную же власть. Не буду настаивать на этомъ аргументѣ, такъ какъ надѣюсь, что даннаго отвѣта будетъ достаточно.

Во всякомъ случаѣ, какъ въ послѣднее время, такъ и раньше, истинный либерализмъ всегда выражалъ въ своихъ дѣйствіяхъ стремленіе къ теоріи ограниченной парламентской власти. Всѣ эти отмѣны ограниченій, относящихся къ вѣрованіямъ и религіознымъ обрядамъ, къ обмѣнамъ и передвиженіямъ, къ рабочимъ ассоціаціямъ и къ свободѣ передвиженія рабочихъ, были молчаливымм выраженіями желанія ограниченія. Точно также

забвеніе, которому преданы были древніе законы противъ роскоши, законы, запрещавшіе тѣ или другія увеселенія, законы, предписывавшіе этотъ или иной способъ культуры и другіе законы того же рода, показываютъ, что государство не должно было вмѣшиваться въ эти вопросы. Точно такъ же и мѣры, принятыя либеральной партіей послѣдняго поколѣнія для устраненія препятствій, встрѣчаемыхъ личной дѣятельностью въ различныхъ ея проявленіяхъ, были выраженіемъ той идеи, что въ этомъ направленіи и сфера правительственной дѣятельности должна быть уменьшена. Признавая попытку ограниченія правительственной дѣятельности, приготовлялись ограничить ее въ теоріи. Одна изъ самыхъ ходячихъ политическихъ истинъ есть та, что въ ходѣ соціальной эволюціи обычай предшествуетъ закону и что разъ обычай утвердился, онъ становится закономъ, получая офиціальную санкцію и опредѣленную форму. Итакъ очевидно, что либерализмъ, устанавливая органиченіе въ прошедшія времена, подготовлялъ путь къ принципу ограниченія.

Если отъ этихъ общихъ разсужденій я обращусь къ спеціально занимающему насъ вопросу, то я снова повторю мой отвѣтъ, а именно: что свобода, которой пользуется гражданинъ, должна измѣряться не сущностью правительственнаго механизма, при которомъ онъ живетъ,—будетъ ли это правительство представительнымъ или нѣтъ,—но меньшимъ сравнительно числомъ наложенныхъ на него ограниченій, и что дѣйствія этого механизма, созданнаго при участіи или безъ участія гражданъ, не имѣютъ либеральнаго характера, если увеличиваютъ стѣсненія за предѣлы необходимаго числа, чтобы препятствовать всякому прямому или косвенному нанесенію вреда, то есть необходимаго числа для защиты свободы всякаго противъ посягательства другихъ: эти стѣсненія можно слѣдовательно назвать отрицательно принудительными, а не положительно принудительными.

По всей вѣроятности либералъ, а еще болѣе его разновидность—радикалъ, который болѣе чѣмъ кто-либо другой въ послѣднее время воображаетъ, повидимому, что если цѣль, къ которой онъ стремится, хороша, то онъ имѣетъ право проявлять надъ людьми все насиліе, на какое онъ способенъ, будутъ протестовать. Зная, что цѣль его есть общественное благо, которое должно быть достигнуто тѣмъ или другимъ путемъ, и думая, что торіемъ, напротивъ руководитъ интересъ касты и желаніе сохранить власть касты, радикалъ будетъ утверждать, что въ высшей степени нелѣпо помѣщать его въ одну и ту же категорію и отвергнетъ аргументацію, доказывающую, что онъ дѣйствительно принадлежитъ къ ней.

Можетъ быть при помощи аналогіи онъ лучше пойметъ ея справедливость. Если-бы гдѣ нибудь на Востокѣ, гдѣ личное правительство есть единственная форма управленія, онъ услышалъ изъ устъ одного изъ жителей разсказъ о борьбѣ, благодаря которой они низложили порочнаго и жестокаго деспота и поставили на его мѣсто другого, дѣянія котораго выказываютъ его заботу о ихъ благосостояніи, и если бы послѣ того, какъ они выразили бы радость по поводу этой перемѣны, онъ сказалъ бы имъ, что они не измѣнили сущности своего правительства, онъ весьма удивилъ бы ихъ этимъ и вѣроятно ему трудно было бы объяснить имъ, что замѣна злого деспота добрымъ не мѣшаетъ ихъ правительству быть деспотическимъ. Точно то же можно сказать и о правильно понятомъ торизмѣ. Когда торизмъ есть синонимъ принужденія со стороны государства по отношенію къ свободѣ личности, торизмъ остается торизмомъ, независимо отъ того, распространяетъ ли онъ это стѣсненіе изъ корыстныхъ или изъ безкорыстныхъ мотивовъ. Какъ несомнѣнно то, что деспотъ остается деспотомъ независимо отъ того, будутъ ли мотивы проявленія его произвола хороши или дурны, точно такъ же несомнѣнно и то, что торій остается торіемъ, пре-

слѣдуетъ ли онъ корыстныя или безкорыстныя цѣли, заставляя правительство ограничивать свободу гражданина сверхъ степени необходимой для охраненія свободы другихъ гражданъ.] Корыстный торій такъ же, какъ и безкорыстный, принадлежитъ къ виду торіевъ, хотя и представляетъ собой новую разновидность этого родъ вида. И оба они представляютъ собой рѣзкій контрастъ либералу, какимъ онъ былъ въ тѣ времена, когда либералы дѣйствительно заслуживали этого названія. Опредѣленіе либерала было таково: «Человѣкъ, требующій наибольшей отмѣны стѣснительныхъ мѣръ, въ особенности въ политическихъ учрежденіяхъ».

Такимъ образомъ оправдывается выраженный мною въ началѣ этой главы парадоксъ. Какъ мы уже видѣли торизмъ и либерализмъ произошли вначалѣ: одинъ отъ милитаризма, другой отъ индустріализма. Одинъ защищалъ режимъ государства, другой—режимъ соглашенія; одинъ—систему вынужденной кооперации, сопровождающей законное неравенство классовъ; другой—добровольную кооперацію, сопровождающую ихъ законное равенство; и нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что первые акты обѣихъ партій имѣли цѣлью съ одной стороны поддержать тѣ постановленія, которыя производятъ эту насильственную кооперацію, а съ другой стороны ослабить или ограничить эти постановленія. Очевиднымъ выводомъ изъ этого будетъ то, что нынѣшній либерализмъ, по скольку онъ распространилъ систему принужденія, есть лишь новая форма торизма.

Истина этого мнѣнія еще болѣе очевиднымъ образомъ будетъ доказана на слѣдующихъ страницахъ.

II. Будущее рабство.

Однимъ изъ доказательствъ того, что любовь и жалость родственны между собой, служитъ то, что вторая, такъ же, какъ и первая, идеализируетъ свой объектъ. Сочувствіе къ страдающему лицу заглушаетъ на время воспоминаніе о его проступкахъ. Чувство, которое выражается при видѣ несчастнаго въ восклицаніи: «бѣдный человѣкъ!» исключаетъ мысль: «дурной человѣкъ!», которая могла бы возникнуть въ другое время. Поэтому естественно, что, если несчастные намъ незнакомы или лишь мало знакомы, всѣ ихъ недостатки и проступки остаются скрытыми. Вслѣдствіе этого, если въ наше время описываютъ несчастья бѣдныхъ, то публика воображаетъ этихъ несчастныхъ непремѣнно достойными уваженія и не представляетъ ихъ себѣ—что во многихъ случаяхъ было бы справедливѣе—недостойными этого чувства. Тѣ, страданія которыхъ описываются въ брошюрахъ и разсказываются въ проповѣдяхъ и рѣчахъ, раздающихся по всей странѣ, изображаются непремѣнно чудными людьми, съ которыми поступили несправедливо: ни одинъ изъ нихъ не представляется несущимъ бремя своихъ собственныхъ проступковъ.

Когда вы нанимаете карету въ Лондонѣ, вы съ удивленіемъ видите какихъ-то личностей, которыя желаютъ получить отъ васъ подачку за то, что онѣ предупредительно отворили вамъ дверцу кареты. Но вы перестаете удивляться, когда увидите огромное число праздношатающихся вокругъ кабаковъ, или замѣтите, съ какой быстротой собирается на улицѣ изъ сосѣднихъ дворовъ и притоновъ толпа зѣвакъ поглазѣть на несчастный случай или на процессію. При видѣ ихъ многочисленности на такомъ маломъ пространствѣ, вы начинаете понимать, что десятки тысячъ подобнаго люда кишатъ въ Лондонѣ. «У нихъ нѣтъ работы»,—говорите вы. Скажите лучше, что они отказываются отъ работы, или по своей винѣ быстро

увольняются изъ мастерскихъ. Это просто негодяи, которые тѣмъ или другимъ способомъ живутъ на счетъ порядочныхъ людей, это бродяги и глупцы, преступники въ прошедшемъ или будущемъ, юноши, которые обременяютъ собой тяжело-трудящихся родителей, мужья, которые присваиваютъ себѣ заработокъ своихъ женъ, личности, раздѣляющія между собой заработокъ проститутокъ; сюда же примѣшивается соотвѣтствующій классъ женщинъ, менѣе видный и менѣе многочисленный.

Развѣ счастье можетъ быть удѣломъ лицъ подобнаго рода? и развѣ не естественно, что они сами навлекаютъ несчастье на себя и на своихъ близкихъ?.. Развѣ не очевидно, что среди насъ существуетъ масса несчастій, которыя произошли естественнымъ образомъ отъ дурного поведенія, и которыя неизмѣнно должны быть связаны съ нимъ. Въ наше время, болѣе, чѣмъ когда-либо и съ большимъ, чѣмъ когда-либо трескомъ, пропагандируется идея, что всякое соціальное страданіе можетъ быть устранено, и что тотъ или другой обязанъ устранить это зло. Оба эти мнѣнія ложны. Отдѣлять страданія отъ дурного поступка, это значитъ бороться противъ природы вещей и навлечь множество еще болѣе сильныхъ страданій. Избавленіе людей отъ естественнаго наказанія за распущенную жизнь дѣлаетъ необходимымъ, при случаѣ, примѣненіе искусственныхъ наказаній въ родѣ одиночнаго заключенія, двиганія мельничныхъ жернововъ и кнута. Одна поговорка, признанная какъ народнымъ обычаемъ, такъ и наукой, можетъ считаться неоспоримой истиной: «кто не хочетъ работать, не имѣетъ права ѣсть». Эта поговорка просто на просто христіанская формула того естественнаго закона, подъ господствомъ котораго жизнь достигла своего настоящаго пункта, закона, по которому существо, недостаточно энергичное для удовлетворенія своихъ нуждъ, должно погибнуть. Разница здѣсь только въ томъ, что законъ, который въ одномъ случаѣ долженъ быть навязанъ силой, въ другомъ случаѣ является естественной необходимостью. А между тѣмъ, христіане менѣе всего склонны признать этотъ догматъ своей религіи, который наука оправдываетъ столь очевиднымъ образомъ. Ходячее мнѣніе гласитъ, что страданій не должно быть и что общество отвѣтственно за тѣ, которыя существуютъ.

«Но мы, разумѣется, несемъ извѣстную отвѣтственность даже и тогда, когда страдаютъ люди, недостойные участія».

Если подъ словомъ «мы» подразумѣваемся не только мы сами, но подразумѣваются также и наши предки и въ особенности тѣ изъ нихъ, которые сочиняли законы, то мнѣ нечего отвѣчать. Я допускаю, что всѣ, которые издали, измѣнили и выполнили старый законъ о бѣдныхъ отвѣтственны въ томъ, что произвели страшную деморализацію, вліяніе которой не изгладится въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ. Я допускаю, что послѣдніе и нынѣшніе законодатели частью отвѣтственны за мѣры, создавшія постоянное войско бродягъ, переходящихъ отъ одной ассоціаціи къ другой, и что они также отвѣтственны за постоянную наличность между нами преступнаго элемента, такъ какъ они допустили освобожденіе преступниковъ въ такихъ условіяхъ, которыя почти заставляютъ имъ совершать новыя преступленія. Кромѣ того я допускаю, что и филантропы несутъ на себѣ часть отвѣтственности, такъ какъ, чтобы помогать дѣтямъ недостаточныхъ родителей, они наносятъ ущербъ дѣтямъ людей достойныхъ участія, обременяя ихъ родителей все возростающими мѣстными поборами. Затѣмъ я допускаю также, что эти стаи негодяевъ, выкормленныхъ и умноженныхъ общественными и частными учрежденіями пострадали бы иначе—но развѣ это именно та отвѣтственность, о которой мы говоримъ? Я не думаю.

Если мы теперь оставимъ въ сторонѣ вопросъ объ отвѣтственности, въ какомъ бы смыслѣ ее ни понимали, и если мы только будемъ разсмат-

ривать зло само въ себѣ, то что мы должны сказать о томъ, какъ къ нему относятся? Возьмемъ слѣдующій фактъ.

Одинъ изъ моихъ покойныхъ дядей, пасторъ Томасъ Спенсеръ, управлявшій въ теченіи двадцати лѣтъ заведеніемъ Hinton Charlerhouse близъ Бата, какъ только вступилъ въ должность, сталъ заботиться о благосостояніи бѣдныхъ: учредилъ школу, библіотеку, общество раздачи одеждъ, раздавалъ земельные участки и строилъ *образцовые катеджи*. Болѣе того: до 1833 г. онъ былъ другомъ бѣдныхъ, защищая ихъ всегда отъ сборщика налоговъ на бѣдныхъ. Между тѣмъ возникли пренія о законѣ о бѣдныхъ, выяснившія ему дурные результаты существовавшей въ то время системы. Будучи горячимъ филантропомъ, онъ тѣмъ не менѣе не былъ робкимъ сентименталистомъ, поэтому, какъ только былъ изданъ новый законъ о бѣдныхъ, онъ началъ примѣнять его въ своемъ приходѣ и встрѣтилъ почти всеобщее сопротивленіе, такъ какъ противъ него оказались не только бѣдняки, но также и фермеры, на которыхъ легло бремя тяжелыхъ налоговъ въ пользу бѣдныхъ. И дѣйствительно, странно сказать, имъ повидимому было выгоднѣе поддерживать старую систему, налагавшую на нихъ столь тяжелыя обязательства. Вотъ чѣмъ это объясняется. Среди населенія установился обычай платить вмѣстѣ съ налогомъ часть заработной платы каждаго деревенскаго рабочаго: эта сумма называлась «дополненіемъ къ заработной платѣ», и хотя фермеры доставляли большую часть суммъ, изъ которыхъ почерпалось это дополненіе къ заработной платѣ, однако такъ какъ въ этихъ платежахъ участвовали и другіе плательщики, то для фермеровъ эта система, повидимому, была выгоднѣе. Мой дядя, котораго не такъ-то легко было испугать вступилъ въ борьбу съ этой оппозиціей и добился примѣненія закона. Въ результатѣ оказалось, что подати съ 700 ф. ст. уменьшились на 200 ф. ст. и состояніе прихода значительно улучшилось. «Тѣ, которые до сихъ поръ шлялись безъ дѣла по улицамъ или по кабакамъ, занялись другимъ дѣломъ и одинъ за другимъ принялись за работу». Такимъ образомъ изъ населенія въ 800 душъ, изъ которыхъ человѣкъ сто получали прежде пособіе на дому, только 15 пришлось отправить въ Батъ, когда тамъ образовался *Союзъ*. Если мнѣ скажутъ, что телескопъ въ 20 ф. ст., который поднесенъ былъ моему дядѣ нѣсколькими годами позднѣе, доказывалъ только благодарность плательщиковъ податей, то я отвѣчу на это, что когда мой дядя нѣкоторое время спустя умеръ надорвавшись отъ непосильной работы для народнаго блага, и когда тѣло его привезли хоронить въ Гинтонъ, то за гробомъ его шли не одни только богатые, но также и бѣдняки.

Нѣсколько причинъ побудили меня разсказать этотъ фактъ. Мнѣ хотѣлось доказать, во первыхъ, что любовь къ народу и безкорыстныя заботы о его благосостояніи не бываютъ неизбѣжно связаны съ одобреніемъ безплатной помощи, во вторыхъ, что добро можетъ быть результатомъ не увеличенія искусственныхъ средствъ для облегченія нужды, а наоборотъ— слѣдствіемъ уменьшенія этихъ средствъ, и наконецъ, въ третьихъ: я хотѣлъ подготовить почву для аналогичнаго разсужденія.

Въ другомъ видѣ и въ иной сферѣ мы расширяемъ теперь годъ отъ году все болѣе и болѣе систему совершенно тождественную системѣ «дополнительныхъ заработныхъ платъ» (make—wages), существовавшей при прежнемъ законѣ о бѣдныхъ. Хотя политики и не признаютъ этого факта, но трудно доказать, что различныя общественныя мѣры для доставленія комфорта рабочему классу, оплачиваемыя плательщиками податей, въ сущности тождественны съ тѣми, которыя нѣкогда примѣнялись къ сельскому рабочему, считавшемуся отчасти рабочимъ, отчасти нищимъ. Въ томъ и другомъ случаѣ рабочій, взамѣнъ того, что онъ дѣлаетъ, и полу-

чаетъ деньги, чтобы купить извѣстное количество нужныхъ для него предметовъ, а для доставленія ему остальнаго даются деньги изъ общаго фонда, составленнаго изъ налоговъ. Не все-ли равно, какого рода будутъ предметы, доставляемые даромъ плательщиками податей? Принципъ одинъ и тотъ же. Замѣнимъ выплачиваемыя суммы товарами и другими покупными благами и посмотримъ, что изъ этого выйдетъ. Когда былъ въ силѣ старый законъ о бѣдныхъ, фермеръ давалъ за исполненную работу соотвѣтствующую плату жильемъ, хлѣбомъ, одеждой или топливомъ, тогда какъ плательщики податей доставляли рабочему и его семьѣ обувь, чай, сахаръ, свѣчи, сало и т. д. Разумѣется, распредѣленіе количества и качества этихъ предметовъ было произвольно, но несомнѣнно также, что фермеры и плательщики податей доставляли эти предметы сообща. Въ настоящее время рабочій получаетъ отъ хозяина въ видѣ заработной платы эквивалентъ необходимыхъ ему предметовъ потребленія, тогда какъ общество доставляетъ ему возможность удовлетворять другія потребности, другія желанія. На средства плательщиковъ онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ,—а скоро и въ весьма многихъ случаяхъ,—будетъ имѣть возможность пріобрѣсти домъ ниже его продажной цѣны; ибо когда, напримѣръ, въ Ливерпулѣ муниципалитетъ тратитъ около 200.000 ф. ст. на разрушеніе и построеніе вновь жилищъ низшихъ классовъ и готовится истратить еще столько же, мы можемъ заключить, что плательщики податей даютъ бѣднымъ болѣе удобное жилище, чѣмъ они могли бы имѣть иначе за обычную квартирную плату. Эти же плательщики податей несутъ кромѣ того большую часть расходовъ по обученію дѣтей рабочихъ, и по всей вѣроятности это ученье вскорѣ будетъ совершенно безплатнымъ. Они даютъ имъ также всевозможныя книги и газеты, а также и приличныя помѣщенія, гдѣ они могутъ читать ихъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ также, какъ напримѣръ въ Манчестерѣ, были основаны гимназіи для мальчиковъ и дѣвочекъ, а также мѣста рекреацій. Изъ этого мы видимъ, что рабочій, благодаря капиталу, составленному изъ мѣстныхъ налоговъ, пользуется извѣстными преимуществами, которыя онъ не можетъ получать за деньги, доставляемыя ему его трудомъ. Слѣдовательно единственная разница между этой системой и старой системой «дополненія къ заработной платѣ» есть та же, которая существуетъ между родами полученнаго удовлетворенія, а эта разница нисколько не измѣняетъ сущность системы.

Кромѣ того въ обѣихъ системахъ преобладаетъ одна и та же иллюзія. И въ томъ и въ другомъ случаѣ то, что кажется безплатнымъ даромъ, не есть безплатный даръ. Сумма, которую при старомъ законѣ о бѣдныхъ рабочій полу-нищій получалъ отъ прихода въ дополненіе своего дневнаго заработка, въ дѣйствительности вовсе не есть прибавка къ платѣ, такъ какъ слѣдствіемъ ея являлось соотвѣтственное уменьшеніе заработной платы, какъ это и доказано было тѣмъ, что когда система была отмѣнена, заработная плата повысилась. Такое же значеніе имѣютъ и тѣ кажущіяся уступки, которыя дѣлаются рабочимъ въ городахъ. Я намекаю не только на тотъ фактъ, что они платятъ за нихъ незамѣтнымъ образомъ, частью въ видѣ болѣе высокой платы за квартиру (когда они не платятъ налоговъ); но и на то, что и заработная плата, какъ напримѣръ плата работника на фермѣ, уменьшается, благодаря тѣмъ общественнымъ налогамъ, которые платятъ работодатели. Почитайте послѣдніе отчеты о хлопчатобумажной стачкѣ въ Ланкаширѣ. Они содержатъ въ себѣ доставленныя самими рабочими доказательства того, что выгоды такъ незначительны, что менѣе ловкіе фабриканты, а также и тѣ, которые владѣютъ недостаточными капиталами разоряются и что кооперативныя общества, составляющія имъ конкуренцію, рѣдко могутъ устоять. А теперь сдѣлайте

изъ этого выводы относительно заработной платы. Къ издержкамъ производства слѣдуетъ относить общіе и мѣстные налоги. Если, какъ въ нашихъ большихъ городахъ, мѣстные налоги достигаютъ въ настоящее время одной трети заявленныхъ доходовъ или больше, если работодатель долженъ платить эту треть не только за свое личное жилище, но и за свое торговое помѣщеніе, за свою фабрику, за свои склады и т. д., то эту сумму приходится вычесть изъ процентовъ на капиталъ или взять изъ фондовъ заработной платы или же взять ее частью оттуда, частью отсюда. Если же конкуренція между капиталистами въ одной и той же отрасли промышленности или въ разныхъ отрасляхъ держитъ прибыль на такомъ низкомъ уровнѣ, что въ то время, какъ одни наживаютъ, другіе терпятъ убытки, и многіе разоряются, и если капиталъ, не получая достаточной прибыли, ищетъ другого примѣненія и оставляетъ рабочую силу безъ употребленія, тогда становится очевиднымъ, что рабочій принужденъ выбирать или между меньшимъ количествомъ труда, или меньшей платой за трудъ. Кромѣ того, эти мѣстные налоги, по аналогичнымъ причинамъ, повышаютъ цѣны на предметы потребленія. Цѣны, назначаемыя торговцами, опредѣляются въ общемъ обычнымъ процентамъ прибыли на капиталъ, вложенный въ розничную торговлю, а чрезвычайные расходы розничной торговли должны возмѣщаться чрезвычайнымъ повышеніемъ цѣнъ. Такимъ образомъ, теперь городской рабочій, такъ же, какъ прежде сельскій рабочій, теряетъ съ одной стороны то, что получаетъ съ другой: къ этому слѣдуетъ прибавить еще расходы на администрацію и безполезныя траты, которыя она вызываетъ. Но какое же отношеніе все это имѣетъ къ «будущему рабству?» спросите вы. Никакого прямого, но во многихъ случаяхъ косвенное отношеніе, какъ мы увидимъ это ниже.

Говорятъ, что въ тѣ времена, когда желѣзныя дороги были впервые проведены въ Испаніи, крестьяне часто попадали подъ поѣздъ и эти несчастные случаи приписывали машинистамъ, которые не останавливали локомотивъ, такъ какъ земледѣльческая практика не давала пострадавшимъ никакого понятія объ импульсѣ, сообщенномъ тяжелой массѣ, движущейся съ большой быстротой.

Мнѣ припоминается этотъ фактъ, когда я разсматриваю идеи, такъ называемыхъ, «практическихъ» политиковъ: я вижу, какъ эти люди не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что такое политическій *моментъ* и еще менѣе знаютъ о такомъ политическомъ *моментъ*, который, вмѣсто того, чтобы уменьшаться или оставаться постояннымъ, все увеличивается. Теорія, по которой обыкновенно дѣйствуетъ политикъ, заключается въ томъ, что измѣненіе, производимое принятой имъ мѣрой, остановится на томъ пунктѣ, на которомъ онъ хочетъ, чтобы оно остановилось. Онъ внимательно изучаетъ, каковы будутъ результаты его дѣйствія, но онъ вовсе не думаетъ объ отдѣленныхъ послѣдствіяхъ его мѣры и еще менѣе о сопровождающихъ ее явленіяхъ. Когда во время войны необходимо было имѣть въ изобиліи пушечное мясо старались повысить рождаемость, но когда Питтъ сказалъ: «Будемъ стараться, чтобы помощь, оказываемая многочисленнымъ семьямъ была почетнымъ правомъ, а не клеймомъ позора и презрѣнія», то никто не думалъ, что налогъ въ пользу бѣдныхъ за пятьдесятъ лѣтъ, учетверится что, въ разсчетѣ на помощь кассы неимущихъ, каждый предпочтетъ жениться на женщинахъ съ множествомъ незаконныхъ дѣтей, а не на честныхъ дѣвушкахъ и что множество плательщиковъ податей превратятся въ неимущихъ. Законодатели, которые въ 1883 г. вотировали 20000 ф. ст. на постройку школьныхъ домовъ, не предполагали, что эта мѣра повлечетъ за собой чрезмѣрные налоги, общіе и мѣстные, доходящіе теперь до суммы въ 6 милліоновъ ф. ст.;

они вовсе не имѣли въ виду установить тотъ принципъ, что A долженъ нести отвѣтственность за обученіе дѣтей B; они не думали о принужденіи, которое лишитъ бѣдныхъ вдовъ помощи ихъ дѣтей, достигшихъ уже довольно значительнаго возраста и еще менѣе ожидали они, что ихъ преемники, заставляя неимущихъ родителей обращаться къ распорядителямъ имуществомъ бѣдныхъ для того, чтобы внести школьную плату, требуемую школьными Комитетами, введутъ привычку обращаться къ этимъ распорядителямъ и такимъ путемъ посодѣйствуютъ развитію пауперизма. А тѣ, которые въ 1834 г. издали законъ, регулирующій работу женщинъ и дѣтей на опредѣленныхъ фабрикахъ, не воображали, что такимъ образомъ введенная система должна окончиться ограниченіемъ и инспекціей труда во всякомъ промышленномъ учрежденіи, гдѣ работаетъ болѣе пятидесяти человѣкъ; они не воображали также, что инспекція можетъ быть доведена до требованія того, чтобы «молодая особа», желающая получить работу на фабрикѣ имѣла на то разрѣшеніе врача, который личнымъ осмотромъ (никакими правилами не ограниченнымъ) удостовѣрился бы, что она не страдаетъ никакой болѣзнью, никакимъ тѣлеснымъ недостаткомъ, дѣлающими ее неспособной къ труду, при чемъ его приговоръ рѣшаетъ вопросъ: можетъ или не можетъ данная молодая особа зарабатывать свой хлѣбъ. И, какъ я сказалъ уже, политикъ, хвастающій своими практичными взглядами, еще менѣе можетъ предвидѣть косвенные результаты, являющіеся слѣдствіемъ прямыхъ результатовъ его мѣръ. Такъ, напримѣръ, возьмемъ случай, имѣющій отношеніе къ вышеприведеннымъ: система «уплаты по результатамъ» имѣла въ виду единственно дать энергичный стимулъ преподавателямъ, не предполагая, что этотъ стимулъ вредно отзовется на здоровьѣ дѣтей: никому и въ голову не приходило, что учителя могутъ принять систему «неудобоваримаго преподаванія» и будутъ производить чрезмѣрное давленіе на слабыхъ и неспособныхъ дѣтей, весьма часто къ ихъ вреду; никто не предвидѣлъ, что во многихъ случаяхъ слѣдствіемъ этой системы являлось физическое ослабленіе, которое не можетъ быть возмѣщено знаніемъ грамматики и географіи.

Запрещеніе открывать кабаки безъ разрѣшенія имѣло цѣлью сохраненіе порядка въ общественныхъ мѣстахъ. Тѣмъ, которые придумали эту мѣру, и въ голову не приходило, чтобы она могла имѣть могучее и вредное вліяніе на выборы. «Практичные» политики, предписавшіе обязательную линію нагрузки для торговыхъ судовъ, и не воображали, что кредитъ судовладѣльцевъ доведетъ эту линію нагрузки до крайняго предѣла и что, отъ прецедента къ прецеденту, все въ томъ же направленіи, эта линія будетъ подниматься постепенно въ лучшихъ судахъ, что — какъ мнѣ извѣстно—уже и имѣетъ мѣсто. Законодатели, которые сорокъ лѣтъ тому назадъ закономъ принудили желѣзнодорожныя компаніи устанавливать низкую проѣздную плату разсмѣялись бы, если бы имъ сказали, что ихъ законъ можетъ навлечь наказаніе на тѣхъ, которые будутъ примѣнять его въ самомъ широкомъ смыслѣ. А между тѣмъ это именно и случилось съ компаніями, которыя начали допускать третій классъ въ скорыхъ поѣздахъ: на нихъ наложили пеню, равняющуюся цѣнѣ проѣзднаго билета для каждаго перевезеннаго такимъ образомъ пассажира. Къ этому примѣру, взятому изъ желѣзнодорожной практики, присоединимъ фактъ, вытекающій изъ сравненія способа управленія желѣзныхъ дорогъ въ Англіи и во Франціи. Законодатели, принявшіе мѣры къ окончательному возвращенію французскихъ желѣзныхъ дорогъ государству, никогда не думали, что это могло повести къ уменьшенію выгодъ для пассажировъ. Они не предвидѣли, что желаніе не обезцѣнить собственности, которая должна будетъ возратиться къ государству, помѣшаетъ разрѣшенію строить соперничающія

желѣзно-дорожныя линіи, и что за отсутствіемъ конкуренціи передвиженіе будетъ относительно медленнымъ, дорогимъ и поѣзда будутъ менѣе часты. Англійскій путешественникъ, какъ это доказалъ сэръ Томасъ Фарреръ, имѣетъ сравнительно съ французскимъ большія преимущества въ отношеніи дешевизны, быстроты и частаго слѣдованія поѣздовъ.

Но «практичный» политикъ, не смотря на подобные опыты, повторяющіеся изъ поколѣнія въ поколѣніе, продолжаетъ принимать во вниманіе одни только ближайшіе результаты и конечно не думаетъ о еще болѣе отдаленныхъ, еще болѣе общихъ послѣдствіяхъ нежели тѣ, которыя мы только что приводили въ примѣръ. Пользуясь вышеприведенной метафорой, мы замѣтимъ, что онъ никогда не задаетъ себѣ вопроса, будетъ ли политическій *моментъ*, вызванный его мѣрой, моментомъ иногда уменьшающимся, но въ иныхъ случаяхъ и сильно увеличивающимся, или же будетъ слѣдовать общему направленію другихъ аналогичныхъ *моментовъ*, и не можетъ-ли онъ присоединиться къ этимъ моментамъ, чтобы произвести въ скоромъ времени сложное движеніе, совершающее перемѣны, о которыхъ никто и не помышлялъ. Онъ разсматриваетъ единственно дѣйствіе теченія, произведеннаго его собственными законами, не видя, что другія теченія, уже существующія и еще другія, слѣдующія данному импульсу, идутъ по тому же направленію, и ему никогда не приходитъ въ голову, что всѣ эти теченія могутъ соединяться и составить потокъ, который совершенно измѣнитъ всѣ существующія условія. Иначе, говоря безъ метафоры: онъ не сознаетъ ту истину, что помогаетъ создать извѣстный типъ соціальной организаціи и что аналогичныя мѣры, производя аналогичныя измѣненія организаціи, все сильнѣе и сильнѣе стремятся сдѣлать этотъ типъ общимъ, до тѣхъ поръ пока въ извѣстный моментъ стремленіе сдѣлается настолько сильнымъ, что ничто не можетъ противостоять ему. Какъ каждое общество старается, по возможности, установить въ другихъ обществахъ строй аналогичный своему собственному, какъ въ Греціи спартанцы и аѳиняне одни передъ другими старались распространять свои собственныя политическія учрежденія или какъ въ эпоху французской революціи абсолютныя монархіи Европы старались возстановить абсолютную монархію во Франціи, тогда какъ республика поощряла образованіе другихъ республикъ, точно такъ же во всякомъ обществѣ всякій строй стремится къ распространенію. Какъ система добровольной коопераціи, установленная товариществами или ассоціаціями съ промышленными, коммерческими или другими цѣлями, распространяется въ цѣлой общинѣ, точно такъ же распространяется и противоположная система принудительной коопераціи подъ руководствомъ государства, и чѣмъ болѣе распространяется та или другая, тѣмъ большую она пріобрѣтаетъ силу. Главнымъ вопросомъ для политическаго дѣятеля долженъ бы всегда быть слѣдующій: «Какой типъ соціальнаго строя я стремлюсь распространить?» Но этого вопроса никогда никто себѣ не задаетъ.

Мы постараемся разобрать этотъ вопросъ. Разсмотримъ общую тенденцію послѣднихъ измѣненій, а также сопровождавшее ихъ теченіе идей и мы увидимъ, куда насъ это приведетъ.

Возьмемъ въ самой простой его формѣ вопросъ, который ставится каждый день: «Мы уже сдѣлали это, почему бы намъ не сдѣлать и то?» И всегда подразумѣвающееся уваженіе къ прецедентамъ побуждаетъ неизмѣнно расширять сферу регламентаціи. Распространяясь на все большее и большее число отраслей промышленности, парламентскіе акты, ограничивающіе часы работы и предписывающіе способы обращенія съ рабочими, должны теперь примѣняться къ магазинамъ. Отъ инспекціи меблированныхъ домовъ съ цѣлью ограничить число жильцовъ и установить условія гигіены мы пе-

решли къ инспекціи всѣхъ домовъ, ниже извѣстной цифры найма, въ которыхъ живутъ нѣсколько семей, а вскорѣ перейдемъ и къ инспекціи всѣхъ маленькихъ домовъ. Пріобрѣтеніе и эксплуатація телеграфовъ государствомъ послужили основой для требованія, чтобы государство пріобрѣло и эксплуатировало также и желѣзныя дороги. Доставка общественной администраціей умственной пищи дѣтямъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ повела за собой доставку и тѣлесной пищи для нихъ; а когда обычай этотъ сдѣлается постепенно всеобщимъ, мы дождемся и того, что безплатная доставка предложенная въ первомъ случаѣ, будетъ предложена и во второмъ. Это распространеніе есть логическое слѣдствіе того правила, что для того, чтобы создать добраго гражданина, крѣпкое тѣло такъ же необходимо, какъ и солидный умъ. А затѣмъ, открыто опираясь на прецеденты, представляемые церковью, школой и читальней, содержащимися на общественный счетъ, выставляютъ положеніе, что «удовольствіе, въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно понимается въ наше время, должно быть регулировано и организовано такъ же, какъ и трудъ».

Эти злоупотребленія регламентаціей слѣдуетъ приписать не только прецедентамъ, но также и необходимости дополнить недостаточно дѣйствительныя мѣры, устранить различныя неудобства, постоянно вызываемыя искусственно. Неуспѣхъ не разрушаетъ вѣры въ примѣненныя средства, но внушаетъ мысль примѣнять ихъ болѣе строгимъ образомъ или въ большемъ числѣ случаевъ. Такъ какъ законы противъ пьянства, изданные еще въ старинныя времена и удержавшіеся до нашего времени, когда новыя ограниченія продажи опьяняющихъ напитковъ занимаютъ многія ночи во время каждой сессіи, не дали ожидаемыхъ результатовъ, стали требовать еще болѣе строгихъ законовъ, запрещающихъ абсолютно продажу этихъ питей въ извѣстныхъ мѣстностяхъ. А за тѣмъ и въ Англіи, по всей вѣроятности, станутъ домогаться, такъ же какъ и въ Америкѣ, чтобы такое запрещеніе было сдѣлано всеобщимъ. Такъ какъ различныя средства для «искорененія» эпидемій не могли помѣшать оспѣ, лихорадкамъ и т. п. производить свои опустошенія, выставили новую мѣру: право дать полиціи осматривать дома, чтобы удостовѣриться, нѣтъ-ли тамъ заразныхъ больныхъ, а также разрѣшить врачемъ осматривать любое лицо, чтобы удостовѣриться, не страдаетъ-ли оно заразной или инфекціонной болѣзнью. Такъ какъ законъ о бѣдныхъ въ теченіе многихъ поколѣній развилъ привычку къ безпечности и число безпечныхъ людей, вслѣдствіе этого закона, увеличилось, то теперь предлагаютъ устранить причиненное обязательной благотворительностью зло путемъ обязательнаго страхованія жизни или доходовъ.

Развитіе этой политики, ведя за собой развитіе соотвѣтствующихъ идей, всюду поддерживаетъ то мнѣніе, что правительство должно вмѣшиваться каждый разъ, какъ что нибудь идетъ не такъ, какъ слѣдуетъ. «Вы, конечно, не желали бы, что бы это зло продолжалось!» говорятъ вамъ, когда вы дѣлаете какое-либо возраженіе противъ того, что дѣлается въ данный моментъ. Что подразумѣваетъ это восклицаніе? Во-первыхъ оно предполагаетъ за несомнѣнное, что всякое страданіе должно быть пресѣчено, а это не вѣрно; многія страданія излѣчимы; пресѣкать ихъ значитъ мѣшать дѣйствію лѣченья. Во вторыхъ оно признаетъ несомнѣннымъ, что всѣ страданія могутъ быть облегчены; между тѣмъ при недостаткахъ, присущихъ человѣческой природѣ, многія страданія могутъ только измѣнить форму или перемѣститься, при чемъ эта перемѣна иногда увеличиваетъ ихъ интенсивность. Восклицаніе это содержитъ въ себѣ также твердую увѣренность въ томъ, что правительство должно излѣчивать и устранять всякаго рода зло. Никто не спрашиваетъ себя, есть-ли другіе способы

исправить зло извѣстнаго рода и принадлежитъ ли данное зло къ числу тѣхъ золъ, которыя предлагаемое средство можетъ устранить. Очевидно, что чѣмъ чаще вмѣшивается правительство, тѣмъ глубже укореняется это возрѣніе и тѣмъ настойчивѣе требуется правительственное вмѣшательство.

Всякое расширеніе административной регламентаціи ведетъ за собой учрежденіе новыхъ регулирующихъ агентовъ, болѣе обширное развитіе чиновничества и усиленіе группы чиновниковъ. Возьмите двѣ чашки вѣсовъ; положите большую пригоршню дроби на одну и нѣсколько дробинокъ на другую, берите одну дробинку за другой съ болѣе нагруженной чашки и перекладывайте ихъ на менѣе нагруженную. Въ извѣстный моментъ получится равновѣсіе, а если вы продолжите эту операцію, то взаимное положеніе обѣихъ чашекъ измѣнится въ обратную сторону. Представьте себѣ, что коромысло вѣсовъ раздѣлено на двѣ неравныя части и что менѣе нагруженная чашка виситъ на концѣ болѣе длинной части коромысла; тогда перемѣщеніе каждой дробины будетъ производить гораздо болѣе скорое измѣненіе въ положеніи чашекъ. Я пользуюсь этимъ сравненіемъ, чтобы показать какой результатъ достигается перемѣщеніемъ одного индивида за другимъ изъ управляемой массы общества въ составъ правящаго механизма. Перемѣщеніе ослабляетъ первую и усиливаетъ второй гораздо болѣе, чѣмъ это можно бы было думать, судя по относительно незначительному измѣненію въ числѣ. Сплоченная, относительно немноголюдная, группа чиновниковъ, связанныхъ одинаковыми интересами и дѣйствующихъ подъ руководствомъ центральной власти, имѣетъ громадное преимущество надъ разрозненной массой общества, не имѣющей незыблемыхъ правилъ поведенія и неспособной дѣйствовать согласно, иначе какъ подъ вліяніемъ сильнаго возбужденія. Вотъ почему организація чиновниковъ, перейдя за извѣстный фазисъ развитія, становится несокрушимой, какъ мы видимъ это въ бюрократіяхъ на континентѣ.

Не только сила сопротивленія управляемой части населенія уменьшается въ силу увеличенія правящей его части, но и частные интересы многихъ частныхъ лицъ ускоряютъ еще измѣненія пропорціи. Разговоры, которые вы услышите всюду, показываютъ, что въ наше время, когда правительственныя мѣста раздаются по конкурсу, молодыхъ людей воспитываютъ такъ, чтобы они могли выдержать конкурсные экзамены и получить мѣста въ общественныхъ учрежденіяхъ. Результатомъ этого является что люди, которые при иныхъ условіяхъ были бы недовольны развитіемъ чиновничества, начинаютъ смотрѣть на него, если и не благосклонно, то по крайней мѣрѣ съ терпимостью, такъ какъ оно предоставляетъ возможность карьеры для ихъ родныхъ или близкихъ. Всѣ, знающіе насколько въ высшихъ и среднихъ классахъ семьи желаютъ заручиться мѣстами для своихъ дѣтей, должны ясно видѣть, что расширеніе правительственнаго контроля пользуется сильной поддержкой со стороны тѣхъ, которые, если бы были затронуты ихъ личные интересы, относились бы къ нему враждебно.

Стремленіе къ чиновничьей карьерѣ, увеличивается еще предпочтеніемъ, оказываемымъ тѣмъ должностямъ, которыя считаются почетными. «Даже если жалованье его будетъ и не велико, то по крайней мѣрѣ занятіе его будетъ *благородно*», убѣждаетъ себя отецъ, добивающійся правительственнаго мѣста для своего сына. И относительная почетность чиновничьей профессіи въ сравненіи съ служащими въ торговомъ дѣлѣ увеличивается по мѣрѣ того, какъ административная организація пріобрѣтаетъ большее значеніе и вліяніе въ обществѣ и все болѣе и болѣе стремится установливать понятіе о чести. Честолюбивая мечта всякаго молодаго француза заключается въ томъ, чтобы получить маленькую оффиціальную

должность въ своемъ мѣстечкѣ, добиться затѣмъ мѣста въ главномъ городѣ департамента и наконецъ быть переведеннымъ на какой нибудь высшій административный постъ въ Парижъ. Въ Россіи, гдѣ развитіе административной регламентаціи, являющееся характерной чертой активной части общества, доведено до крайнихъ предѣловъ мы встрѣчаемъ крайнюю степень такого административнаго честолюбія. Такъ, напр., Валассъ (Wallace) цитируетъ слѣдующее мѣсто одной комедіи: «Всѣ люди, даже лавочники и сапожники, стремятся занять какую нибудь казенную должность, и человѣкъ, проведшій всю жизнь, не занимая никакого офиціальнаго поста, почти что не считается человѣкомъ».

Различнымъ вліяніямъ, дѣйствующимъ сверху внизъ, соотвѣтствуютъ надежды и прошенія, возносящіяся снизу вверхъ. Люди, несущіе тяжелый трудъ и обремененные обязательствами, составляющіе огромное большинство, а тѣмъ болѣе люди неспособные, получающіе постоянно помощь и жаждущіе еще болѣе широкой помощи, поддерживаютъ всѣ проекты, отъ которыхъ ожидаютъ того или другого благополучія при посредствѣ административнаго вмѣшательства. Такіе люди готовы вѣрить всякому, кто говоритъ, что эти благодѣянія могутъ и должны быть имъ оказаны. Они безусловно довѣряютъ всѣмъ, тѣшащимся политическими химерами, начиная отъ оксфордскихъ ученыхъ до непримиримыхъ ирландцевъ, и каждый разъ, когда они видятъ, что общественныя деньги служатъ для ихъ пользы, они укрѣпляются въ надеждѣ на подобныя же мѣры и въ будущемъ. И по мѣрѣ того, какъ усиливается вмѣшательство государства въ общественные интересы, растетъ между гражданами и увѣренность, что все должно дѣлаться для нихъ и ничего не требуется отъ нихъ. Мысль о томъ, что желанная цѣль должна быть достигнута личной энергіей или ассоціаціями частной инціативы, дѣлается съ каждымъ поколѣніемъ все болѣе и болѣе чуждой людямъ, тогда какъ убѣжденіе въ томъ, что эта цѣль должна быть достигнута при помощи правительства становится все болѣе и болѣе привычнымъ, и наконецъ вмѣшательство правительства начинаетъ считаться единственно практическимъ способомъ. Это движеніе самымъ яркимъ образомъ выразилось на послѣднемъ конгрессѣ рабочихъ ассоціацій въ Парижѣ. Въ отчетѣ своимъ довѣрителямъ англійскіе делегаты говорили, что между ними и ихъ иностранными коллегами «спорнымъ пунктомъ являлся вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ слѣдуетъ требовать отъ государства охраны труда». Они намекали этимъ на столь поразительный въ протоколахъ конгресса фактъ, что французскіе делегаты всегда приводили правительственную власть, какъ единственное средство удовлетворить ихъ желанія.

Распространеніе образованія дѣйствовало и будетъ дѣйствовать въ томъ же смыслѣ. «Мы должны давать образованіе нашимъ правителямъ— такъ сказалъ одинъ либералъ, вотировавшій противъ освобожденія отъ податей. Да, если бы образованіе было достойно этого имени и если бы оно давало необходимыя политическія свѣдѣнія, отъ него многаго можно бы было ожидать. Но знать правила синтаксиса, умѣть вѣрно подсчитать итогъ, имѣть кое-какія географическія познанія и память, напичканную датами восшествія королей на престолъ и побѣдъ полководцевъ—все это столько же означаетъ способность къ политикѣ, сколько талантъ къ рисованію даетъ ловкость и быстроту для телеграфированья, или сколько умѣнье играть въ крокетъ способствуетъ хорошей игрѣ на скрипкѣ. «Нѣтъ сомнѣнія, возражаютъ мнѣ, что возможность читать открываетъ путь къ политическимъ знаніямъ». Правда, но пойдутъ-ли по этому пути? Застольныя бесѣды доказываютъ, что изъ десяти человѣкъ девять читаютъ то, что ихъ забавляетъ или интересуетъ, а не то, что даетъ имъ знаніе, и что менѣе всего они читаютъ то, что содержитъ непріятныя для нихъ истины или разсѣиваетъ

ихъ неосновательныя надежды. Что народное образованіе распространяетъ въ публикѣ сочиненія, поддерживающія скорѣе пріятныя иллюзіи, нежели такія, которыя указываютъ на жестокую дѣйствительность—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Одинъ ремесленникъ пишетъ въ Pall Mall Gazette (3 дек. 1883 г.): «Хорошее элементарное образованіе внушаетъ стремленіе къ умственному развитію, а умственное развитіе возбуждаетъ потребность во многихъ вещахъ, совсѣмъ еще недоступныхъ для рабочихъ... въ горячей борьбѣ, которую ведетъ настоящее поколѣніе, для бѣдныхъ классовъ совершенно невозможно достигнуть ихъ—вотъ почему они недовольны настоящимъ положеніемъ вещей, и чѣмъ образованіе ихъ обширнѣе, тѣмъ болѣе они недовольны. Поэтому многіе изъ насъ смотрятъ на Рескина и Морриса какъ на пророковъ».

Современное положеніе Германіи даетъ достаточно очевидное доказательство, что между причиной и слѣдствіемъ наблюдается именно то соотношеніе, о которомъ говоритъ эта статья.

Такъ какъ люди, которыхъ увѣряютъ, что будущее соціальное преобразованіе принесетъ имъ громадныя благодѣянія, обладаютъ избирательнымъ правомъ, то результатъ получается слѣдующій: чтобы овладѣть ихъ голосами, кандидатъ долженъ по меньшей мѣрѣ воздержаться отъ того, чтобы доказать имъ ложность ихъ вѣрованій, если онъ не уступитъ соблазну увѣрить ихъ, что онъ сходится съ ними въ своихъ убѣжденіяхъ. Каждый кандидатъ въ парламентъ принужденъ бываетъ предлагать или поддерживать какой-либо новый законъ, какъ насущно необходимый. Болѣе того: даже главы партій, какъ тѣ, которые стараются сохранить власть, такъ и тѣ, которые стремятся къ ней, каждый со своей стороны и наперерывъ другъ передъ другомъ стараются пріобрѣсти приверженцевъ. Каждый добивается популярности, обѣщая болѣе, чѣмъ его противникъ. Затѣмъ, какъ это доказываютъ разногласія въ парламентѣ, традиціонная вѣрность вождю мѣшаетъ подвергнуть сомнѣнію внутреннюю цѣнность предложенныхъ мѣръ. Нѣкоторые представители настолько безсовѣстны, что подаютъ голосъ за предложенія, которыя они считаютъ дурными въ принципѣ, потому что нужды партіи и желаніе быть переизбраннымъ требуютъ, чтобы они поступали такъ. Такимъ образомъ плохую политику защищаютъ даже тѣ, кто видитъ ея недостатки.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ публикѣ идетъ дѣятельная пропаганда, находящая себѣ опору во всѣхъ этихъ вліяніяхъ. Коммунистическія теоріи, частью усвоенныя одна за другой парламентомъ и безмолвно, если не открыто, поддерживаемыя многими политическими дѣятелями, старающимися пріобрѣсти сторонниковъ, получаютъ болѣе или менѣе шумную поддержку со стороны народныхъ вождей и проводятся далѣе стараніями организованныхъ обществъ. Такова напримѣръ агитація въ пользу національзаціи земли. Съ отвлеченной точки зрѣнія проповѣдуемая система справедлива, но, какъ это всѣмъ извѣстно, м-ръ Джорджъ и его друзья хотятъ установить эту систему, игнорируя совершенно права нынѣшнихъ владѣльцевъ и кладя ее въ основу проекта, ведущаго прямымъ путемъ къ государственному соціализму. Кромѣ того, мы имѣемъ демократическую федерацію Гайндгема и его послѣдователей. Они говорятъ, что «кучка грабителей, держащихъ въ своихъ рукахъ землю не имѣютъ и не могутъ имѣть иныхъ правъ, кромѣ грубой силы противъ нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ, которыхъ они обираютъ». Они кричатъ противъ «акціонеровъ, которымъ позволили наложить руку на большія желѣзнодорожныя сообщенія». Они возстаютъ «въ особенности противъ дѣятельнаго класса капиталистовъ, банкировъ, фермеровъ, владѣльцевъ рудниковъ, предпринимателей, буржуазіи, владѣльцевъ заводовъ, этихъ современныхъ рабовладѣльцевъ,

которые стремятся наживать все больше и больше на счетъ наемныхъ рабовъ, которыми они пользуются». Они думаютъ также, что «давно пора освободить промышленность изъ подъ господства индивидуальной алчности».

Намъ остается доказать еще, что эти различныя тенденціи находятъ ежедневную поддержку въ печати. Журналисты, всегда остерегающіеся сказать что-либо, что могло бы не понравиться ихъ читателямъ, по большей части слѣдуютъ за теченіемъ и усиливаютъ его. Они проходятъ молчаніемъ, если и не защищаютъ открыто, тѣ самыя мѣры, которыя осудили бы раньше. Объ ученіи либерализма они говорятъ уже, какъ объ отжившей доктринѣ. «Идея соціализма болѣе не пугаетъ людей»,—вотъ что мы читаемъ сегодня, а завтра тотъ городъ, который не допускаетъ у себя свободныхъ библіотекъ, уже осыпаютъ насмѣшками за его испугъ передъ этой умѣренно-коммунистической мѣрой. Наконецъ, преимущество въ публикѣ отдается тѣмъ газетамъ, которыя утверждаютъ, что эта эволюція совершается и должна быть признана. Вмѣстѣ съ тѣмъ, тѣ, которые считаютъ пагубнымъ это созданное законодательствомъ новое теченіе и которые предвидятъ, что будущее теченіе будетъ еще опаснѣе, молчатъ въ убѣжденіи, что безполезно разсуждать съ людьми, находящимися въ состояніи политическаго опьяненія.

Посмотрите, сколько условій способствуютъ къ ускоренію совершающагося преобразованія. Во первыхъ мы видимъ расширеніе регламентаціи, авторитетъ которой, благодаря прецедентамъ, становится тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дольше существовала принятая система; затѣмъ—постоянную потребность въ стѣсненіи и административныхъ ограниченіяхъ, вытекающую изъ непредвидѣнныхъ золъ и неудобствъ, созданныхъ прежними стѣсненіями и ограниченіями. Кромѣ того, всякое новое вмѣшательство государства укрѣпляетъ мнѣніе, что государство обязано устранять всякое зло и утверждать всякое благо. По мѣрѣ того, какъ административная организація, развиваясь, пріобрѣтаетъ большую силу, остальная часть общества теряетъ способность противодѣйствовать ея захватамъ и контролю. Увеличенію числа должностей, открывающихся благодаря развитію бюрократіи, способствуютъ правящіе классы, которымъ она даетъ возможность доставлять своимъ друзьямъ и близкимъ прочныя и почетныя мѣста. Граждане, вообще привыкнувъ смотрѣть на получаемыя черезъ посредство общественныхъ агентовъ блага, какъ на блага даровыя, постоянно соблазняются надеждой получить еще болѣе. Распространеніе образованія, болѣе способствующаго распространенію пріятныхъ заблужденій, чѣмъ горькихъ истинъ, укрѣпляетъ эти надежды и дѣлаетъ ихъ достояніемъ всѣхъ и каждаго. А хуже всего то, что эти надежды поддерживаются кандидатами на выборахъ, желающими такимъ образомъ усилить свои шансы успѣха, и вліятельными государственными людьми, ищущими этимъ путемъ популярности, ради какой нибудь партійной цѣли. Видя, что ихъ мнѣнія нерѣдко подтверждаются новыми, согласными съ ихъ образомъ мыслей, законами, люди, одержимые политическимъ бѣшенствомъ, и неосмотрительные филантропы продолжаютъ агитировать съ усиливающейся энергіей и возрастающимъ успѣхомъ. Журнализмъ, всегда представляющій собой отголосокъ и органъ общественнаго мнѣнія, укрѣпляетъ его съ каждымъ днемъ, тогда какъ противоположное мнѣніе, все болѣе и болѣе падаетъ, не находя себѣ защитниковъ.

Такимъ образомъ, различныя вліянія способствуютъ увеличенію коллективнаго принужденія и уменьшенію личной иниціативы. И этой перемѣнѣ со всѣхъ сторонъ помогаютъ составители проектовъ, изъ которыхъ каждый думаетъ только о своемъ собственномъ проектѣ, а отнюдь не объ общемъ преобразованіи, которое онъ подготовляетъ по своему собственному плану

и по другимъ однороднымъ съ нимъ планамъ. Говорятъ, что французская революція «пожрала своихъ собственныхъ дѣтей». Здѣсь повидимому подготовляется подобнаго же рода катастрофа. Многочисленныя преобразованія, произведенныя парламентскими актами, въ связи съ другими подготовляющимися измѣненіями, скоро приведутъ къ государственному соціализму и потонутъ въ большой, поднятой незамѣтно ими самими, волнѣ.

Но зачѣмъ называть это измѣненіе «будущимъ рабствомъ»? снова спросятъ очень многіе. Отвѣтъ очень простъ. Въ каждомъ соціализмѣ подразумѣвается рабство.

Что составляетъ идею рабства? Мы прежде всего представляемъ себѣ ее въ видѣ человѣка, которымъ владѣетъ другой человѣкъ. Однако для того, чтобы это владѣніе не было только номинальнымъ, слѣдуетъ сдѣлать его дѣйствительнымъ, путемъ контролированія дѣйствій раба, причемъ контроль этотъ производится обыкновенно въ цѣляхъ выгоды контролирующаго. Дѣйствительно же характерной чертой раба является то, что онъ работаетъ по принужденію, чтобы удовлетворить желаніямъ другого. Это отношеніе зависимости имѣетъ различныя степени. Если мы вспомнимъ, что въ началѣ рабъ этотъ былъ плѣнникъ, жизнь котораго зависѣла отъ того, кто взялъ его въ плѣнъ, достаточно будетъ замѣтить при этомъ, что существуетъ тяжелая форма рабства, когда на раба смотрятъ, какъ на животное и онъ долженъ тратить всѣ свои силы на пользу своего господина. При менѣе суровой системѣ рабу, хотя онъ и работаетъ главнымъ образомъ на господина, ему дается немного времени, чтобы работать для самого себя, дается и маленькій участокъ земли, который онъ можетъ обрабатывать для того, чтобы имѣть дополнительное подспорье къ пищѣ. Позднѣе ему дано было право продавать продукты своего клочка земли и оставлять себѣ вырученныя за продажу деньги. Затѣмъ слѣдуетъ еще болѣе умѣренная форма рабства, которая является тамъ, гдѣ человѣкъ, будучи свободнымъ воздѣлывателемъ собственной земли, побѣжденъ и обращенъ въ рабство. Въ этомъ случаѣ онъ долженъ ежегодно доставлять опредѣленное количество работы или продуктовъ, или того и другого вмѣстѣ, пользуясь остальнымъ для себя. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напр. въ Россіи до сравнительно недавняго еще времени, крѣпостной получалъ позволеніе оставить имѣніе своего владѣльца и работать или торговать въ другомъ мѣстѣ подъ условіемъ уплаты ежегодной подати (оброка). Почему же мы называемъ въ этихъ случаяхъ рабство болѣе или менѣе суровымъ? Очевидно, наше мнѣніе опредѣляется степенью принужденія, при которой человѣкъ работаетъ въ пользу другого, вмѣсто того, чтобы работать въ свою собственную пользу. Если вся работа раба отдается господину, рабство тяжелѣе, а если отдается лишь небольшая доля его, то оно легче. Пойдемъ дальше. Предположимъ, что владѣлецъ умираетъ, и что имѣніе его, вмѣстѣ съ рабами, переходитъ въ руки душеприказчиковъ, или же предположимъ, что имѣніе и все, что оно содержитъ, куплено компаніей—развѣ судьба раба улучшится, если количество обязательнаго труда останется тѣмъ же? Предположимъ, что вмѣсто компаніи мы имѣемъ общину—развѣ это составитъ какую нибудь разницу для раба, если время, которое онъ долженъ отдавать чужой работѣ такъ же длинно, а время, которымъ онъ можетъ располагать для себя такъ же мало, какъ и прежде. Главный вопросъ состоитъ вотъ въ чемъ: сколько времени онъ долженъ работать для другихъ и сколько времени онъ можетъ работать для себя? Степень его рабства колеблется сообразно съ отношеніемъ между тѣмъ, что онъ долженъ дать и что онъ можетъ оставить для себя; а кто его господинъ: личность или общество?—это не имѣетъ значенія. Если онъ долженъ отдавать весь свой трудъ обществу и получаетъ изъ общаго достоянія ту часть, которую общество

ему назначаетъ—онъ рабъ общества. Соціалистическая организація требуетъ подобнаго рода рабства, и таково и есть рабство, въ которое мы впали, благодаря одной нововведенной мѣрѣ и еще болѣе благодаря нѣкоторымъ предложеннымъ мѣрамъ. Разсмотримъ сначала ихъ ближайшія, а затѣмъ и ихъ болѣе отдаленныя послѣдствія.

Система, введенная законами о жилищахъ рабочихъ можетъ развиваться и безъ сомнѣнія разовьется. Дѣлаясь строителями домовъ, городскіе совѣты естественнымъ образомъ понижаютъ стоимость иначе построенныхъ домовъ и останавливаютъ постройку другихъ домовъ. Каждое предписаніе, касающееся способа постройки и расположенія квартиръ, уменьшаетъ выгоды строителя и побуждаетъ его вложить свой капиталъ въ другое дѣло, которое бы не понижало его прибылей. Точно такъ же домовладѣлецъ, находя, что маленькіе дома доставляютъ больше заботъ, и больше убытковъ, вслѣдствіе подчиненія инспекціи, вмѣшательства администраціи и связанныхъ съ этимъ расходовъ, видитъ что его имущество дѣлается день ото дня все менѣе прибыльнымъ, и стремится продать его; но такъ какъ тѣ же причины отпугиваютъ покупателей, онъ принужденъ продавать съ убыткомъ. Далѣе, эти все болѣе и болѣе многочисленныя правила, которыя приведутъ можетъ быть, какъ предполагаетъ лордъ Грей, къ требованію, чтобы домовладѣлецъ поддерживалъ хорошее санитарное состояніе своего дома изгнаніемъ нечистоплотныхъ жильцовъ и прибавилъ къ прочимъ своимъ обязательствамъ обязательство осматривать нечистоты, несомнѣнно вызовутъ новыя предложенія продажи и еще болѣе напугаютъ покупателей; слѣдствіемъ всего этого явится обезцѣненіе собственности. Какой же получится результатъ? Такъ какъ постройка домовъ, и въ особенности маленькихъ домовъ, будетъ встрѣчать все болѣе многочисленныя затрудненія, публика потребуетъ отъ мѣстныхъ властей помочь этому недостатку. Городскіе и другіе совѣты должны будутъ строить все большее число домовъ или должны будутъ покупать дома, не находящіе по вышеупомянутымъ причинамъ покупателей среди публики и имъ дѣйствительно въ виду паденія цѣнности и домовъ, будетъ выгоднѣе купить ихъ, нежели строить новые. Къ тому же эта процедура поведетъ за собой еще одно слѣдствіе: всякій мѣстный налогъ обезцѣниваетъ еще болѣе собственность. Кромѣ того, когда, вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, мѣстныя власти будутъ обладать большимъ числомъ домовъ, это составитъ хорошій прецедентъ для того, чтобы доставлять за счетъ общины дома сельскому населенію, какъ предлагаетъ радикальная программа и какъ того требуетъ демократическая федерація. Послѣдняя настаиваетъ на принудительной постройкѣ здоровыхъ жилищъ для сельскихъ рабочихъ и ремесленниковъ, сообразно съ величиною населенія: очевидно, то, что уже сдѣлано, что дѣлается теперь и что должно быть сдѣлано въ скоромъ времени, имѣетъ цѣлью осуществленіе соціалистическаго идеала, по которому община есть единственный домовладелецъ.

Таково было бы и слѣдствіе системы, касающейся владѣнія землей и ея эксплуатаціи. Увеличивающееся число общественныхъ учрежденій требовало бы также и большаго числа общественныхъ агентовъ, содержимыхъ на все болѣе и болѣе отягощаемый общественный бюджетъ, а вслѣдствіе этого уменьшалась бы все болѣе и болѣе доходность земли, до тѣхъ поръ, пока, благодаря обезцѣненію земли, сопротивленіе измѣненію формы владѣнія дѣлалось бы все слабѣе. И теперь уже, какъ извѣстно, во многихъ мѣстахъ трудно имѣть фермеровъ, даже сильно понижая арендную плату, и участки болѣе низкаго достоинства остаются въ нѣкоторыхъ случаяхъ невоздѣланными или, когда ихъ воздѣлываетъ самъ владѣлецъ, они часто приносятъ убытокъ. Очевидно, что доходъ съ земельной собственности не достаточно великъ, чтобы взимать съ него—для содержанія многочисленныхъ админи-

стративныхъ должностей—тяжелыя мѣстныя подати, которыя поглощаютъ его до такой степени, что владѣльцы земли стараются продать ее и извлечь наибольшую выгоду изъ такимъ образомъ реализованнаго, весьма уменьшеннаго капитала: они эмигрируютъ и покупаютъ земли, не обложенныя тяжелымъ налогомъ. Такой образъ дѣйствій неизбѣжно приведетъ, наконецъ, къ тому, что земли худшаго качества останутся невоздѣланными, и тогда предъявленное мистеромъ Арчъ требованіе сдѣлается болѣе общимъ. Мистеръ Арчъ, въ своей рѣчи къ радикальному собранію въ Брайтонѣ, утверждая, что землевладѣльцы не извлекаютъ изъ земли столько пользы, сколько требуетъ общественное благо, говоритъ: «Я желалъ бы, чтобы нынѣшнее правительство подвергло голосованію законъ объ обязательномъ воздѣлываніи земли». Это предложеніе встрѣчено было сочувственно, и ораторъ защищалъ его, приводя въ примѣръ обязательную прививку оспы (указывая, такимъ образомъ, на вліяніе прецедентовъ). И на этомъ требованіи будутъ настаивать, не только вслѣдствіе необходимости сдѣлать почву болѣе продуктивной, но также и вслѣдствіе потребности дать работу сельскому населенію. Когда правительство распространитъ обычай нанимать безработныхъ для обработки покинутыхъ земель или земель, пріобрѣтенныхъ по низкимъ цѣнамъ, мы будемъ недалеки отъ той организаціи, которая по программѣ демократической федераціи должна слѣдовать за пріобрѣтеніемъ земель государствомъ, а именно отъ организаціи земледѣльческихъ и промышленныхъ армій подъ контролемъ правительства и по принципамъ кооперации.

Если кто нибудь будетъ сомнѣваться въ томъ, что можно достигнуть такимъ путемъ подобнаго переворота, то вотъ факты, доказывающіе, что это возможно. Въ Галліи, въ эпоху упадка римской имперіи «такъ многочисленны были получающіе въ сравненіи съ платящими, такъ тяжело было бремя налоговъ, что земледѣлецъ не выдержалъ тяжести взваленныхъ на него обязательствъ: поля были покинуты и лѣса выросли тамъ, гдѣ прежде проходилъ плугъ». Точно такъ же передъ французской революціей общественныя обязательства стали такъ тяжелы, что многія поля оставались невоздѣланными и многія фермы опустѣли; четвертая часть всей почвы была совершенно невоздѣлана, а въ нѣкоторыхъ провинціяхъ половина земли была подъ паромъ. Въ Англіи мы были свидѣтелями подобныхъ же фактовъ. При старомъ законѣ о бѣдныхъ налоги поднялись въ нѣкоторыхъ приходахъ до половины суммы доходовъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ фермы оставались безъ фермеровъ; въ одномъ мѣстѣ налоги поглотили даже все, что производила почва.

«Въ Чолсбюри, въ Букингемширѣ въ 1832 году налогъ въ пользу бѣдныхъ былъ внезапно отмѣненъ, потому что невозможно было собрать его, такъ какъ землевладѣльцы отказались отъ своей арендной платы, фермеры отъ своего найма, а пасторъ отъ своего поля и отъ десятиннаго сбора въ его пользу. Пасторъ Джестонъ передаетъ, что въ октябрѣ 1832 года приходскіе администраторы прекратили свою дѣятельность, а бѣдные, собравшись толпой у его дома въ то время, какъ онъ былъ еще въ постели, стали просить у него совѣта и пищи. Благодаря собственнымъ весьма скуднымъ средствамъ, благодаря помощи сострадательныхъ сосѣдей и налога на сосѣдніе приходы, ему удалось нѣкоторое время помогать имъ».

И комиссары прибавляютъ, что «добрый пасторъ совѣтуетъ раздѣлить всѣ земли между способными къ работѣ бѣдными», въ надеждѣ, что если имъ будутъ оказывать поддержку втеченіи двухъ лѣтъ, они будутъ въ состояніи содержать себя сами. Факты эти, подтверждая предсказаніе, сдѣланное въ парламентѣ относительно того, что если законъ о бѣдныхъ продержится тридцать лѣтъ, земля останется невоздѣланной, ясно показываютъ,

что увеличеніе общественныхъ налоговъ можетъ привести къ обязательной культурѣ земли подъ контролемъ правительства.

Затѣмъ слѣдуетъ переходъ желѣзныхъ дорогъ въ собственность государства, уже совершившійся на большей части материка. Въ Англіи эту систему очень восхваляли нѣсколько лѣтъ тому назадъ, а теперь, по почину государственныхъ дѣятелей и публицистовъ, демократическая федерація снова предлагаетъ «пріобрѣтеніе желѣзныхъ дорогъ государствомъ съ вознагражденіемъ или безъ онаго». Очевидно, что совмѣстное давленіе сверху и снизу приведетъ къ этому измѣненію, соотвѣтствующему господствующей политикѣ и за нимъ послѣдуютъ и другія, связанныя съ нею измѣненія. Прежніе владѣльцы желѣзнодорожныхъ линій сдѣлались главами большого числа фабрикъ и заводовъ, имѣющихъ то или другое отношеніе къ желѣзнымъ дорогамъ. Стало быть, государство будетъ принуждено выкупить и ихъ послѣ покупки желѣзныхъ дорогъ. Имѣя уже въ своихъ рукахъ исключительное управленіе почтой и телеграфомъ и готовясь взять себѣ также монополію перевозки кладей, государство будетъ не только перевозить пассажировъ, товары и руду, но къ различнымъ своимъ производствамъ присоединитъ и многія другія. Теперь уже оно не только строитъ казармы для флота и арміи, порты, доки, молы и т. д., оно сооружаетъ суда, фабрикуетъ ружья, льетъ пушки, изготовляетъ одежду и обувь для арміи, а когда оно овладѣетъ желѣзными дорогами «съ вознагражденіемъ или безъ онаго», какъ говорятъ члены демократической федераціи, оно будетъ производить деготь, сало, и сдѣлается собственникомъ транспортныхъ судовъ, каменноугольныхъ копей, каменоломенъ, омнибусовъ и т. п. Пока же его мѣстные представители, муниципальныя управленія, во многихъ мѣстахъ уже взявшія на себя снабженіе водой, газомъ, завладѣвшія трамваями, банями, возьмутся и за другія предпріятія. Когда государство, такимъ образомъ, станетъ непосредственно или черезъ своихъ делегатовъ во главѣ многочисленныхъ заведеній для производства въ обширныхъ размѣрахъ и оптовой продажи, тогда будутъ на-лицо хорошіе прецеденты для распространенія его функцій и на розничную продажу по примѣру французскаго правительства, давно уже ведущаго мелочную торговлю табакомъ.

Такимъ образомъ, становится очевиднымъ, что происшедшія и имѣющія произойти, а также и предложенныя измѣненія приведутъ насъ въ концѣ концовъ къ тому, что государство сдѣлается не только владѣльцемъ земель, жилищъ и путей сообщенія, причемъ управленіемъ и эксплуатаціей будутъ завѣдывать правительственныя должностныя лица, но и къ захвату государствомъ всѣхъ отраслей промышленности: такъ какъ частная промышленность, будучи не въ силахъ конкурировать съ государствомъ, которое все можетъ устроить сообразно со своими нуждами, мало-по-малу исчезнетъ точно такъ же, какъ многія свободныя школы исчезли, благодаря возникновенію школъ, поставленныхъ подъ надзоръ правительственной власти. Такимъ образомъ будетъ достигнутъ идеалъ соціалистовъ.

Но идя къ тому идеалу, къ которому стремятся вмѣстѣ съ соціалистами и такъ называемые «практическіе» политики, идеалу, на который соціалисты любятъ взирать съ его блестящей стороны, посмотримъ и на его темную сторону, отъ которой они отворачиваются? Вообще мы замѣчаемъ, что люди наканунѣ свадьбы все видятъ въ розовомъ свѣтѣ, останавливаясь только на обѣщаемыхъ бракомъ удовольствіяхъ и вовсе не думая о сопровождающихъ его непріятностяхъ. Другой примѣръ того же рода мы видимъ въ изступленныхъ политикахъ и фанатическихъ революціонерахъ. Пораженные бѣдствіями, существующими при настоящей организаціи общества и не желая приписывать ихъ недостаткамъ человѣческой природы, плохо приспособ-

ленной къ соціальному строю, они воображаютъ, что могутъ сейчасъ же помочь злу тѣмъ или другимъ преобразованіемъ. А между тѣмъ, если бы ихъ планы и удались, то это имѣло бы мѣсто лишь подъ условіемъ замѣны одного зла другимъ. Короткаго разсужденія достаточно было бы, чтобы показать имъ, что съ предлагаемыми ими преобразованіями имъ пришлось бы отказываться отъ своихъ вольностей по мѣрѣ того, какъ увеличивалось бы ихъ матеріальное благосостояніе.

Ни одной формы кооперации, въ большихъ или малыхъ размѣрахъ, нельзя установить безъ регламентаціи, слѣдовательно безъ подчиненія регулирующимъ агентамъ. Даже собственныя организаціи соціалистовъ, имѣющія цѣлью соціальныя измѣненія, могутъ служить имъ примѣромъ въ этомъ отношеніи. Кооперація должна имѣть свои собранія, своихъ мѣстныхъ и общихъ агентовъ, своихъ начальниковъ, которымъ приходится повиноваться во избѣжаніе недоразумѣній и неудачъ.

Опытъ тѣхъ, которые горячо восхваляли новый соціальный строй подъ отеческимъ надзоромъ правительства, показываетъ, что даже въ обществахъ, организованныхъ по почину частныхъ лицъ, власть правящей части становится настолько сильна, что часть подчиненная начинаетъ роптать и отказываетъ повиноваться. Рабочія ассоціаціи, ведущія нѣчто вродѣ промышленной войны для защиты интересовъ рабочихъ противъ выгодъ хозяевъ, находятъ, что пассивное повиновеніе необходимо для того, чтобы дѣятельность ихъ была плодотворна, такъ какъ разногласія членовъ только вредятъ успѣху. Даже въ кооперативныхъ обществахъ, производительныхъ или потребительныхъ, гдѣ не требуется такого повиновенія, какъ тамъ, гдѣ преслѣдуется оборонительная или наступательная цѣль, управляющіе пріобрѣтаютъ такое преобладаніе, что члены начинаютъ жаловаться на «тиранію администраціи». Посудите же о томъ, что будетъ, когда вмѣсто сравнительно многочисленныхъ ассоціацій, въ которыхъ можно участвовать или не участвовать по желанію, у насъ будетъ одна національная ассоціація, въ которую будетъ включенъ каждый гражданинъ, и изъ которой ему нельзя будетъ выйти, не покидая страны. Представьте себѣ, каково будетъ при этихъ условіяхъ самовластіе іерархически построеннаго и централизованнаго чиновничества, держащаго въ своихъ рукахъ средства общины и имѣющаго въ своемъ распоряженіи всю силу, которую оно сочтетъ необходимой, чтобы заставить выполнять свои декреты и поддерживать то, что оно называетъ порядкомъ. Нечего удивляться тому, что Бисмаркъ выказываетъ склонность къ государственному соціализму.

Затѣмъ, когда они сознаютъ—а они должны сознать это, если только подумаютъ о конечныхъ результатахъ своихъ проектовъ,—какую громадную власть будетъ имѣть въ рукахъ правящій классъ въ новомъ соціальномъ строѣ, описанномъ столь великолѣпными красками, пусть тогда защитники его спросятъ себя, въ какомъ направленіи будетъ функціонировать эта власть. Не останавливаясь исключительно, какъ они это обыкновенно дѣлаютъ, на матеріальномъ благосостояніи и на удовлетвореніи умственныхъ потребностей, которымъ должно заняться благодѣтельное правительство, пусть они обратятъ вниманіе на то, какой цѣной придется за это заплатить. Чиновники не могутъ создать необходимыхъ средствъ: они могутъ только распредѣлять между индивидами то, что индивиды совмѣстно произвели. Если общественная администрація должна удовлетворять нужды индивидовъ, то она должна требовать, чтобы индивиды доставляли ей необходимыя для того средства. Соглашенія между хозяиномъ и рабочимъ, какъ при нашей настоящей системѣ, быть не можетъ, — проектъ исключаетъ это соглашеніе. Вмѣсто этого будетъ приказаніе, отдаваемое мѣстными властями рабочимъ и принятіе рабочими назначенной властями работы.

И такова въ дѣйствительности ясно—хотя повидимому и безсознательно—опредѣленная членами демократической федераціи организація. Они дѣйствительно предлагаютъ поручить производство «земледѣльческимъ и промышленнымъ *арміямъ* подъ контролемъ государства», забывая вѣроятно, что арміи обусловливаютъ іерархію офицеровъ, которые станутъ требовать повиновенія, такъ какъ иначе не могутъ быть обезпечены ни порядокъ, ни производительный трудъ. Такимъ образомъ, индивидъ подчинится управляющей части націи, какъ рабъ своему господину.

«Но правительство было бы господиномъ, назначеннымъ имъ самимъ и другими, господиномъ, который, слѣдовательно, всегда долженъ бы былъ быть на чеку; господиномъ, который контролировалъ бы его самого и другихъ лишь настолько, насколько это необходимо для интересовъ каждаго въ частности и всѣхъ вообще».

На это возраженіе прежде всего мы отвѣтимъ, что если даже это и дѣйствительно такъ, то каждый членъ общины, какъ индивидъ, былъ бы рабомъ общины въ ея составѣ. Подобное отношеніе существовало обыкновенно въ воинствующихъ общинахъ, даже въ почти народныхъ формахъ правленія. Въ древней Греціи былъ принятъ принципъ, что гражданинъ не принадлежитъ ни себѣ, ни семейству, а государству, такъ какъ государство у грековъ значило то же, что община. И эта доктрина, приспособленная къ такому государству, гдѣ война велась непрерывно, безсознательно вводится теперь соціализмомъ въ государство, которое должно быть чисто промышленнымъ. Услуги каждаго человѣка будутъ принадлежать всѣмъ вообще и эти услуги будутъ оплачиваться властью, по ея усмотрѣнію. Такимъ образомъ, даже если власть будетъ столь благодѣтельна, какъ намъ обѣщаютъ, рабство, какъ бы ни была умѣренна его форма, будетъ неизбѣжнымъ результатомъ такой организаціи.

Во вторыхъ, мы отвѣтимъ слѣдующее: администрація не долго останется такою, какой намъ ее обѣщаютъ и, переносить рабство будетъ не легко. Соціалистическое мышленіе страдаетъ тѣми же ошибками, какъ и мышленіе «практическаго» политика: предполагается, что администрація будетъ дѣйствовать такъ, какъ этого желаютъ, но этого никогда не бываетъ. Коммунистическій механизмъ, такъ же, какъ и механизмъ нынѣшняго соціализма, неизбѣжно зависитъ отъ элементовъ существующей человѣческой природы, недостатки которой будутъ порождать одинаковое зло, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ. Любовь къ власти, честолюбіе, несправедливость, нечестность часто въ теченіи сравнительно недолгаго времени являются причиной распаденія частныхъ организацій, тамъ же, гдѣ ихъ вліяніе накопляется съ каждымъ поколѣніемъ они неизбѣжно приведутъ, къ гораздо большимъ и гораздо труднѣе поправимымъ бѣдствіямъ, такъ какъ правительственная администрація, болѣе обширная и сложная и снабженная всѣми средствами, будетъ неотразимой, разъ она достигнетъ полнаго развитія и утвержденія. Въ доказательство того, что періодическое примѣненіе избирательнаго права не устранитъ этого результата, приведемъ въ примѣръ французское правительство. Народное при своемъ основаніи и подвергающееся черезъ короткіе промежутки времени народному сужденію, оно тѣмъ не менѣе до такой степени попираетъ права гражданъ, что англійскіе делегаты на недавнемъ конгрессѣ рабочихъ ассоціацій говорятъ: «Это позоръ для республиканской націи и аномалія въ республикѣ».

И кончилось бы все это возвращеніемъ въ деспотизму. Дисциплинированная армія гражданскихъ чиновъ такъ же, какъ и армія военныхъ чиновъ, даетъ высшую власть начальствующему лицу, власть, которая не разъ уже вела къ самовластію, какъ въ средневѣковой Европѣ, а еще болѣе въ Японіи; мало того, у французовъ это случилось въ весьма недавнее

время. Признанія г. де-Мопа показали, съ какою легкостью глава конституціоннаго государства, избранный цѣлымъ народомъ, отдающимъ ему свое довѣріе, можетъ съ помощью немногихъ, не особенно щепетильныхъ личностей обезсилить народное представительство и сдѣлаться абсолютнымъ монархомъ. Мы имѣемъ всѣ основанія думать, что тѣ, которые достигли бы власти въ соціалистической организаціи не остановились бы ни передъ какими средствами, чтобы осуществить свои цѣли. Когда совѣтъ демократической федераціи говоритъ намъ, что акціонеры, которые иногда наживая, но часто и теряя, создали нашу желѣзнодорожную сѣть и такимъ образомъ способствовали великому развитію національнаго благосостоянія, «наложили руку» на наши пути сообщенія, мы можемъ отвѣтить на это, что тѣ, которые находились бы во главѣ соціалистической администраціи, могли бы дать неправильное толкованіе правамъ лицъ и классовъ, стоящихъ подъ ихъ властью. И когда члены того же совѣта утверждаютъ, что государство должно бы было взять въ свое владѣніе желѣзныя дороги «съ возмѣщеніемъ или безъ онаго», мы можемъ предположить, что принципы справедливости не помѣшали бы вождямъ идеальнаго и вождѣленнаго общества слѣдовать любой политикѣ, разъ только они будутъ считать ее необходимой, и при томъ политикѣ, всегда обезпечивающей ихъ преобладаніе. Достаточно было бы войны съ сосѣднимъ обществомъ или какого-нибудь внутренняго волненія, требующаго подавленія силой, чтобы разомъ преобразить соціалистическую администрацію въ крайнюю тиранію, подобную тираніи древняго Перу. При такомъ правительствѣ народная масса, управляемая іерархіей должностныхъ лицъ и контролируемая во всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ своихъ проявленіяхъ, работала бы для того, чтобы содержать организованную группу, сохраняющую въ своихъ рукахъ власть, тогда какъ ей самой оставалось бы лишь столько средствъ, чтобы влачить жалкое существованіе. И затѣмъ возвратился бы, только въ иной формѣ, тотъ государственный режимъ, та система обязательной коопераціи, традиціи которой олицетворяяетъ до извѣстной степени старый торизмъ и къ которой возвращаетъ насъ новый торизмъ.

«Но мы будемъ беречься этихъ золъ, мы примемъ всѣ предосторожности, чтобы отвратить подобныя бѣды», скажутъ, безъ сомнѣнія, фанатики. Какъ «практическіе» политики съ ихъ новыми регулирующими мѣрами, такъ и коммунисты съ ихъ проектами реорганизаціи труда, отвѣтятъ одно и то же: «Правда, что подобные проекты потерпѣли крушеніе по непредвидѣннымъ причинамъ, или по несчастной случайности, или по недобросовѣстности тѣхъ, которымъ поручено было ихъ выполненіе: но на этотъ разъ мы воспользуемся прежнимъ опытомъ и достигнемъ цѣли». Нѣтъ, повидимому, никакой возможности вбить этимъ людямъ въ голову ту, однако достаточно очевидную, истину, что преуспѣяніе общества и доля справедливости въ его организаціи зависятъ въ сущности отъ характера его членовъ, и что никакой прогрессъ не можетъ осуществляться безъ усовершенствованій въ характерѣ, происходящихъ отъ мирнаго труда, подчиненнаго правиламъ хорошо регулированной соціальной жизни. Не только соціалисты, но и такъ называемые либералы, подготовляющіе имъ путь, думаютъ, что при умѣньѣ, недостатки человѣчества могутъ быть исправлены хорошими учрежденіями. Это чистая иллюзія. Каковъ бы ни былъ соціальный строй, несовершенная природа гражданъ будетъ проявляться въ ихъ дурныхъ дѣйствіяхъ. Такой политической алхиміи, съ помощью которой можно было бы превращать олово инстинктовъ въ золото поступковъ не существуетъ.

III. Грѣхи законодателей.

Правда-ли или нѣтъ, что человѣкъ состоитъ изъ беззаконій и зачатъ въ грѣхѣ, но несомнѣнно, что правительство возникло отъ насилія и зачалось насиліемъ. Въ маленькихъ первобытныхъ обществахъ, гдѣ въ теченіи многихъ вѣковъ царилъ міръ, не существуетъ ничего подобнаго; тамъ нѣтъ никакой принудительной организаціи, а есть развѣ только почетное преобладаніе, когда вообще есть преобладаніе. Въ этихъ исключительныхъ общинахъ, которыя не нападаютъ и сами, по особымъ причинамъ, не подвергаются никакому нападенію, правдивость, честность справедливость и гуманность установились въ людяхъ настолько твердо, что достаточно бываетъ, чтобы общественное мнѣніе время отъ времени высказывалось на собраніи старѣйшинъ, созываемомъ черезъ неправильные промежутки времени. И наоборотъ, мы находимъ доказательства тому, что власть начальника, признанная сначала временно втеченіи войны, устанавливается навсегда, если война продолжительна, и укрѣпляется тамъ, гдѣ война была удачна и повела къ подчиненію сосѣднихъ племенъ. Затѣмъ примѣры, встрѣчающіеся у всѣхъ народовъ, несомнѣнно доказываютъ ту истину, что принудительная власть царя и «царя царей» (титулъ, часто встрѣчающійся на Востокѣ) возростаетъ по мѣрѣ того, какъ онъ расширяетъ свои завоеванія и соединяетъ подъ своимъ владычествомъ все большее и большее число народовъ. Сравненія открываютъ намъ еще другую истину, которую мы должны бы всегда хранить въ памяти, а именно, что правящая власть становится тѣмъ болѣе агрессивной внутри общины, чѣмъ она агрессивнѣе внѣ ея. Какъ для того, чтобы составить хорошую армію, необходимо, чтобы солдаты разныхъ чиновъ повиновались командующему ими, точно такъ же для того, чтобы создать сильную воинскую общину надо, чтобы граждане подчинялись руководящей власти; надо, чтобы они доставили нужное число людей и отдавали бы все имущество, которое отъ нихъ требуютъ.

Очевиднымъ выводомъ отсюда будетъ, что правительственная мораль, въ зачаткахъ своихъ тождественная съ военными обычаями, должна долгое время сообразоваться съ ними и можетъ удаляться отъ нихъ лишь по мѣрѣ того, какъ сокращается военная дѣятельность и военныя приготовленія. Доказательство тому мы видимъ на каждомъ шагу. Теперь на материкѣ гражданинъ свободенъ лишь тогда, когда онъ не служитъ болѣе въ арміи; но онъ всю свою остальную жизнь трудится для того, чтобы поддерживать военную организацію. Даже въ Англіи серьезная война, дѣлая рекрутскій наборъ необходимымъ, отняла бы временно вольности большаго числа людей и уменьшила бы ихъ у другихъ, принуждая ихъ путемъ поборовъ платить за необходимыя издержки, т. е. заставляя ихъ работать извѣстное число дней для государства. Кодексъ поведенія правительства относительно гражданъ неизбѣжно составляется сообразно съ кодексомъ поведенія гражданъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Я не буду въ настоящей статьѣ говорить ни о нарушеніяхъ права, ни о совершенныхъ жестокостяхъ; большая часть исторіи состоитъ въ изложеніи такихъ фактовъ; я не хочу также описывать тѣ внутреннія беззаконія, которыя сопровождали беззаконія внѣшнія. Я не имѣю намѣренія дѣлать перечень преступленій неотвѣтственныхъ законодателей, начиная съ царя Куфу (камни его колоссальной гробницы были заложены въ кровавомъ поту десятковъ тысячъ рабовъ, которыхъ заставляли работать подъ ударами кнута въ теченіи долгихъ лѣтъ), продолжая египетскими, асси-

фіскими, персидскими, македонскими и прочими завоевателями и кончая Наполеономъ, который для того, чтобы удовлетворить свое честолюбіе и увидѣть весь цивилизованный міръ у своихъ ногъ, погубилъ по крайней мѣрѣ два милліона людей. Я не задаюсь также цѣлью исчислять здѣсь грѣхи отвѣтственныхъ законодателей, оставляющіе длинные списки законовъ, созданныхъ въ интересахъ господствующихъ классовъ. Въ Англіи въ этотъ списокъ входятъ и такіе законы, которые долгое время поддерживали рабство и торговлю невольниками, пользуясь которыми подвергали пыткѣ около 40000 негровъ въ годъ, запихивали ихъ въ трюмы судовъ во время плаванія подъ тропиками и губили такимъ образомъ большинство изъ нихъ. Списокъ этотъ заканчивается законами о зерновыхъ хлѣбахъ, которые, какъ говоритъ сэръ Эрскинъ Мей, «чтобы поднять арендныя цѣны, приговорили неисчислимую массу народа къ страданіямъ голода».

Безъ сомнѣнія описаніе главныхъ злодѣяній отвѣтственныхъ и неотвѣтственныхъ законодателей было бы не лишнимъ и послужило бы для различныхъ цѣлей. Оно ясно показало бы тождественость правительственной морали съ обычаями войны, тождественность, которая неизбѣжно существовала въ тѣ первобытныя времена, когда армія была просто мобилизованное общество, а общество армія на покоѣ, которая существовала въ теченіи долгихъ періодовъ и даже въ наше время имѣетъ большое вліяніе на наше судопроизводство и нашу повседневную жизнь. Показавъ, напримѣръ, что у безчисленнныхъ племенъ дикарей судебныхъ функцій начальника не существуетъ или онѣ существуютъ лишь по имени, и что въ большинствѣ случаевъ въ первобытную эпоху европейской цивилизаціи каждый индивидъ долженъ былъ самъ защищать себя и свои права, какъ только могъ; показавъ, что въ средніе вѣка право частной войны между членами воинствующаго ордена было отмѣнено не потому, что верховный глава считалъ своей обязанностью подчинять ссоры своему суду, но потому, что частныя войны уменьшали силу его арміи въ общихъ войнахъ; показавъ, что въ теченіи послѣдующихъ вѣковъ примѣненіе правосудія сохраняло еще свой первобытный характеръ въ судебныхъ поединкахъ, происходившихъ въ присутствіи короля или его представителя въ качествѣ судьи— поединокъ, удержавшіеся до 1819 г. въ формѣ дуэлей—показавъ все это, мы могли бы утверждать, что и въ наше время судебные поединки, существуютъ подъ другимъ видомъ, поединки, въ которыхъ борцами являются адвокаты, а орудіемъ кошельки. Въ гражданскихъ процессахъ правительство нисколько не заботится о томъ, чтобы потерпѣвшей сторонѣ была оказана справедливость: его представитель слѣдитъ лишь за тѣмъ, чтобы соблюдены были правила поединка; результатъ же менѣе зависитъ отъ справедливаго отношенія къ дѣлу, чѣмъ отъ туго набитаго кошелька и отъ ловкости адвоката. Болѣе того: правительство такъ мало заботится о правосудіи, что если въ судебномъ поединкѣ, происходившемъ въ присутствіи его представителя, кошельки борющихся, опустѣли и если по аппеляціи одного изъ нихъ рѣшеніе было измѣнено, побѣжденный обязанъ заплатить за ошибки настоящаго или бывшаго представителя его, и весьма часто потерпѣвшее лицо, просившее о защитѣ или возмѣщеніи потери, выходитъ изъ суда нищимъ.

Такой хорошо составленный списокъ злодѣяній правительства, списокъ того, что оно сдѣлало и чего не сдѣлало, доказалъ бы что извѣстная часть кодекса еще находящейся въ силѣ морали существуетъ со временъ военнаго положенія и приспособлена къ нему и умѣрилъ бы, можетъ быть, рвеніе тѣхъ, которые работаютъ для расширенія правительственнаго контроля. Убѣдившись въ томъ, что продолжаютъ существовать не только внѣшнія черты, но и принципы этого первобытнаго политическаго строя,

созданнаго постояннымъ милитаризмомъ, реформаторъ и философъ не стали бы, можетъ быть, ожидать такихъ великихъ благъ отъ всесторонняго вмѣшательства правительства и стали бы болѣе довѣрять не правительственнымъ организаціямъ.

Но оставляя въ сторонѣ большую часть обширныхъ вопросовъ, содержащихся въ заглавіи этой статьи, я намѣренъ заняться здѣсь только относительно малой долей ихъ, а именно тѣми грѣхами законодателей, которые являются не плодомъ ихъ честолюбія или классовыхъ интересовъ, но происходятъ отъ небрежнаго отношенія къ изученію того, что они нравственно обязаны знать прежде, чѣмъ примутся за работу.

Представьте себѣ, что аптекарскій ученикъ, выслушавъ описаніе нѣкоторыхъ болей, которыя онъ считаетъ желудочными коликами, тогда какъ боли въ дѣйствительности происходятъ отъ воспаленія слѣпой кишки, предпишетъ больному сильное слабительное и уморитъ его. Его объявятъ виновнымъ въ убійствѣ по неосторожности. Его оправданіе, что онъ имѣлъ доброе намѣреніе помочь страждущему, не будетъ принято во вниманіе. Онъ не въ состояніи будетъ защитить себя, сказавъ, что онъ просто ошибся въ діагнозѣ. Ему отвѣтятъ, что онъ не имѣлъ права подвергать опасности жизнь больного, вмѣшиваясь въ дѣло, о которомъ онъ имѣетъ весьма недостаточныя свѣдѣнія. Онъ не можетъ оправдываться тѣмъ, что не зналъ, до какой степени онъ невѣжественъ. По общепринятому правилу, онъ долженъ былъ знать то, что знаютъ всѣ, а именно, что даже тѣ, которые изучили медицину, а тѣмъ болѣе тѣ, которые ея не изучали, дѣлаютъ ошибки въ діагнозѣ болѣзней и въ выборѣ лѣкарствъ. Такъ какъ онъ пренебрегъ предостереженіемъ, даннымъ общепринятымъ мнѣніемъ и опытомъ, онъ является отвѣтственнымъ за послѣдствія.

Но отвѣтственность законодателей за зло, которое они могутъ причинить, опредѣляется съ большимъ снисхожденіемъ. Въ большинствѣ случаевъ не только не думаютъ, что они заслуживаютъ наказанія за то, что причинили вредъ законами, изданными по невѣдѣнію, но ихъ даже и не осуждаютъ за это. Вообще думаютъ, что общераспространенный опытъ долженъ бы былъ научить аптекарскаго ученика не соваться въ медицину, но никто не думаетъ, что общественный опытъ долженъ бы былъ научить законодателя не издавать законовъ, пока онъ не пріобрѣтетъ достаточныхъ для этого знаній. Хотя онъ имѣетъ передъ собой въ собраніи законовъ своей страны и другихъ странъ множество фактовъ, рисующихъ ему жестокія бѣдствія, бывшія слѣдствіемъ плохого законодательства, его все-таки не осуждаютъ за то, что онъ пренебрегъ этими предостереженіями противъ слишкомъ поспѣшнаго вмѣшательства. Наоборотъ: всѣ считаютъ заслугой съ его стороны, если онъ, можетъ быть только что оставивъ школу, можетъ быть имѣя цѣлую свору собакъ, прославившую его въ его графствѣ, можетъ быть пріѣхавъ изъ провинціальнаго города, гдѣ пріобрѣлъ большое состояніе, можетъ быть покинувъ судебную карьеру, въ которой составилъ себѣ имя, вступаетъ въ парламентъ и тотчасъ же съ легкимъ сердцемъ начинаетъ оказывать содѣйствіе или препятствіе тому или другому образу дѣйствій политическаго учрежденія. Въ этомъ случаѣ нечего оправдывать его тѣмъ, что онъ не знаетъ, насколько онъ невѣжественъ, ибо публика вообще думаетъ, такъ же какъ и онъ, что нѣтъ никакой надобности знать болѣе того, что мы узнаемъ изъ дебатовъ о предположенныхъ мѣрахъ.

А между тѣмъ достаточно бросить взглядъ на исторію законодательствъ, чтобы увидѣть, насколько бѣдствія, причиненныя невѣжественными законодателями многочисленѣе несчастныхъ случаевъ, происшедшихъ по винѣ невѣждъ, бравшихся за лѣченье. Читатель извинитъ меня,

если я приведу нѣсколько общеизвѣстныхъ примѣровъ. Вѣкъ за вѣкомъ государственные дѣятели издавали противъ ростовщичества законы, ухудшавшіе положеніе должника, заставляя подняться процентъ «съ пяти на шесть; когда они имѣли намѣреніе спустить его на четыре, какъ при Людовикѣ XV» и причиняя косвенно множество непредвидѣнныхъ золъ, препятствуя, напримѣръ, продуктивному употребленію имѣющагося свободнаго капитала и «налагая на мелкихъ владѣльцевъ безчисленное множество постояныхъ обязательствъ». Точно также попытки остановить скопленіе товаровъ въ однихъ рукахъ, продолжавшіяся въ Англіи въ теченіи пяти сотъ лѣтъ, и не допускавшія во Франціи, по свидѣтельству Артура Юнга, «покупать на рынкѣ болѣе двухъ мѣръ пшеницы», въ теченіи многихъ поколѣній увеличивали нищету и смертность, происходившія вслѣдствіе дороговизны. Въ дѣйствительности же функція негоціанта, который въ трактатѣ *De Pistoribus* называется «притѣснителемъ бѣднаго люда», состоитъ, какъ всѣмъ извѣстно, въ томъ, чтобы уравнивать снабженіе продуктами рынка, не допуская слишкомъ быстраго истощенія запасовъ. Такова была также мѣра, принятая въ 1815 г. для уменьшенія голода, мѣра, предписывавшая цѣны съѣстныхъ припасовъ, но вскорѣ отмѣненная послѣ того, какъ она заставила совершенно исчезнуть съ рынка нѣкоторые пищевые продукты. Таковы были также мѣры, примѣнявшіяся болѣе долгое время, какъ напримѣръ правила, по которымъ судья долженъ былъ опредѣлять *разумныя* (умѣренныя) *выгоды* торговцевъ съѣстными припасами. Попытки, сдѣланныя для того, чтобы установить высоту заработной платы, сдѣланы были въ томъ же духѣ и имѣли тѣ же пагубныя послѣдствія. Онѣ начались со статута рабочихъ при Эдуардѣ III и прекратились лишь шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, послѣ того какъ, заставивъ долгое время фабрики и населеніе квартала Spitalfields влачить печальное существованіе, лорды и палата общинъ наконецъ рѣшились не возлагать на чиновниковъ обязанности назначать плату ткачамъ шелковыхъ матерій..

Здѣсь меня вѣроятно остановятъ съ нетерпѣніемъ; мнѣ скажутъ: «Все это давно извѣстно—это старая исторія. Бѣдствія, причиненныя вмѣшательствомъ въ торговые и промышленные вопросы, въ достаточной степени намозолили намъ уши и нечего намъ читать нравоученія по этому поводу». Во первыхъ, я отвѣчу на это, что большинство до сихъ поръ этого, какъ слѣдуетъ, не изучало, а тѣ, которые и знали это, уже все забыли. Развѣ мотивы, руководящіе въ наше время изданіемъ подобныхъ предписаній, не тѣ же самые, что и въ прежнія времена? Въ статутѣ 35 Эдуарда III, цѣлью котораго было помѣшать увеличенію цѣнъ на сельди (но который былъ очень скоро отмѣненъ, потому что въ дѣйствительности возвысилъ ихъ) жалуются на то, что люди, приходя на рынокъ торгуются за селедку и каждый покупатель изъ хитрости или зависти надбавляетъ цѣну противъ другого; если одинъ предлагаетъ 40 шиллинговъ, другой предложитъ на 10 шиллинговъ больше и такимъ образомъ предложеніе одного превосходитъ предложеніе другого». Запрещенная такимъ образомъ въ то время «манера перебивать товаръ на рынкѣ», манера приписываемая и «хитрости и зависти», снова осуждается и въ наше время. Зло конкуренціи всегда составляло главный предметъ жалобъ соціалистовъ, и совѣтъ демократической федераціи осуждаетъ обмѣны, дѣлаемые «подъ контролемъ индивидуальной алчности». Затѣмъ я скажу, что парламентъ постоянно распространяетъ на новыя области закона спроса и предложенія свое вмѣшательство, которое послѣдующія поколѣнія находятъ вреднымъ, что онъ увеличиваетъ,—какъ я готовъ доказать,—въ этихъ областяхъ, зло, которое стремится пресѣчь и вызываетъ другія бѣдствія, какъ вызывалъ

ихъ въ былыя времена въ тѣхъ областяхъ, куда онъ перестал теперь вмѣшиваться.

Возвращаясь къ прежней темѣ, я продолжаю утверждать, что невѣжественные законодатели въ былыя времена постоянно усиливали страданія человѣчества, стараясь умѣрить ихъ и, обращаясь къ читателю, скажу: умножте число вышеупомянутыхъ законовъ и число порожденныхъ ими золъ на десять или на еще бóльшее число и вы въ состояніи будете составить себѣ понятіе о законахъ, измышленныхъ безъ знанія соціальной науки. Въ докладѣ, прочитанномъ въ Статистическомъ Обществѣ въ маѣ 1873 г., Дженсонъ, вице-президентъ Общества законодательства, констатировалъ тотъ фактъ, что со времени статута Мертона (Генрихъ III) до конца 1872 г. было принято 18110 законодательныхъ мѣръ, изъ которыхъ четыре пятыхъ, по его разсчету, были отмѣнены совершенно или отчасти. Онъ утверждаетъ также, что число законодательныхъ мѣръ, совершенно или отчасти отмѣненныхъ или измѣненныхъ втеченіи трехъ лѣтъ (1870, 1871, 1872), достигало 3,532 изъ которыхъ 2,759 были совершенно отмѣнены. Чтобы видѣть продолжались-ли эти отмѣны въ той же пропорціи, я разсмотрѣлъ, для трехъ послѣднихъ сессій, томы, содержащіе въ себѣ «общіе публичные статуты», печатавшіеся ежегодно. Оставляя въ сторонѣ многочисленные измѣненные парламентскіе акты, я нашелъ, что въ трехъ послѣднихъ сессіяхъ шестьсотъ пятьдесятъ актовъ, *принадлежащихъ къ настоящему царствованію* [1]) и къ многимъ предшествующимъ царствованіямъ, были совершенно отмѣнены отдѣльно или группами. Число это конечно превышаетъ обычную норму, такъ какъ за послѣднее время *Сводъ законовъ* подвергся сильному очищенію. Но въ концѣ концовъ мы все-таки должны признать, что въ наше время было отмѣнено нѣсколько тысячъ законовъ. Конечно нѣкоторые законы были отмѣнены потому, что они устарѣли; другіе по причинѣ измѣнившихся условій (эта послѣднюю группу нельзя считать особенно многочисленной, если мы вспомнимъ, сколько недавно изданныхъ законодательныхъ актовъ подверглись отмѣнѣ); третьи просто потому, что были нецѣлесообразны и наконецъ нѣсколько законовъ были соединены въ одинъ. Но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ большинствѣ случаевъ законы отмѣнялись потому, что дали вредные результаты. Мы совершенно свободно говоримъ о такихъ измѣненіяхъ, мы съ полнымъ равнодушіемъ толкуемъ объ отмѣненныхъ законахъ, забывая, что эти законы, прежде чѣмъ ихъ отмѣнили, надѣлали много болѣе или менѣе серьезнаго вреда: нѣкоторые вредили въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, другіе впродолженіи нѣсколькихъ десятилѣтій и даже вѣковъ. Замѣните ваше смутное понятіе о дурномъ законѣ болѣе опредѣленнымъ понятіемъ; представьте себѣ законъ такъ причину, вліяющую на жизнь народовъ, и вы увидите, что онъ представляетъ собой такое-то количество страданій, такое-то число болѣзней, какую-то цифру смертей. Дурная форма судопроизводства причиняетъ истцамъ убытки, проволочки и потерю процесса. Что отсюда получается? безполезная трата денегъ, которые необходимы для жизни, продолжительная и тяжелая тревога, несчастье цѣлой семьи, дѣти, которымъ принуждены отказывать въ пищѣ и необходимой одеждѣ, однимъ словомъ всякія невзгоды, ведущія за собой новыя несчастія. Подумайте также о множествѣ людей, которые, не имѣя средствъ или храбрости затѣять процессъ, рѣшаются на обманъ, впадаютъ въ бѣдность и терпятъ матеріальныя и нравственныя страданія вслѣдствіе нанесеннаго имъ ущерба. Сказать, что законъ былъ просто препятствіемъ, это значитъ сказать, что онъ причинилъ безполезную потерю времени, непріятности и хлопоты, а для людей

[1]) Королевы Викторіи.

и безъ того занятыхъ сверхъ силъ этотъ излишекъ хлопотъ и заботъ ослабляетъ здоровье и прямо или косвенно ведетъ къ всевозможнымъ страданіямъ. Итакъ, убѣдившись въ томъ, что плохое законодательство есть синонимъ ущерба для жизни людей, вы можете судить какую сумму нравственныхъ и физическихъ мученій, смертей представляютъ собой эти тысячи отмѣненныхъ законовъ! Чтобы еще полнѣе доказать ту истину, что законодатель, не обладающій достаточными знаніями, причиняетъ громадный вредъ, позвольте мнѣ привести слѣдующій спеціальный фактъ, вызванный въ моей памяти однимъ злободневнымъ вопросомъ.

Я уже упоминалъ о томъ, что попытки измѣнить отношенія между спросомъ и предложеніемъ, отъ которыхъ уже отказались въ нѣкоторыхъ областяхъ экономической жизни, вслѣдствіе причиненныхъ ими бѣдъ, имѣютъ мѣсто теперь въ другихъ отрасляхъ. Эти отношенія считаются нормальными только тамъ, гдѣ противное доказано зломъ, причиненнымъ попытками вмѣшательства,—такъ мало люди вѣрятъ въ правомѣрность этихъ соотношеній. Повидимому никто и не подозрѣваетъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда ея повидимому не существуетъ, естественный ходъ событій былъ нарушенъ искусственными препятствіями. И тѣмъ не менѣе въ томъ случаѣ, о которомъ я говорю (постройка домовъ для бѣдныхъ), стоитъ только задать себѣ вопросъ: какое вліяніе оказываютъ съ давнихъ лѣтъ законы? и мы увидимъ, что страшныя бѣдствія, на которыя всѣ жалуются, причиняются большею частью именно ими.

При предшествующемъ поколѣніи поднятъ былъ вопросъ о недостаточности и негигіеничности жилищъ рабочихъ, и я имѣлъ случай заняться этимъ вопросомъ. Вотъ что я писалъ тогда:

«Одинъ архитекторъ, исправляющій также должность инспектора, говоритъ, что строительный уставъ имѣлъ слѣдующее дѣйствіе: въ тѣхъ кварталахъ Лондона, гдѣ находятся ветхіе дома, построенные тѣмъ непрочнымъ способомъ, который новый законъ долженъ былъ измѣнить, домовладѣльцы, дома которыхъ были построены до вотированія новаго закона, получаютъ въ среднемъ достаточно выгодную квартирную плату. Эта средняя плата опредѣляетъ цифру, которую можно получить въ кварталахъ за новые дома такого же типа, то есть съ тѣмъ же количествомъ комнатъ, такъ какъ люди, для которыхъ ихъ строятъ не оцѣниваютъ прочности стѣнъ, укрѣпленныхъ желѣзными брусьями. Изъ опыта же видно, что дома, построенные согласно съ нынѣшними постановленіями и отданные въ наймы по установившимся цѣнамъ, не приносятъ достаточнаго дохода. Поэтому строители ограничились тѣмъ, что построили дома въ лучшихъ кварталахъ, (гдѣ возможность выгодной конкурренціи съ раньше существовавшими домами показываетъ, что раньше существовавшія строенія были достаточно удобны) и перестали строить для бѣдныхъ классовъ, исключая тѣхъ кварталовъ, гдѣ гигіеническія условія не требуютъ немедленныхъ измѣненій. За это время въ указанныхъ выше бѣдныхъ кварталахъ получилось слишкомъ большая скученность населенія, по полдюжинѣ семей жили въ одномъ домѣ, по двадцати человѣкъ въ одной комнатѣ. Явились и другія послѣдствія. Печальное состояніе разрушенія, до котораго допускаютъ эти жилища бѣдныхъ, происходитъ отъ отсутствія конкурренціи съ новыми домами. Домовладѣльцы видятъ, что ихъ жильцамъ не представляется случая оставить ихъ домъ для лучшаго помѣщенія. Ремонтъ, не доставляющій большихъ выгодъ, не производится... Въ сущности наибольшая доля ужасовъ, которые наши санитарные агитаторы стремятся устранить путемъ законовъ, явилась по винѣ предшествующихъ агитаторовъ той же школы!» (Social Statics, 1851).

Законодательство причинило не одни только эти бѣдствія. Нижепри-

веденная цитата показываетъ, что существуютъ и другія. Въ одной статьѣ «Строителя», написанной до отмѣны налога на черепицу, мы читаемъ: «Предполагаютъ, что четвертая часть расходовъ на жилище, отдающееся внаймы за 2 шиллинга 6 пенсовъ или за 3 шиллинга въ недѣлю, приходится на долю издержекъ по заключенію контракта и налога на лѣсъ и кирпичъ, употребленные для постройки. Понятно, что домовладѣлецъ желаетъ вернуть свои издержки и заставляетъ для этого жильцовъ платить 7 съ половиной или 9 пенсовъ». Г. Гатклифъ, секретарь общества для улучшенія домовъ рабочихъ, описывая дѣйствіе налога на окна, говоритъ: «Наше общество платитъ теперь въ кварталѣ св. Панкратія 162 ф. ст. 16 шилл. налога на окна т. е. 1 проц. въ годъ на капиталъ. Средняя цифра квартирной платы жильцовъ общества равняется 5 шилл. 6 пенсамъ въ недѣлю, а налогъ на окна поглощаетъ изъ нихъ 7 съ четвертью пенсовъ въ недѣлю» (Times 31 янв. 1850).

И это не единственные примѣры, взятые изъ печати того времени. Times отъ 7 дек. 1850 г. напечаталъ письмо изъ Reform Club'a подписанное «Архитекторъ», гдѣ мы читаемъ слѣдующее:

«Лордъ Киннэрдъ во вчерашнемъ номерѣ вашемъ рекомендуетъ постройку образцовыхъ жилищъ путемъ соединенія двухъ или трехъ домовъ въ одинъ.

Позвольте мнѣ замѣтить его сіятельству и его другу, лорду Эшли, на котораго онъ ссылается слѣдующее:

Въ 1-хъ, если бы былъ отмѣненъ налогъ на окна,

во 2-хъ: если бы былъ отмѣненъ строительный уставъ (за исключеніемъ параграфовъ, требующихъ, чтобы внутреннія и внѣшнія стѣны были несгораемы);

въ 3-хъ: еслибы пошлины на строевой лѣсъ были уравнены или отмѣнены;

въ 4-хъ: если бы изданъ былъ законъ, облегчающій переходъ собственности

то было бы ровно столько же поводовъ строить образцовыя жилища, сколько есть поводовъ строить образцовыя суда, или образцовыя ткацкія мастерскія, или образцовыя паровыя машины.

«Первый законъ ограничиваетъ жилище бѣдной семьи семью окнами.

«Второй законъ ограничиваетъ пространство жилища бѣдняка 25 × 18 футами (приблизительно размѣры порядочной столовой), и въ это пространство строитель принужденъ помѣстить лѣстницу, переднюю, общую комнату и кухню (въ томъ числѣ стѣны и перегородки).

Третій (законъ о пошлинахъ) принуждаетъ строителя употреблять для дома бѣдныхъ негодный для постройки лѣсъ, такъ какъ пошлины на хорошій товаръ (изъ Риги) въ пятнадцать разъ выше пошлинъ на плохой товаръ (изъ Канады). Правительство даже выключаетъ послѣдній изъ всѣхъ своихъ контрактовъ.

Четвертый законъ внесъ бы большія перемѣны въ несчастное современное положеніе жилищъ для бѣдныхъ. Мелкая земельная собственность могла бы тогда переходить такъ же легко, какъ и аренда. Иногда строили дурно только потому, что строили на арендованной землѣ».

Чтобы не впасть въ заблужденіе или преувеличеніе, я совѣтовался съ г. Форрестомъ, предпринимателемъ, имѣющимъ за собой сорокалѣтній опытъ и строющимъ въ большихъ размѣрахъ въ бѣдныхъ кварталахъ. Какъ членъ фабричнаго совѣта и благотворительнаго комитета онъ къ своимъ обширнымъ знаніямъ по части построекъ присоединяетъ еще и большую освѣдомленность въ мѣстныхъ общественныхъ дѣлахъ. Г. Форрестъ, разрѣшившій мнѣ назвать его имя, подтверждаетъ вышеприведенныя мнѣнія,

за исключеніемъ одного, которое находитъ не вполнѣ отвѣчающимъ истинѣ: Онъ говоритъ, что «Архитекторъ» смягчаетъ значеніе вреда, называя домъ для бѣдныхъ «домомъ четвертаго разряда», такъ какъ размѣры его гораздо ниже приводимыхъ имъ (можетъ быть сообразно съ болѣе позднимъ изданіемъ строительнаго устава). Г. Форрестъ идетъ далѣе. Указывая на дурное воздѣйствіе сильнаго увеличенія дохода съ капитала (въ 60 лѣтъ доходъ увеличился съ 1 ф. до 8 ф. 10 шил. на домъ четвертаго разряда), онъ говоритъ что вмѣстѣ съ другими причинами, побудило его отказаться отъ плановъ, составленныхъ имъ для жилищъ рабочихъ, постройку которыхъ онъ намѣренъ былъ предпринять. Кромѣ того, соглашаясь съ «Архитекторомъ», что зло это весьма усилено было затрудненіями въ передачѣ земельной собственности, являющейся слѣдствіемъ утвержденной закономъ системы временныхъ завѣщаній и замѣстительства, онъ отмѣчаетъ, развитіе мѣстныхъ податей (онъ называетъ ихъ запретительными налогами) послужившее еще лишнимъ препятствіемъ къ построенію домовъ малаго размѣра. Одинъ изъ его аргументовъ состоитъ въ томъ, что къ своей цѣнѣ каждаго новаго дома слѣдуетъ прибавить еще налоги на содержаніе мостовой и стоковъ, высчитывающихся по длинѣ фасада и ложащихся слѣдовательно тяжелѣе на низенькіе, нежели на высокіе дома.

Отъ этихъ золъ, проистекающихъ отъ законодательства, золъ, которыя были уже достаточно велики при прежнемъ поколѣніи и теперь еще увеличились, перейдемъ къ болѣе недавнимъ бѣдствіямъ, происходящимъ отъ той же причины. Такъ какъ, вслѣдствіе препятствій, воздвигавшихся противъ постройки домовъ четвертаго разряда, а также вслѣдствіе скученности населенія въ существующихъ домахъ, нищета, болѣзни, смертность постоянно возрастали и становились черезчуръ кричащими, общество обратилось къ правительству за помощью. Оно отвѣтило на этотъ призывъ законами о жилищахъ рабочихъ, давая мѣстнымъ властямъ право сносить постройки, находящіяся въ плохомъ состояніи и заботиться о возведеніи новыхъ, болѣе удобныхъ домовъ. Каковъ же былъ результатъ этой мѣры? Сокращенный отчетъ о дѣятельности столичнаго бюро работъ отъ 21 декабря 1883 г. показываетъ, что до сентября этого года оно, увеличивъ налоги на одинъ милліонъ съ четвертью, изгнало изъ ихъ жилищъ 21 тысячу человѣкъ и построило домовъ на 12 тысячъ человѣкъ. О помѣщеніи остальныхъ 9 тысячъ намѣрены позаботиться въ будущемъ, а пока они остаются безъ пристанища. И это еще не все. Одинъ мѣстный представитель правительства—комиссія стоковъ Сити — работая въ томъ же направленіи, законнымъ порядкомъ принужденія, снесла въ кварталахъ Гольденъ-Лэнъ и Петикотъ-Сквэръ массы маленькихъ ветхихъ домовъ, въ которыхъ ютилось 1,734 человѣка бѣдныхъ. Изъ расчищенныхъ такимъ образомъ участковъ одинъ былъ проданъ, по соображеніямъ общественной пользы для постройки желѣзнодорожной станціи, а другой теперь только, черезъ пять лѣтъ, начинаетъ застраиваться домами для рабочихъ, въ которыхъ впослѣдствіи найдетъ убѣжище половина изгнаннаго изъ прежнихъ домовъ населенія. Если мы прибавимъ къ этому 1,734 человѣка, выселенныхъ столичнымъ бюро, то мы найдемъ, что почти 11 тысячъ человѣкъ остались безъ крова и принуждены были размѣститься кое-какъ въ уже обветшалыхъ жилищахъ.

Итакъ, вы видите, что сдѣлали законодатели. Плохой постановкой налога они возвысили цѣну кирпича и строевого лѣса, увеличили стоимость постройки и побудили къ употребленію, въ цѣляхъ экономіи, плохого матеріала въ недостаточномъ количествѣ. Чтобы эти мѣры не вліяли на квартиры, они, какъ въ среднихъ вѣкахъ, установили правила, предписывающія качество производимаго товара, не подумавъ о томъ, что требуя высшаго качества и слѣдовательно увеличивая цѣну, они ограничиваютъ

спросъ и уменьшаютъ предложеніе въ будущемъ. Вводя новые мѣстные налоги, они создали новыя препятствія къ постройкѣ болѣе удобныхъ жилищъ и желая ослабить скученность въ жилищахъ бѣдныхъ, уменьшили пространство, которое и раньше уже не могло содержать ихъ.

Кого же слѣдуетъ обвинять въ нищетѣ бѣдныхъ? Противъ кого же должны раздаваться горестныя жалобы «изгнанниковъ» Лондона?

Нѣмецкій антропологъ Бастіанъ говоритъ намъ, что если житель Гвинеи боленъ и, не оправдывая чудодѣйственной силы идола, не выздоравливаетъ, то его убиваютъ, и вообще въ Гвинеѣ по всей вѣроятности всякій, который имѣлъ бы смѣлость усомниться въ могуществѣ фетиша былъ бы преданъ смерти. Въ тѣ времена, когда правительственная власть поддерживалась такими строгими мѣрами, было столь же опасно непочтительно отзываться о политическомъ фетишѣ. Въ наше время самое большое наказаніе, которому можетъ подвергнуться человѣкъ, сомнѣвающійся во всемогуществѣ этого фетиша,—это получить названіе *реакціонера*. Онъ не можетъ даже надѣяться поколебать установившуюся вѣру при помощи собранныхъ имъ фактовъ, ибо мы каждый день видимъ, что вѣра эта, вопреки всѣмъ доказательствамъ ея несостоятельности—непоколебима. Разсмотримъ небольшое количество этихъ безчисленныхъ доказательствъ, на которыя обыкновенно не обращается никакого вниманія.

«Правительственное бюро похоже на опрокинутый фильтръ: вы вводите туда ясные счета, они выходятъ оттуда смѣшанными». Такое сравненіе сдѣлалъ однажды въ моемъ присутствіи покойный сэръ Чарльзъ Фоксъ, отлично изучившій всѣ административныя учрежденія. Если вышеприведенное сравненіе и принадлежитъ ему, то мнѣніе это раздѣляютъ очень многіе. Газетныя разоблаченія и мысли, выраженныя въ парламентѣ по поводу этого вопроса, ясно показываютъ всѣ недостатки административной рутины. Ея медлительность, на которую всѣ постоянно жалуются и которая во времена Фокса Моля доходила до того, что «комиссіи запаздывали иногда на два года», проявилась недавно еще въ обнародованіи общей переписи 1881 года, болѣе двухъ лѣтъ спустя, послѣ того какъ собраны были свѣдѣнія. Если поищемъ объясненія этихъ проволочекъ, мы найдемъ, что онѣ происходятъ отъ самой невѣроятной путаницы. По поводу переписи главный завѣдующій собираніемъ свѣдѣній говоритъ, что «затрудненія заключаются не только въ большомъ количествѣ различныхъ округовъ, подлежащихъ переписи, но также въ чрезвычайно запутанномъ раздѣленіи ихъ границъ». Дѣйствительно, существуетъ 39.000 административныхъ округовъ двадцати двухъ различныхъ категорій, которыя взаимно перекрещиваются другъ съ другомъ: кантоны, приходы, кварталы, судебные округи, округи административные, санитарные, городскіе и сельскіе, епархіи и т. д. И такимъ образомъ, какъ на то указываетъ г. Ратборнъ (въ Ninetcenth Century 1883), эти безчисленные роды раздѣленій со своими переплетающимися разграниченіями имѣютъ свои отдѣльные составы служащихъ, полномочія которыхъ распространяются взаимно на чужія области управленія. Если ктонибудь спроситъ: почему парламентъ установилъ новую серію раздѣленій для каждой отрасли управленія? То на это естественнымъ отвѣтомъ является что онъ хотѣлъ сохранить послѣдовательность въ методѣ. Эта организованная путаница совершенно соотвѣтствуетъ той организованной путаницѣ, которую парламентъ увеличиваетъ ежегодно: къ массѣ старыхъ законодательныхъ мѣръ онъ прибавляетъ извѣстное число новыхъ, противорѣчащихъ своими предписаніями предписаніямъ безчисленныхъ законодательныхъ актовъ, къ которымъ ихъ присоединяютъ. Такимъ образомъ, опредѣлять, что есть въ дѣйствительности законъ, предоставляется частнымъ лицамъ, которые тратятъ все свое состояніе на то, чтобы получить судебное разъ-

ясненіе. Съ другой стороны эта система, состоящая въ покрытіи округовъ другою сѣтью округовъ, совершенно соотвѣтствуетъ методу, по которому читающій законъ 1872 г. объ общественной гигіенѣ и желающій знать, какія налагаются на него обязательства, отсылается къ двадцати съ лишнимъ предыдущимъ законамъ, различныхъ категорій, изданнымъ въ разныя времена. Тоже самое мы можемъ сказать и объ административной инерціи. Безпрестанно представляются случаи, показывающіе упорное сопротивленіе бюрократіи прогрессу. Такъ, напримѣръ, когда адмиралтейскому вѣдомству предложено было употребленіе телеграфа, оно отвѣчало: «у насъ есть достаточно хорошая система семафоровъ». Почтовое же вѣдомство, по словамъ сэра Чарльза Сименсъ, препятствовало пользованію усовершенствованными методами телеграфа, а затѣмъ и телефонными сообщеніями. Аналогичные факты по отношенію къ жилищамъ рабочихъ показываютъ, какъ правительство постоянно одной рукой увеличиваетъ то зло, которое старается уменьшить другой. Такъ, напримѣръ, оно накладываетъ пошлину на страхованіе отъ пожара и устанавливаетъ правила, облегчающія тушеніе огня или предписываетъ такіе способы постройки, которые, по свидѣтельству капитана Шау, увеличиваютъ опасность пожара. Съ другой стороны нелѣпости административной рутины, которая оказывается непреклонной тамъ, гдѣ этого вовсе не требуется и, наоборотъ, дѣлаетъ послабленія тамъ, гдѣ бы должна была выказать твердость, бросаются прямо въ глаза. Такъ, напримѣръ, секретная государственная бумага большой важности дѣлается извѣстной всѣмъ и каждому, благодаря тому, что переписка ея поручается плохо оплаченному писцу, который даже и не состоитъ постоянно на службѣ правительства. Или, напримѣръ, скрываютъ отъ англійскихъ артиллеристовъ высшихъ чиновъ методъ литья Морсомъ и они узнаютъ его отъ русскихъ, которымъ дали ознакомиться съ нимъ; или діаграмма, показывающая разстоянія, на которыхъ англійскіе и иностранные броненосцы могутъ быть пробиты нашими большими пушками, сообщается смѣлымъ attaché какого-нибудь посольства своему правительству и узнается затѣмъ «всѣми правительствами Европы», тогда какъ наши собственные офицеры ничего объ этомъ не знаютъ. Точно то же происходитъ и по отношенію къ административному контролю. Вполнѣ доказано, что контроль серебра былъ безполезенъ, а между тѣмъ онъ вредилъ торговлѣ серебромъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ понизилъ качество, установивъ норму, превышать которую не представляло выгоды. Разсмотрите также фактъ, относящійся къ масляному рынку въ Коркѣ, куда невыгодно приносить продукты высшаго качества, такъ какъ ихъ превосходство не приноситъ имъ никакой пользы, или вопросъ о копченіи селедки (теперь не обязательномъ). Въ этомъ случаѣ правило поставило безчисленныхъ солильщиковъ низшаго разряда, достигающихъ какъ разъ до уровня административнаго требованія, на одну доску съ лучшими солильщиками, возвышающимися надъ этимъ уровнемъ, что разумѣется отняло у послѣднихъ охоту достигать лучшихъ результатовъ. Но уроки эти ни къ чему не служатъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ когда недостатки контроля бросаются въ глаза, неуспѣшность его проходитъ незамѣченной. Это доказываетъ страшная катастрофа при провалѣ моста на Тэ, когда потонулъ цѣлый поѣздъ, наполненный пассажирами. Со всѣхъ сторонъ раздаются жалобы противъ инженеровъ, подрядчиковъ и т. п., и никто, или почти никто, не говоритъ о служащихъ администраціи, давшихъ мосту оффиціальную санкцію. Точно то же происходитъ и по отношенію къ мѣрамъ предупрежденія противъ эпидемій. Никто не думаетъ, что подъ руководствомъ и вслѣдствіе предписаній правительственныхъ агентовъ случаются большія бѣдствія; но мы знаемъ, какъ восемьдесятъ семь человѣкъ—женъ и дѣтей солдатъ

погибли на кораблѣ «Акринтонъ», или какъ тифъ и дифтеритъ разносятся, благодаря правительственной системѣ осушенія почвы, какъ въ Эдинбургѣ, или какъ предписанныя правительствомъ санитарныя мѣры—всегда плохо примѣняемыя—увеличиваютъ зло, которое должны пресѣкать.

Множество доказательствъ подобнаго рода не могутъ сокрушить довѣрія, съ которымъ обращаются за помощью къ санитарной инспекціи—теперь къ ней взываютъ еще болѣе, чѣмъ когда-либо—какъ это доказываетъ выраженное недавно въ печати мнѣніе, что всѣ общественныя школы должны бы быть поставлены подъ контроль назначенныхъ правительствомъ врачей. Лучше того: даже тогда, когда правительство вполнѣ очевидно было причиной зла, на которое жалуются, вѣра въ его благотворное вмѣшательство не уменьшается. Мы видимъ это изъ того факта, что послѣ того, какъ правительство, лѣтъ тридцать тому назадъ, дало разрѣшеніе или скорѣе приказало городамъ установить систему канализаціи выливающую воду стоковъ въ рѣки и отравляющую такимъ обрзэомъ водоемы, поднялись жалобы противъ обществъ водопроводовъ за нечистоту послѣднихъ. Эти жалобы продолжались и тогда, когда города были принуждены совершенно преобразовать, при громадныхъ издержкахъ свою канализаціонную систему. И теперь, въ видѣ единственнаго средства помочь бѣдѣ, просятъ, чтобы правительство взяло все это дѣло въ свое вѣдѣніе. Всѣ злодѣянія правительства становятся такимъ образомъ,—какъ и въ случаѣ съ жилищами рабочихъ, — мотивомъ просить его совершить еще другія злодѣянія.

Дѣйствительно это преклоненіе передъ законодательствомъ въ извѣстномъ отношеніи менѣе извинительно, чѣмъ обожаніе фетиша, съ которымъ я въ душѣ сравниваю его. Дикарь можетъ привести въ свое оправданіе то, что фетишъ не говоритъ, что онъ не признается въ своемъ безсиліи. Но цивилизованный человѣкъ упорно приписываетъ этому, сдѣланному его собственными руками, идолу могущество, въ неимѣніи котораго этотъ идолъ такъ или иначе признается самъ. Я хочу этимъ сказать не только то, что дебаты каждый день открываютъ намъ законодательныя мѣры, которыя сдѣлали зло вмѣсто добра, ни то, что тысячи законодательныхъ актовъ, отмѣняющихъ предшествовавшіе акты, — ничто иное, какъ подразумѣвающіяся признанія въ неуспѣхи; я не намекаю также на тѣ, почти оффиціальныя, признанія, какъ напримѣръ, признаніе, содержащееся въ докладахъ комиссіи закона о бѣдныхъ, гдѣ сказано: «съ одной стороны мы едва ли найдемъ одинъ уставъ, касающійся управленія общественной благотворительностью, который выказалъ бы результаты, имѣвшіеся въ виду законодателями; наоборотъ, большинство изъ нихъ было причиной новыхъ золъ и увеличило тѣ, которыя они должны были пресѣчь. Сошлюсь на признаніе нѣкоторыхъ государственныхъ дѣятелей и завѣдующихъ общественными учрежденіями. Напримѣръ, въ одной докладной запискѣ Гладстону, принятой на засѣданіи весьма вліятельныхъ лицъ подъ предсѣдательствомъ лорда Литльтона, мы читаемъ:

«Мы, нижеподписавшіеся, члены палаты лордовъ и палаты общинъ и жители столицы, вполнѣ признавая истину и важность, высказаннаго вами въ палатѣ общинъ въ 1866 г. мнѣнія, относительно плачевнаго состоянія нашихъ законодательныхъ распоряженій, относящихся къ общественнымъ работамъ, согласны съ тѣмъ, что въ нихъ одновременно высказывается и неувѣренность, и нерѣшительность, и чрезмѣрная расточительность, и медлительность, и всевозможные недостатки и т. д. и т. д.».

Вотъ еще примѣръ, почерпнутый изъ недавней записки торговаго совѣта (1883 г.), гдѣ говорится, что «послѣ учрежденія комитета кораблекрушеній въ 1836 г. едва ли была одна сессія, въ которой не вотировался

бы какой-нибудь законъ, то предложенный палатой, то предложенный правительствомъ, чтобы предупредить кораблекрушенія», и что «многочисленность уставовъ, соединеныхъ въ 1854 г. въ одинъ законъ, снова вызвала недоразуменія и сделалась источникомъ упрековъ», такъ какъ каждая мера была вотирована вследствіе того, что предыдущія меры оказались никуда негодными. За этимъ тотчасъ же следуетъ признаніе, что «съ 1876 г. потери въ людяхъ и корабляхъ стали значительнее прежняго». Между темъ расходы по администраціи увеличились съ 17.000 ф. ст. до 73.000 въ годъ.

Нельзя не удивляться тому, какое сильное действіе некоторыя искусственныя средства, примененныя известнымъ образомъ, производятъ на воображеніе, вопреки разуму. Вся исторія доказываетъ эту истину, начиная съ татуировки, которой дикарь старается напугать своего противника, до религіозныхъ церемоній, королевскихъ процессій, длинной мантіи председателя суда и палочки пристава, одетаго въ мундиръ. Я помню ребенка, который могъ спокойно смотреть на страшную маску, когда отецъ его держалъ ее въ рукахъ и который начиналъ неистово кричать, если отецъ надевалъ маску на свое лицо. Подобная же перемена происходитъ въ чувствахъ избирательнаго корпуса, когда ихъ избранники изъ местечекъ и графствъ попадаютъ въ парламентъ. Пока они только кандидаты, они подвергаются насмешкамъ, пересудамъ, издевательству той или другой партіи и во всякомъ случае къ нимъ относятся съ крайнимъ пренебреженіемъ; но какъ только они собрались въ Вестминстере, те самые, надъ которыми журналисты и ораторы издевались, которыхъ они ругали и обвиняли въ невежестве и безуміи, начинаютъ внушать безграничное доверіе. Судя по обращаемымъ къ нимъ прошеніямъ, ничто не можетъ быть выше ихъ мудрости и могущества.

На все эти замечанія, мне вероятно ответятъ такъ: ничего не можетъ быть лучше правительства «коллективной мудрости». Избранники націи, выделяя изъ своей среды небольшое число государственныхъ деятелей, применяютъ весь свой просвещенный современной наукой умъ къ дебатирующимся въ ихъ присутствіи вопросамъ. «Чего же вамъ еще надо». спроситъ большинство читателей.

Я отвечу на это, что та современная наука, послужившая, какъ говорятъ, нашимъ законодателямъ къ тому, чтобы приготовиться хорошо исполнять свои обязанности, есть наука, большая часть которой оказывается для нихъ очевидно безполезной, и что они заслуживаютъ порицанія, такъ какъ не видятъ, какая наука имъ можетъ пригодиться. Если многіе изъ нихъ будутъ отличными филологами, то отъ этого они не будутъ лучшими судьями въ очередныхъ вопросахъ, и иностранныя литературы, знакомство съ которыми доступно для нихъ, благодаря ихъ филологическимъ познаніямъ, вероятно мало помогутъ имъ въ данномъ случае. Политическіе опыты и разсужденія, основанныя на исторіи древнихъ обществъ и на сочиненіяхъ философовъ, утверждающихъ, что война есть нормальное состояніе, что рабство необходимо и справедливо, и что женщинъ следуетъ держать подъ постоянной опекой, не послужатъ имъ къ тому, чтобы определить, какое действіе произведутъ известные законодательные акты на великія націи современнаго типа. Они могутъ размышлять о действіяхъ всехъ великихъ людей, которые, по теоріи Карлейля, даютъ обществу его форму, и могутъ проводить годы за чтеніемъ наполняющихъ историческія сочиненія подробностей о международныхъ столкновеніяхъ, изменахъ и договорахъ, интригахъ, не облегчая себе этимъ пониманіе причинъ и происхожденія различныхъ общественныхъ формъ и общественныхъ явленій и условіи вліянія на нихъ законовъ. Познанія, пріобретен-

ныя на фабрикахъ, на биржѣ и въ залахъ судовъ также далеко не даютъ надлежащей подготовки.

Что дѣйствительно необходимо,—это систематическое изученіе естественной связи между причиной и слѣдствіемъ въ томъ видѣ, въ какомъ эта связь проявляется среди человѣческихъ существъ, составляющихъ общество. Хотя ясное сознаніе этой связи является однимъ изъ конечныхъ результатовъ умственнаго развитія,—хотя дикарь не имѣетъ никакого понятія о механической причинѣ,—хотя даже греки думали, что полетомъ какого-нибудь дротика управляютъ боги, — хотя эпидеміямъ почти до нашего времени приписывали сверхъестественное происхожденіе и хотя между соціальными явленіями самое сложное изъ всѣхъ: отношеніе между причиной и слѣдствіемъ, по всей вѣроятности еще долго останется неяснымъ,—однако, въ наше время существованіе такого отношенія сдѣлалось слишкомъ очевиднымъ. Всѣ мыслящіе люди должны бы уже прійти къ заключенію, что прежде, чѣмъ брать на себя обязанность измѣнить это отношеніе, слѣдуетъ тщательно изучить его. Ясные теперь общественные факты, какъ напримѣръ, фактъ, что между числомъ рожденій, смертей, браковъ и цѣной хлѣба существуетъ извѣстная связь;—что въ одномъ и томъ же обществѣ, въ теченіи жизни одного и того же поколѣнія пропорція между числомъ преступленій и цифрой населенія измѣняется въ тѣсныхъ предѣлахъ,—эти факты должны бы наглядно показывать всѣмъ, что человѣческія стремленія, руководимыя соединеннымъ съ ними разумомъ, дѣйствуютъ всегда почти одинаково. Изъ этого слѣдовало бы заключить, что среди другихъ соціальныхъ причинъ, причины, порожденныя законодательствомъ, вліяя одинаково и съ нѣкоторой регулярностью, должны измѣнять не только дѣйствія людей, но даже и ихъ натуру—и измѣнять совершенно иначе, чѣмъ это можно было ожидать. Слѣдовало бы признать тотъ фактъ, что въ обществѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, причины порождаютъ много послѣдствій, и слѣдовало бы предвидѣть, что отдаленныя и косвенныя послѣдствія столь же неизбѣжны, какъ и ближайшія. Я не говорю, что это мнѣніе и эти выводы отрицаются; но убѣжденія бываютъ различной силы; нѣкоторыхъ держатся лишь номинально, другія слабо вліяютъ на нашъ образъ дѣйствій, третьи, наконецъ, имѣютъ на насъ неотразимое вліяніе во всѣхъ обстоятельствахъ жизни и, къ сожалѣнію, убѣжденія законодателей касательно сцѣпленія причинъ и слѣдствій въ соціальныхъ вопросахъ принадлежатъ къ первой категоріи. Разсмотримъ нѣкоторыя изъ истинъ, которыя признаются всѣми ими, но въ очень ограниченномъ числѣ серьезно принимаются во вниманіе, когда издаютъ законы.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что каждый человѣкъ до извѣстной степени способенъ измѣняться, какъ въ физическомъ, такъ и въ умственномъ отношеніи. Всѣ методы воспитанія, всѣ упражненія, начиная съ упражненій ученаго математика до упражненій профессіональнаго борца, всѣ награды за добродѣтель и наказанія за порокъ, подразумѣваетъ мнѣніе, выраженное въ нѣкоторыхъ пословицахъ, гласящихъ, что употребленіе или неупотребленіе какой-нибудь способности, физической или умственной, бываетъ причиной измѣненія ея, то-есть влечетъ за собой ея ослабленіе или усовершенствованіе.

Кромѣ того, всѣмъ извѣстенъ фактъ, что измѣненія въ природѣ, произведенныя тѣмъ или другимъ путемъ, дѣлаются наслѣдственными. Никто не отрицаетъ, что вслѣдствіе накопленія незначительныхъ измѣненій втеченіи жизни нѣсколькихъ поколѣній, сложеніе людей приспособляется къ условіямъ, такъ что климатъ, нездоровый для другихъ расъ, не причиняетъ никакого вреда приспособившейся къ нему расѣ. Никто не отрицаетъ, что народы одного корня, разселившіеся въ различныхъ странахъ и ве-

дущіе различные одинъ отъ другого образъ жизни, пріобрѣтаютъ съ теченіемъ времени различныя способности и направленія. Никто не станетъ отрицать, что при новыхъ условіяхъ образуются новые національные характеры даже въ настоящее время. Доказательствомъ тому служатъ американцы. А если никто не отрицаетъ совершающагося повсюду и непрерывно процесса приспособленія, то изъ этого слѣдуетъ очевидно заключить, что измѣненія этого процесса неизбѣжно сопровождаютъ каждое измѣненіе въ соціальныхъ условіяхъ.

Къ тому, что было сказано, можно, наконецъ,прибавить, что всякій законъ, способствующій измѣненію образа дѣйствій людей— налагая на нихъ новыя стѣсненія или доставляя имъ новыя облегченія — вліяетъ на нихъ такъ сильно, что природа ихъ съ теченіемъ временемъ приспособляется къ нему. Кромѣ всякаго немедленнаго воздѣйствія, есть еще воздѣйствіе отдаленное, совершенно игнорируемое большинствомъ. преобразованіе средняго характера, преобразованіе, которое можетъ быть желательно или нежелательно, но которое, во всякомъ случаѣ, есть самый важный фактъ, и его слѣдуетъ принимать во вниманіе.

Другія общія истины, надъ которыми гражданинъ, а тѣмъ болѣе законодатель, долженъ бы былъ подумать до тѣхъ поръ, пока не усвоилъ бы ихъ себѣ въ совершенствѣ, открываются намъ тогда, когда мы спрашиваемъ себя, изъ какихъ элементовъ складывается соціальная дѣятельность? и когда мы убѣждаемся въ очевидности отвѣта, что она представляетъ собой коллективный результатъ желаній индивидовъ, ищущихъ удовлетворить ихъ каждый самъ за себя и слѣдующихъ обыкновенно по тому пути, который кажется имъ наиболѣе легкимъ по ихъ ранѣе пріобрѣтенымъ привычкамъ и образу мыслей, то есть по линіи меньшаго сопротивленія (истины политической экономіи просто выводъ изъ такого отвѣта). Нѣтъ надобности доказывать, что соціальный строй и соціальная дѣятельность являются такъ или иначе продуктомъ человѣческихъ эмоцій, направляемыхъ идеями предковъ или людей живущихъ. Исходя изъ этого разсужденія мы вынуждены признать, что объясненіе соціальныхъ явленій заключается въ совмѣстномъ дѣйствіи этихъ факторовъ изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Такое толкованіе прямо ведетъ къ заключенію, что между коллективными результатами ищущихъ удовлетворенія человѣческихъ желаній, тѣ, которыя вызвали индивидуальныя усилія или добровольную кооперацію, гораздо болѣе способствовали соціальному развитію, нежели тѣ, которыя побуждали къ дѣйствію, благодаря вмѣшательству правительства. Если обильныя жатвы покрываютъ теперь поля, на которыхъ росли прежде лишь дикія ягоды. мы обязаны этимъ индивидуальному стремленію удовлетворить потребностей, не ослабѣвавшему въ теченіе жизни многихъ поколѣній. Если удобные дома замѣнили хижины, это совершилось потому, что люди хотѣли увеличить свое благосостояніе; города тоже обязаны своимъ существованіемъ подобнымъ импульсамъ. Торговая организація, теперь столь обширная и сложная, началась въ тѣ времена, когда люди собирались на религіозныя празднества, и создалась всецѣло благодаря стремленію къ достиженію своихъ личныхъ цѣлей. Правительства же всегда дѣйствовали наперекоръ этому развитію и если и помогали ему чѣмъ либо, то только исполняя отчасти присущіями функціи и поддерживая общественный порядокъ. Точно то же замѣчается и по отношенію прогресса наукъ и ихъ примѣненія, сдѣлавшаго возможнымъ измѣненіе строя общества и расширеніе общественной дѣятельности. Не правительству обязаны мы массой полезныхъ изобрѣтеній, начиная съ заступа и кончая телефономъ; не правительство сдѣлало открытія въ физикѣ, химіи и въ другихъ наукахъ, руководящихъ современными фабрикантами; не правительство выдумало тѣ ма-

шичы, которыя служатъ для фабрикаціи различныхъ предметовъ, для перевозки людей и предметовъ съ мѣста на мѣсто и всѣми возможными способами содѣйствуютъ нашему удобству. Всѣ коммерческія операціи, распространяющіяся на страны всего міра, вся торговля, наполняющая улицы нашихъ городовъ, этотъ мелочной обмѣнъ, благодаря которому мы имѣемъ подъ рукой необходимые въ повседневной жизни предметы—во всемъ этомъ нѣтъ никакого участія правительства; все это результаты добровольной дѣятельности гражданъ, работавшихъ въ одиночку или группами. Болѣе того: сами правительства обязаны этимъ добровольнымъ усиліямъ средствами выполнять свои обязанности. Отнимите у политическаго механизма всѣ тѣ пособія, которыя доставляютъ ему науки и искусства; оставьте правительство только съ тѣми рессурсами, которые выдумали чиновники, и дѣятельность его тотчасъ же прекратится. Даже языкъ, служащій ему для изданія своихъ законовъ и для передачи своихъ приказаній своимъ чиновникамъ, есть орудіе, которымъ оно обязано отнюдь не законодателю; языкъ создался незамѣтнымъ образомъ въ сношеніяхъ между людьми, преслѣдовавшими свои личныя цѣли.

Другая истина, вытекающая изъ предыдущей, это та, что различныя части соціальной организаціи, создавшейся добровольно, связаны между собой такимъ образомъ, что вы не можете дѣйствовать на одну, не дѣйствуя болѣе или менѣе и на всѣ другія. Это ясно видно, напримѣръ, когда недородъ хлопка парализуетъ сначала фабрикантовъ извѣстныхъ мануфактурныхъ округовъ, затѣмъ вліяетъ на дѣйствія оптовыхъ торговцевъ и на продавцевъ всего государства, также какъ и на потребителей и, наконецъ, затрогиваетъ фабрикантовъ, купцовъ и потребителей другихъ издѣлій—изъ шерсти, льна и т. д. То же самое наблюдаемъ мы, когда повышеніе цѣны на уголь вліяетъ на домашнюю жизнь, создаетъ помѣхи въ большинствѣ производствъ, поднимаетъ цѣны фабричныхъ издѣлій, ограничиваетъ потребленіе этихъ издѣлій и измѣняетъ привычки потребителей. То, что мы ясно видимъ въ приведенныхъ примѣрахъ, имѣетъ мѣсто болѣе или менѣе замѣтнымъ образомъ и въ другихъ случаяхъ. Очевидно, что законодательные акты—одинъ изъ факторовъ, которые, помимо своего непосредственнаго вліянія, даютъ еще самые неисчислимые и самые разнообразные результаты. Одинъ выдающійся профессоръ, труды котораго создали ему большой авторитетъ въ этихъ вопросахъ, высказалъ въ моемъ присутствіи слѣдующую мысль «Разъ вы начали дѣлать измѣненія въ порядкѣ природы, вы не можете сказать каковъ будетъ конечный результатъ. Если это замѣчаніе вѣрно по отношенію порядка въ царствѣ природы, то это тѣмъ болѣе справедливо относительно естественнаго порядка, существующаго въ организаціяхъ, созданныхъ человѣческими существами, соединенными въ общества.

Въ подтвержденіе того вывода, что законодатель долженъ бы вносить въ исполненіе своей обязанности ясное сознаніе этихъ очевидныхъ истинъ и другихъ истинъ того же рода касательно человѣческаго общества, составляющаго объектъ его дѣятельности, я позволю себѣ развить болѣе подробнымъ образомъ одну изъ истинъ, о которой я еще не говорилъ.

Чтобы какой бы то ни было высшій видъ могъ размножаться, онъ долженъ сообразоваться съ двумя противоположными принципами. Съ представителями его должно обращаться противоположнымъ образомъ въ дѣтствѣ и въ зрѣломъ возрастѣ. Мы разсмотримъ эти два состоянія.

Одинъ изъ самыхъ общеизвѣстныхъ фактовъ—что животныя высшаго типа, сравнительно медленнѣе достигая зрѣлости, могутъ, достигнувъ ея, давать своимъ дѣтенышамъ болѣе заботъ, чѣмъ животныя низшихъ типовъ. Взрослые кормятъ своихъ дѣтенышей въ теченіе болѣе или менѣе про-

должительнаго періода, въ то время, когда дѣтеныши еще неспособны доставать себѣ средства существованія. Поэтому, вполнѣ очевидно, что поддержаніе вида бываетъ обезпечено только тогда, когда заботы родителей сообразованы съ нуждами, вызываемыми несовершенствомъ развитія.

Нечего и говорить, что неоперившійся и слѣпой птенецъ или щенокъ, даже уже зрячій, погибли бы очень скоро, если-бы были принуждены доставать себѣ тепло и пищу. Самоотверженность родителей должна быть тѣмъ болѣе сильной, что дѣтеныши не приносятъ пользы ни себѣ, ни другимъ, и она можетъ уменьшаться по мѣрѣ того, какъ развиваясь, дѣтеныши становятся способными сначала заботиться о самихъ себѣ, а потомъ помогать и другимъ. Изъ этого мы выводимъ заключеніе, что въ нѣжномъ возрастѣ благодѣянія должны быть расточаемы въ обратной пропорціи къ силѣ или ловкости того, кто ихъ получаетъ. Ясно, что если-бы въ первой части жизни блага были пропорціональны достоинству или награды сообразны съ заслугой, то видъ прекратился бы на протяженіи поколѣнія.

Отъ этого *режима* семейной группы перейдемъ къ *режиму* болѣе обширной группы, состоящей изъ взрослыхъ особей вида. Посмотрите, что произойдетъ тогда, когда новый индивидъ, вполнѣ научившись владѣть своими силами и переставъ получать помощь отъ родителей, предоставляется самому себѣ. Съ этой минуты вступаетъ въ дѣйствіе принципъ какъ разъ противоположный тому, который мы только что описали. Въ теченіи всей остальной своей жизни каждый взрослый индивидъ получаетъ блага пропорціонально своему достоинству, награды — соотвѣтственно своимъ заслугамъ: подъ достоинствами и заслугами мы подразумѣваемъ въ томъ и въ другомъ случаѣ способность удовлетворять потребностямъ жизни, доставать себѣ кровъ и пищу, и избѣгать враговъ. Въ соревнованіи съ членами своего собственнаго вида, въ борьбѣ съ членами другихъ видовъ индивидъ чахнетъ и умираетъ или же благоденствуетъ и размножается, сообразно съ тѣмъ, хорошо или плохо онъ одаренъ. Очевидно, что обратный *режимъ*, если бы возможно было его поддерживать, сдѣлался бы со временемъ пагубнымъ для вида. Если бы получаемыя каждымъ индивидомъ блага были соразмѣряемы съ его несовершенствомъ, если бы слѣдовательно, размноженіе слабѣйшихъ индивидовъ было поощряемо, а размноженіе сильнѣйшихъ останавливалось, слѣдствіемъ этого явилось бы прогрессирующее вырожденіе, и вскорѣ выродившійся видъ не могъ бы существовать рядомъ съ видомъ, который ведетъ борьбу и съ видомъ, который конкуррируетъ съ нимъ.

При этомъ особенное вниманіе слѣдуетъ обратить на тотъ фактъ, что образъ дѣятельности природы внутри семейной группы и внѣ ея—діаметрально противоположенъ въ томъ и въ другомъ случаѣ и что перемѣщеніе порядка этой дѣятельности будетъ пагубнымъ для вида тотчасъ же или въ будущемъ.

Есть-ли на свѣтѣ человѣкъ, который думалъ бы, что эта истина не примѣнима къ человѣку? Можетъ-ли онъ отрицать, что въ человѣческой семьѣ, какъ и во всѣхъ семьяхъ низшихъ животныхъ, соразмѣрность благъ съ достоинствомъ должно имѣть пагубныя послѣдствія? Можетъ-ли онъ утверждать, что внѣ семьи, среди взрослыхъ не слѣдуетъ соразмѣрять блага съ заслугами? Можетъ-ли онъ утверждать, что не произойдетъ никакого зла отъ того, что мало одареннымъ субъектамъ дана будетъ возможность благоденствовать и размножаться наравнѣ съ хорошо одаренными или даже болѣе ихъ? Человѣческое общество, находящееся въ борьбѣ или въ соревнованіи съ другими обществами, можетъ быть разсматриваемо, какъ видъ, или скорѣе какъ разновидность, и можно съ увѣренностью сказать, что оно такъ же, какъ и другія общества, или разновидности,

будетъ неспоособно устоять въ борьбѣ съ обществами—своими противниками, если будетъ поддерживать свои низшія единицы въ ущербъ высшимъ. Разумѣется, каждый долженъ видѣть, что если бы принципъ семейной жизни вполнѣ примѣнялся въ соціальной жизни, если бы вознагражденіе всегда было тѣмъ больше, чѣмъ меньше заслуги, то это повело бы къ пагубнымъ для общества послѣдствіямъ. Если-же это такъ, то даже частичное введеніе семейнаго *режима* въ область *режима* правительственнаго должно привести къ аналогичнымъ послѣдствіямъ. Общество, какъ цѣлое, не можетъ, не подвергая себя немедленной или болѣе или менѣе отдаленной гибели, перемѣщать дѣйствіе этихъ двухъ противоположныхъ принциповъ, слѣдованіи которымъ сдѣлало всѣ общества способными достигнуть своего настоящаго образа жизни и удерживаться въ своемъ состояніи.

Я намѣренно употребилъ выраженіе: общество, какъ цѣлое, такъ какъ отнюдь не намѣреваюсь устранять или осуждать помощь, оказываемую плохо одаренным людямъ людьми, лично хорошо одаренными. Правда эта помощь наноситъ вредъ, если распредѣляется какъ и кому попало, такъ что дурно одаренные люди получаютъ возможность размножаться. Но при отсутствіи помощи со стороны общества, личная благотворительность, къ которой прибѣгали прежде съ сознаніемъ большей отвѣтственности и шире, нежели это дѣлается теперь, практиковалась бы ради оказанія помощи несчастнымъ, достойнымъ участія предпочтительно передъ тѣми, которые по существу не достойны помощи. Кромѣ того, изъ этой благотворительности общество извлекало бы всѣ выгоды, которыя вытекаютъ изъ развитія чувства симпатіи. Однако, это не мѣшаетъ намъ утверждать, что необходимо поддерживать радикальное различіе между моралью семьи и моралью государства, и что если великодушіе должно лежать въ основѣ первой, то существеннымъ принципомъ второй должна быть справедливость. Не слѣдуетъ измѣнять нормальныхъ отношеній между гражданами, отношеній, въ силу которыхъ каждый получаетъ въ замѣнъ своего грубаго или искуснаго, физическаго или умственнаго труда вознагражденіе, соотвѣтствующее спросу, вознагражденіе, позволяющее ему благоденствовать и воспитывать своихъ дѣтей соразмѣрно съ тѣми качествами, которыя дѣлаютъ жизнь его цѣнной для него и для другихъ.

И однако, не смотря на то, что очевидность этихъ истинъ, должна бы была поразить всѣхъ, кто, оторвавшись отъ поглощающихъ ихъ вниманіе занятій, оглянулись бы на условія нашей жизни, къ которымъ мы принуждены примѣняться, мы все-таки продолжаемъ требовать отечески распоряжающагося правительства. Смѣшеніе семейной морали съ государственной не только не считается вреднымъ для общества, но по большей части призывается, какъ единственно дѣйствительное средство обезпечить общественное благо. Это заблужденіе достигло теперь такой степени, что извращаетъ убѣжденія даже тѣхъ, кого слѣдовало считать болѣе свободными отъ него, нежели свободны другіе. Въ сочиненіи, которому Cobden-Club присудилъ премію въ 1880 г.. говорится, что «истина свободнаго обмѣна затемнена софизмами системы laissez-faire», и затѣмъ, что «намъ нужно гораздо болѣе отеческое правительство, какое было пугаломъ въ глазахъ прежнихъ экономистовъ».

Только что изложенная мною истина имѣетъ весьма важное жизненное значеніе, такъ какъ отъ признанія или непризнанія ея мѣняются политическія убѣжденія. Поэтому, я позволю себѣ остановится на ней, приведя выписки изъ одного сочиненія, напечатаннаго мной въ 1851 г., и попрошу только читателя, не считать мое мнѣніе неразрывно связаннымъ со содержащимися въ немъ теологическими выводами. Представивъ картину «того состоянія всеобщей войны, среди котораго живутъ

всѣ низшія существа», и показавъ, что отъ этого получается нѣкоторая доля добра, я продолжаю:

«Замѣтьте также, что ихъ плотоядные враги истребляютъ въ травоядныхъ стадахъ не только тѣхъ особей, которыя пережили уже періодъ зрѣлости, но также и болѣзненныхъ, дурно сложенныхъ, менѣе сильныхъ и быстрыхъ изъ нихъ. Этотъ отборъ вмѣстѣ съ безчисленными боями, происходящими въ періодъ спариванія, предупреждаетъ вырожденіе расы, которое было бы слѣдствіемъ размноженія низшихъ особей, и обезпечиваетъ сохраненіе организмовъ вполнѣ приспособленныхъ къ окружающей средѣ и слѣдовательно наиболѣе способныхъ обезпечить себѣ благосостояніе.

«Развитіе высшихъ видовъ есть движеніе впередъ къ формѣ существованія, способной дать счастье, свободное отъ этихъ неизбѣжныхъ золъ. Это счастье должно осуществиться въ человѣческой расѣ. Цивилизація есть послѣдняя ступень къ его осуществленію, идеальный человѣкъ есть существо, живущее въ условіяхъ этого счастья. А пока, благополучіе существующаго человѣчества и движеніе къ окончательному совершенству обезпечиваются той благодѣтельной, но строгой дисциплиной, которой подчинена вся природа. Эта дисциплина безпощадна, этотъ законъ неумолимъ; они ведутъ къ счастью, но никогда не допускаютъ послабленій, чтобы не причинить частичныхъ и временныхъ страданій. Бѣдность неспособныхъ, несчастіе неосмотрительныхъ, нищета лѣнтяевъ, уничтоженіе слабыхъ сильными, оставляющее столь многихъ «среди подонковъ нищеты» — таковы результаты безграничной, но цѣлесообразно поступающей доброты.

«Чтобы стать способнымъ къ соціальной жизни, человѣкъ долженъ не только отдѣлаться отъ дикости своей природы, онъ долженъ еще пріобрѣсти необходимые для цивилизованной жизни навыки. Онъ долженъ развить въ себѣ умѣнье заниматься, измѣнить свой умъ настолько, чтобы онъ могъ приспособиться къ своимъ новымъ задачамъ, а главное долженъ обладать достаточной энергіей, чтобы отказаться отъ ничтожнаго, немедленнаго наслажденія и за то получить большее наслажденіе въ будущемъ. Переходное состояніе будетъ, разумѣется, тяжелымъ. Нищета есть неизбѣжное слѣдствіе несоотвѣтствія между природой человѣка и внѣшними условіями. Всѣ бѣдствія, постигающія насъ и принимаемыя невѣждами за очевидныя послѣдствія той или иной причины, которую возможно устранить, на самомъ дѣлѣ—роковымъ образомъ сопровождаютъ совершающееся приспособленіе. Человѣчество обязано подчиняться неизбѣжнымъ условіямъ своего новаго положенія, оно должно приспособиться къ нему и пустить въ дѣло всѣ свои силы, чтобы перенести истекающее изъ него зло. Процессъ этотъ *долженъ* совершиться, страданія *должны* быть перенесены. Никакая сила въ мірѣ, никакой выдуманный искусными законодателями законъ, никакой проектъ, имѣющій цѣлью исправить условія человѣческой жизни, никакая коммунистическая панацея, никакая реформа, которую когда либо совершили или совершатъ люди,—не могутъ уменьшить этихъ страданій ни на одну іоту. Можно усилить ихъ интенсивность, и ее усиливаютъ, и философъ, стремящійся отвратить это зло, всегда найдетъ достаточно средствъ къ изощренію своего мышленія. Однако перемѣна ведетъ за собой *должную* долю страданій, которыхъ нельзя уменьшить, не измѣняя самихъ законовъ жизни».

«Разумѣется, если суровость этого процесса смягчается непосредственной симпатіей людей другъ къ другу, на это ничего возразить нельзя, хотя эта симпатія несомнѣнно наноситъ вредъ, когда проявляется безъ предварительнаго изученія конечныхъ послѣдствій. Но вытекающія изъ этого неудобства ничто въ сравненіи со сдѣланнымъ добромъ. Только тогда, когда симпатія побуждаетъ къ незаконнымъ поступкамъ, когда она яв-

ляется причиной запрещеннаго закономъ нарушенія общей для всѣхъ свободы, когда она въ частномъ проявленіи жизни и кажаетъ отношеніе между закономѣрнымъ порядкомъ и условіями жизни—только въ такихъ случаяхъ она безусловно производитъ зло. Тогда она сама мѣшаетъ выполненію своихъ плановъ. Она способствуетъ размноженію людей, наименѣе способныхъ къ существованію и слѣдовательно препятствуетъ размноженію людей, наиболѣе способныхъ къ жизни, оставляя менѣе мѣста для послѣднихъ. Она стремится наполнить міръ людьми, которымъ жизнь принесетъ наибольшее количество страданій и закрываетъ доступъ въ нее тѣмъ, кому она можетъ принести наибольшее число радостей. Она создаетъ положительное несчастье и мѣшаетъ положительному счастью». (Social Statics, 1851 г.).

Хотя съ тѣхъ поръ, какъ напечатаны были эти страницы, протекла цѣлая треть столѣтія, я не вижу никакой причины отказаться отъ выраженнаго мною въ то время взгляда. Напротивъ, этотъ періодъ времени принесъ множество доказательствъ, подтверждающихъ приведенное здѣсь мнѣніе. Время показало, что если выживаютъ только способные индивиды, то отъ этого получаются безконечно болѣе счастливые результаты, чѣмъ результаты, описанные нами выше. Дарвинъ доказалъ, что «естественный подборъ», соединенный со стремленіемъ къ видоизмѣненіямъ и къ наслѣдственности видоизмѣненій, есть одна изъ главныхъ, но, какъ я полагаю, не единственная причина той эволюціи, благодаря которой всѣ живыя существа, начиная съ самыхъ низшихъ, достигли своей теперешней организаціи и приспособленія къ своему образу жизни. Эта истина сдѣлалась слишкомъ общеизвѣстной, и я долженъ извиниться въ томъ, что привожу ее. И, однако, смѣшно сказать, именно теперь, когда эта истина принята большинствомъ просвѣщенныхъ людей, теперь, когда они прониклись благодѣтельнымъ вліяніемъ продолжительности жизни наиболѣе способныхъ до такой степени, что, повидимому, не должны бы парализовать ея дѣйствіе, они болѣе, чѣмъ въ какую бы то ни было отдаленную историческую эпоху, напрягаютъ всѣ свои силы для продолженія существованія самыхъ неспособныхъ.

Но постулатъ, согласно которому люди считаются разумными существами, постоянно приводитъ насъ къ чрезвычайно далекимъ отъ истины заключеніямъ.

«Да, въ самомъ дѣлѣ: вашъ принципъ выведенъ изъ жизни животныхъ, а потому это—животный принципъ. Вы не убѣдите меня въ томъ, что люди должны подчиняться тѣмъ правиламъ, которымъ подчиняются животныя. Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до вашихъ аргументовъ, взятыхъ изъ естественной исторіи. Моя совѣсть внушаетъ мнѣ, что слабымъ и несчастнымъ слѣдуетъ помогать, и что если эгоисты не хотятъ помогать имъ, то ихъ слѣдуетъ принудить къ тому закономъ. Не говорите мнѣ, что млеко человѣческой благости должно быть расточаемо только въ индивидуальныхъ сношеніяхъ, а правительства должны воздавать каждому лишь по самой строгой справедливости. Всякій человѣкъ, одаренный малѣйшей долей симпатіи, долженъ чувствовать, что надо устранять голодъ, страданіе и грязь, и что если частныя учрежденія не достигаютъ цѣли, то вмѣшательство правительства необходимо».

Такое возраженіе сдѣлаютъ мнѣ изъ десяти человѣкъ девять. Нѣкоторые, конечно, говорятъ подъ вліяніемъ столь сильной симпатіи, что они не могутъ видѣть человѣческое страданіе безъ чувства нетерпѣнія, а потому становятся неспособными думать объ отдаленныхъ послѣдствіяхъ. Что касается чувствительности другихъ, то къ ней можно отнестись съ нѣкоторымъ недовѣріемъ. Люди, которые то въ томъ, то въ другомъ случаѣ

выражаютъ крайнее возмущеніе, когда видятъ, что правительство, ради поддержанія нашихъ, якобы національныхъ, «интересовъ» или нашего національнаго «престижа», не спѣшитъ посылать на край свѣта нѣсколько тысячъ человѣкъ, при чемъ часть изъ этихъ тысячъ, истребляя другія тысячи людей, ради того, что мы подозрѣваемъ ихъ въ враждебныхъ намѣреніяхъ или видимъ для себя угрозу въ ихъ учрежденіяхъ или же хотимъ захватить ихъ территорію для нашихъ колонистовъ, такіе люди, говорю я, право же не могутъ быть воодушевлены столь нѣжными чувствами, чтобы видъ страданій бѣдняка былъ для нихъ невыносимъ. Не слѣдуетъ также восхищаться гуманностью тѣхъ людей, что требуютъ политики, разрушающей общества, которыя идутъ по пути прогресса, и взираютъ затѣмъ съ циничнымъ равнодушіемъ на оставленную послѣ разрушенія путаницу, сопровождаемую печальнымъ кортежемъ нищеты и смерти. Тѣ, кто во время войны, когда буры съ успѣхомъ отстаивали свою независимость, злились на то, что правительство не хотѣло поддержать британскую «честь», обрекая на смерть и страданія все большее и большее число нашихъ солдатъ и ихъ противниковъ, не могутъ быть такими «восторженными гуманистами», какими они желали бы показать себя, защищая мнѣнія, подобныя изложеннымъ выше. Въ дѣйствительности эта показная чувствительность, не допускающая людей смотрѣть на страданія, причиняемыя «борьбой за жизнь», безшумно происходящей вокругъ нихъ, отлично мирится въ ихъ душѣ съ той безчувственностью, которая не только терпитъ настоящія битвы, но еще и находитъ удовольствіе смотрѣть на нихъ. Объ этомъ удовольствіи говоритъ намъ успѣхъ продажи иллюстрированныхъ газетъ, содержащихъ сцены избіеній, и жадность, съ которой читаются подробные отчеты о кровавыхъ битвахъ. Намъ не могутъ поставить въ вину недовѣріе къ искренности людей, которые увѣряютъ, что содрогаются при мысли о страданіяхъ, переносимыхъ главнымъ образомъ людьми лѣнивыми и безпечными, и которые тѣмъ не менѣе раскупили тридцать одно изданіе «пяти рѣшительныхъ сраженій міра» чтобы насладиться разсказами о кровопролитіяхъ. Еще болѣе удивительнымъ представляется контрастъ между кажущейся чувствительностью и дѣйствительной жестокостью тѣхъ, которые желали бы перевернуть естественное теченіе жизни, чтобы облегчить немедленно страданія даже цѣною гораздо большихъ страданій въ будущемъ. При другихъ обстоятельствахъ вы услышите, какъ тѣ же лица, безъ всякой заботы о жизни своихъ ближнихъ будутъ утверждать, что въ интересахъ человѣчества вообще слѣдуетъ истреблять низшія расы и замѣнять ихъ высшими. Итакъ, къ нашему удивленію, люди не могутъ съ полнымъ спокойствіемъ думать о страданіяхъ, сопровождающихъ борьбу за существованіе, которая ведется безъ насилія среди членовъ одного и того же общества, и могутъ смотрѣть безмятежно на самую страшную форму тѣхъ же страданій, когда они огнемъ и мечемъ причиняются цѣлымъ общинамъ. Поэтому, мнѣ кажется, что такое притворное великодушіе по отношенію къ «меньшимъ братьямъ» внутри страны, не заслуживаетъ большого уваженія, когда люди съ спокойнымъ сердцемъ жертвуютъ своими же «меньшими братьями» внѣ страны.

Но этотъ чрезмѣрный интересъ, проявляемый къ людямъ нашей расы, и полное равнодушіе къ людямъ чужой расы, кажутся намъ еще менѣе достойными уваженія, когда мы видимъ, *какъ* они проявляются. Если бы этотъ интересъ побуждалъ къ личнымъ усиліямъ, чтобы облегчить участь несчастныхъ, его можно было бы одобрить по справедливости. Если бы большое число людей, щеголяющихъ этимъ дешевымъ состраданіемъ, походило на малое число тѣхъ, которые неустанно, недѣля за недѣлей и годъ за годомъ, посвящаютъ значительную часть своего времени на то, чтобы помогать,

ободрять, а иногда и веселить своихъ ближнихъ, дошедшихъ до нищеты вслѣдствіе несчастій, вслѣдствіе своей неспособности или дурного поведенія, мы бы, не колеблясь, преклонились передъ ними. Чѣмъ больше будетъ мужчинъ и женщинъ, доставляющимъ бѣднымъ средства помогать себѣ собственными усиліями, выказывающихъ свое участіе къ нимъ лично, а не черезъ уполномоченныхъ лицъ, тѣмъ болѣе мы будемъ радоваться этому. Но большинство лицъ, желающихъ посредствомъ законовъ облегчать участь несчастныхъ и неосторожныхъ, предполагаютъ совершать это дѣло съ весьма малыми издержками для себя, главнымъ же образомъ на счетъ другихъ, иногда спрашивая на то ихъ согласіе, а иногда и вовсе не спрашивая его. Больше того: тѣ, которыхъ хотятъ такимъ образомъ принудить оказывать благодѣянія несчастнымъ, очень часто сами нуждаются въ благодѣяніяхъ. Бѣдные, достойные участія, всегда находятся въ числѣ тѣхъ, которыхъ обременяютъ налогами ради оказанія помощи бѣднымъ, вовсе не стоящимъ никакого участія. Какъ при прежнемъ законѣ о бѣдныхъ прилежный и предусмотрительный труженикъ ради того, чтобы негодяи не страдали, былъ принужденъ платить до тѣхъ поръ, пока онъ не падалъ подъ бременемъ налоговъ и самъ не былъ принужденъ искать пріюта въ рабочемъ домѣ, точно такъ же и теперь мѣстное обложеніе въ большихъ городахъ доходятъ до такой цифры, за которую «перейдти нельзя, не подвергая жестокимъ лишеніямъ мелкихъ ремесленниковъ и торговцевъ, которымъ и безъ того трудно оберегать себя отъ позора пауперизма». Точно также во всемъ остальномъ принятая у насъ политика стремится увеличить страданія лицъ наиболѣе заслуживающихъ участія, чтобы помочь тѣмъ, которые не стоятъ ровно никакой жалости. Однимъ словомъ, люди до такой степени сострадательные, что не допускаютъ, чтобы борьба за жизнь налагала на негодныхъ людей страданія, происходящія отъ ихъ негодности или дурного поведенія, въ то же время настолько безчувственны, что увеличиваютъ тяжесть этой борьбы для гражданъ, заслуживающихъ уваженія, и причиняютъ имъ и ихъ дѣтямъ искусственныя бѣдствія, кромѣ естественныхъ, которыя тѣмъ приходится переносить.

Послѣднее соображеніе снова возвращаетъ насъ къ темѣ, указанной въ названіи этой главы, къ грѣхамъ законодателей. Здѣсь нашимъ глазамъ представляется самая обыкновенная изъ ошибокъ, которую дѣлаютъ стоящія у власти лица, ошибка до того обыкновенная и освященная обычаемъ, что никто и не смотритъ на нее, какъ на ошибку. Здѣсь мы видимъ, что правительство, зародившееся, какъ мы уже сказали, на почвѣ стремленій къ захвату, продолжаетъ своей политикой захватовъ выказывать свой прирожденный характеръ, даже тогда, когда оно съ перваго взгляда представляется намъ благодѣтельнымъ по внѣшнимъ пріемамъ, то есть я хочу сказать, когда оно выказываетъ доброту, идущую рука объ руку съ жестокостью. Развѣ же не жестоко увеличивать страданія лучшей части человѣчества ради того, чтобы уменьшить бѣдствія худшей его части?

Любопытно видѣть, какъ легко мы поддаемся обману, благодаря фразамъ, изображающимъ только внѣшній видъ фактовъ и ничего не говорящимъ о ихъ внутреннемъ значеніи. Поразительнымъ доказательствомъ тому служатъ выраженія «покровительство» (промышленности) и «протекціонизмъ» (покровительственная торговая система), употребляемыя противниками свободнаго обмѣна, выраженія, молчаливо допускаемыя самими сторонниками такого обмѣна. Что «покровительство» всегда обусловливаетъ собой насиліе, и что названіе протекціонистъ должно бы быть замѣнено названіемъ «агрессіонистъ» (насильникъ) — вотъ истина, которую одни обыкновенно игнорируютъ, а другіе до сихъ поръ не умѣютъ раскрыть. А между тѣмъ вполнѣ очевидно, что если для того, чтобы поддержать вы-

годы *A*, мы запрещаемъ *B* покупать у *C* или если мы на B налагаемъ штрафъ въ видѣ таможенной пошлины въ томъ случаѣ, когда онъ покупаетъ у C, то мы совершаемъ насиліе надъ B, ради того, чтобы оказать «покровительство» A. Болѣе того: протекціонисты вдвойнѣ заслуживаютъ названія «насильниковъ», такъ какъ для того, чтобы доставить выгоды одному производителю, они облагаютъ поборами десять потребителей.

Подобное же смѣшеніе понятій, происходящее отъ того, что обыкновенно смотрятъ на вопросъ съ одной только стороны, замѣчается во всякомъ законодательствѣ, которое силой отнимаетъ у одного человѣка его собственность, чтобы надѣлить даровыми благодѣяніями другого. Обыкновенно когда дебатируется одна изъ безчисленныхъ мѣръ этого характера, думаютъ главнымъ образомъ о томъ, что надо защитить несчастнаго Джонса отъ какой-нибудь напасти и нисколько не помышляютъ о вредѣ, наносимомъ этой мѣрой Брауну, который работаетъ изо всѣхъ силъ и очень часто гораздо болѣе достоинъ сожалѣнія. Вымогаютъ деньги у поденщицы, которая не можетъ платить налоги иначе, какъ терпя самыя большія лишенія, у каменьщика, оставшагося безъ работы вслѣдствіе стачки, у ремесленника, у котораго всѣ сбереженія поглотила болѣзнь, у вдовы, которая стираетъ и шьетъ съ утра до ночи, чтобы накормить своихъ дѣтей и все это ради того, чтобы лѣнтяй не страдалъ отъ голода, чтобы дѣти менѣе бѣдныхъ сосѣдей получали дешевое обученіе и чтобы разные господа, большею частью болѣе зажиточные, могли чуть не задаромъ читать газеты и романы! Употребленіе неправильныхъ выраженій имѣетъ въ данномъ случаѣ болѣе важныя послѣдствія, чѣмъ тогда, когда называютъ протекціонистомъ того, кто долженъ бы называться агрессіонистомъ, ибо, какъ мы это видѣли сейчасъ, покровительство порочнымъ бѣднякамъ ведетъ къ насилію надъ добродѣтельными бѣдняками. Правда, что большую долю вымогаемыхъ денегъ платятъ люди не нуждающіеся, но вѣдь это не утѣшеніе для тѣхъ, которые стѣснены въ средствахъ и должны отдавать послѣднее. Болѣе того, если мы сравнимъ обязательства каждой изъ этихъ категорій, то мы увидимъ, что дѣло обстоитъ еще хуже, чѣмъ кажется на первый взглядъ: дѣйствительно для живущихъ въ довольствѣ уплата налога является потерей ихъ излишка, а для того, кто терпитъ нужду она означаетъ лишеніе необходимаго.

Взгляните теперь, какъ грозитъ отомстить Немезида за эти постоянныя прегрѣшенія законодателей. Они и ихъ классъ, такъ же какъ и всѣ собственники, подвергаются опасности пострадать отъ радикальнаго примѣненія того общаго принципа, который на практикѣ подтверждается каждымъ изъ этихъ актовъ конфискаціи, вотированныхъ парламентомъ. Изъ какого же молчаливо подразумѣваемаго предположенія исходятъ въ сущности, издавая всѣ такіе законы? Изъ того, что на свою собственность, даже на ту, которую онъ пріобрѣлъ въ потѣ лица своего, ни одинъ человѣкъ не имѣетъ права иначе, какъ съ разрѣшенія общины, и что община можетъ лишить его этого права въ той мѣрѣ, въ какой она сочтетъ нужнымъ. Невозможно оправдать это отобраніе имущества *A* въ пользу *B* иначе, какъ опираясь на тотъ постулатъ, что общество, какъ цѣлое, имѣетъ абсолютное право на имущество каждаго изъ своихъ членовъ. Въ настоящее время эта доктрина, прежде подразумѣвавшаяся, провозглашается во всеуслышаніе, такъ какъ Джорджъ и его друзья или Гиндманъ и его послѣдователи довели теорію до ея логическихъ выводовъ. Имъ было доказано примѣрами, число которыхъ увеличивается съ каждымъ годомъ, что личность не имѣетъ ни одного права, которымъ община могла бы пренебречь, не совершая несправедливости, и теперь они говорятъ: «Задача бу-

детъ трудна, но мы превзойдемъ нашихъ учителей», мы разомъ сумѣемъ растоптать всѣ личныя права.

Различныя злодѣянія законодателей, о которыхъ мы говорили раньше, объяснимы до извѣстной степени и находятъ себѣ нѣкоторое извиненіе, если мы доищемся до ихъ источника. Они происходятъ отъ того ошибочнаго мнѣнія, что общество есть продуктъ свободнаго творчества, тогда какъ оно есть продуктъ развитія. Ни воспитаніе прошлыхъ временъ, ни нынѣшнее не научили сколько нибудь значительное число людей выработать себѣ научное понятіе объ обществѣ, представлять его имѣющимъ естественный строй, въ которомъ всѣ учрежденія, правительственныя, религіозныя, промышленныя, торговыя и др. находятся во взаимной зависимости другъ отъ друга, строй, который есть до извѣстной степени органическій. Если же подобное понятіе и существуетъ, то только номинально и не имъ опредѣляется образъ дѣйствій. Наоборотъ, общество обыкновенно представляютъ себѣ, какъ извѣстное количество тѣста, которому кухарка можетъ придать какую ей угодно форму: пирога, лепешки или торта. Коммунистъ самымъ вразумительнымъ образомъ показываетъ намъ, что, по его мнѣнію, политическій организмъ можетъ быть пересозданъ такъ или иначе — по желанію, да и многія изъ нашихъ законодательныхъ мѣръ заключаютъ въ себѣ признаніе, что общество людей, которымъ навязали ту или другую организацію, сохранитъ форму, которую ему хотятъ дать.

Право, можно было бы думать, что независимо отъ признанія заблужденія того взгляда, будто слѣдуетъ считать общество пластической массой, а не организованнымъ тѣломъ, факты, ежеминутно бросающіеся намъ въ глаза, должны бы были возбудить въ насъ сомнѣнія относительно успѣшности того или другого метода, которымъ хотятъ заставить людей измѣнить свой образъ дѣйствій. Домашняя жизнь даетъ гражданину ежедневныя доказательства того, что поведеніе людей обманываетъ всѣ разсчеты. Человѣкъ отказывается отъ мысли командовать своей женой и поступаетъ подъ ея команду. Изъ всѣхъ методовъ, испробованныхъ имъ въ воспитаніи его дѣтей, ни выговоры, ни наказанія, ни убѣжденія не приводятъ къ желаемымъ результатамъ, и никакіе уговоры не могутъ заставить ихъ мать не обращаться съ ними такъ, какъ онъ считаетъ вреднымъ для нихъ. Точно то же и съ прислугой; бранитъ ли онъ или уговариваетъ ее—это рѣдко дѣйствуетъ на долгое время: недостатокъ внимательности, аккуратности, чистоты или трезвости побуждаетъ часто мѣнять прислугу. И однако, несмотря на затрудненія, которыя онъ встрѣчаетъ постоянно въ своихъ сношеніяхъ съ отдѣльными лицами, онъ убѣжденъ въ своемъ умѣньѣ распоряжаться дѣлами людей, составляющихъ цѣлую націю. Законодатель не знаетъ и тысячной доли гражданъ, не видѣлъ и сотой части ихъ, имѣетъ лишь слабое понятіе о привычкахъ и образѣ мыслей тѣхъ классовъ, къ которымъ принадлежитъ громадная масса, и тѣмъ не менѣе онъ твердо убѣжденъ, что всѣ будутъ дѣйствовать такъ, какъ онъ предполагаетъ и будутъ стремиться къ цѣли, которую онъ намѣтилъ. Развѣ же здѣсь нѣтъ поразительной несогласованности между посылками и выводами.

Эти неудачи домашней жизни, эта полнота, разнообразіе и сложность соціальной жизни, о которыхъ говоритъ намъ каждая страница газеты и всю грандіозность которыхъ тщетно старается представить намъ наше воображеніе, должны бы были вызвать у каждаго большія колебанія, прежде чѣмъ онъ возьмется издавать законы, а между тѣмъ люди, именно въ этомъ случаѣ, выказываютъ удивительную самонадѣянность. Нигдѣ не существуютъ такого контраста между трудностью задачи и недостаточностью подготовки у тѣхъ, которые за нее берутся. Изъ всѣхъ чудовищныхъ заблужденій самое чудовищное, безъ сомнѣнія, то, что необходимо очень

долго учиться какому нибудь ремеслу, хотя бы напримѣръ ремеслу сапожника, и что единственная вещь, которая не требуетъ никакой выучки— это умѣнье создавать законы для цѣлой націи.

Дѣлая общіе выводы изъ нашего разсужденія, не вправѣ ли мы сказать, что законодатель стоитъ передъ столь хорошо извѣстными тайнами, что онѣ не должны бы быть тайнами для того, кто беретъ на себя громадную и страшную отвѣтственность—сочинять законы для милліоновъ и милліоновъ людей, законы, которые, если не будутъ способствовать ихъ счастію, увеличатъ ихъ нищету и ускорятъ ихъ смерть?

Прежде всего мы имѣемъ ту неоспоримую, очевидную и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно непризнаваемую истину, что всѣ явленія, которыя мы видимъ въ обществѣ, имѣютъ свои корни въ явленіяхъ индивидуальной жизни людей, а эти явленія вытекаютъ изъ жизненныхъ явленій вообще. Кромѣ того, мы принуждены сдѣлать тотъ неминуемый выводъ, что, если только отношенія между физическими и умственными явленіями жизни не представляютъ собой совершеннаго хаоса (предположеніе, котораго послѣдовательность жизни не допускаетъ), то вытекающія изъ этихъ отношеній явленія не могутъ быть хаотичными, а слѣдовательно необходимо существуетъ извѣстный порядокъ въ явленіяхъ, вытекающихъ изъ предыдущаго ряда явленій, и тамъ, гдѣ человѣческія существа должны работать надъ общимъ дѣломъ. Очевидно, что если человѣкъ берется создавать правила жизни для общества, не изучивъ послѣдовательныя явленія соціальнаго порядка въ ихъ послѣдовательной связи, то онъ можетъ быть увѣренъ, что принесетъ вредъ.

Во-вторыхъ, если оставить въ сторонѣ всѣ апріорныя разсужденія, этотъ выводъ долженъ представиться уму законодателя при сравненіи различныхъ обществъ между собой. Всякому должно бы быть ясно, что прежде, чѣмъ заняться подробностями соціальной организаціи, надо задать себѣ вопросъ: имѣетъ ли эта организація свою естественную исторію. А чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо разсмотрѣть, начиная съ самыхъ простыхъ обществъ, въ какихъ отношеніяхъ различныя формы соціальнаго строя схожи между собой? Краткое изученіе сравнительной соціологіи показываетъ намъ всюду одинаковыя начала: обычное существованіе начальника и утвержденіе его власти посредствомъ войнъ, вліяніе, всюду захваченное врачемъ и жрецомъ, наличность культа съ одними и тѣми же основными чертами; слѣды раздѣленія труда, показывающіеся весьма рано и принимающіе мало-по-малу болѣе опредѣленныя черты, и затѣмъ различныя сочетанія политическихъ, церковныхъ, промышленныхъ и др. силъ, появляющіяся по мѣрѣ того, какъ группы соединяются и распадаются въ результатъ войнъ. Всѣ эти факты, когда мы ихъ сравниваемъ, показываютъ, что помимо ихъ особенныхъ, имъ однимъ свойственныхъ отличій, общества представляютъ собой общія черты сходства въ образѣ возникновенія и развитія. Они представляютъ собой черты структуры, доказывающія, что соціальная организація имѣетъ законы болѣе сильные, чѣмъ личная воля людей и что, не изучая ихъ, люди рискуютъ сдѣлать много зла.

Наконецъ, въ третьихъ, существуетъ цѣлая масса поучительныхъ уроковъ содержащихся въ собраніяхъ законовъ всѣхъ странъ, и съ этими уроками, очевидно, еще болѣе необходимо считаться. Въ Англіи, какъ и въ другихъ странахъ, всѣ безчисленныя попытки, сдѣланныя государственными дѣятелями, не принесли той пользы, которую должны были принести, и причинили бѣдствія, какихъ отъ нихъ вовсе не ожидали. Шелъ вѣкъ за вѣкомъ и новыя мѣры, подобныя прежнимъ и основанныя на тѣхъ же принципахъ, всегда оказывались несостоятельными и влекли

за собой новыя бѣды. А между тѣмъ ни избиратели, ни тѣ, кого они избираютъ, не думаютъ, что необходимо систематическое изученіе этихъ законовъ, которые въ былыя времена дѣлали народъ несчастнымъ, хотя и имѣли цѣлью составить его счастіе. А, вѣдь, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что человѣкъ не можетъ исполнять должность законодателя, если не обладаетъ основательнымъ знаніемъ этихъ опытовъ, завѣщанныхъ намъ прошлымъ.

Итакъ, возвращаясь къ аналогіи, о которой мы говорили вначалѣ, мы должны сказать, что въ нравственномъ отношеніи законодатель является или свободнымъ отъ порицанія или безусловно виновнымъ, смотря потому, изучилъ ли онъ фактически различные классы общества. Врачъ, который послѣ многихъ лѣтъ ученья, пріобрѣлъ достаточныя свѣдѣнія по физіологіи, паталогіи и терапіи, не можетъ считаться преступникомъ, если человѣкъ умираетъ во время его лѣченія; онъ подготовился къ лѣченію, какъ только могъ и сдѣлалъ то, что могъ. Точно такъ же и законодателю, который своими мѣрами, не смотря на обширныя и систематическія знанія, освѣщающія его сужденіе, наноситъ вредъ вмѣсто того, чтобы приносить пользу, можетъ быть поставлена въ упрекъ только ошибочность его сужденій. Напротивъ, тотъ законодатель, который не знаетъ или плохо знаетъ ту массу фактовъ, которые онъ обязанъ разсмотрѣть раньше, чѣмъ мнѣніе его о предложенномъ законѣ могло получить какую либо цѣнность, и который тѣмъ не менѣе способствуетъ принятію этого закона, не заслуживаетъ прощенія, если этотъ законъ увеличитъ нищету и смертность, точно такъ же, какъ и аптекарскій ученикъ долженъ быть наказанъ, если лѣкарство, прописанное имъ по невѣжеству, дѣлается причиной смерти больного.

IV. Великое политическое суевѣріе.

Великое политическое суевѣріе политики прошедшихъ временъ было божественное право монарховъ. Великое суевѣріе нашего времени—это божественное право парламентовъ. Міропомазанія, повидимому, совершенно незамѣтнымъ образомъ съ единой головы стекло на головы большого числа людей, освящая ихъ самихъ и ихъ декреты.

Можно находить первое изъ этихъ вѣрованій нераціональнымъ; но нельзя не признать, что оно было логичнѣе второго. Если мы вернемся къ тѣмъ временамъ, когда монархъ былъ богомъ, или потомкомъ бога, или посланникомъ бога—то мы вездѣ находимъ основательныя причины для пассивнаго повиновенія его волѣ. Когда, напримѣръ, въ царствованіе Людовика XIV такіе теологи, какъ Боссюэтъ, учили, что короли—боги и нѣкоторымъ образомъ обладаютъ божественной независимостью, или когда люди вѣрили, какъ наши торіи былыхъ временъ, что «монархъ есть посланникъ неба», то очевидно изъ этой предпосылки получалось обязательное заключеніе, что для власти государства не можетъ быть предѣловъ. Но современный принципъ защищать такимъ образомъ нельзя. Законодательный корпусъ, который не можетъ сослаться ни на божественное происхожденіе, ни на божественную миссію, лишенъ возможности прибѣгнуть къ сверхъестественному авторитету для узаконенія своихъ притязаній на неограниченную власть; съ другой стороны никто никогда не пытался обосновать такія притязанія доказательствами естественнаго порядка вещей. Слѣдовательно, вѣра въ неограниченную власть законодательнаго корпуса не имѣетъ логическаго характера прежней вѣры въ неограниченную власть монарха.

Любопытно видѣть, какъ люди вообще фактически придерживаются

доктринъ, отъ которыхъ они уже отреклись въ принципѣ, сохраняя такимъ образомъ сущность послѣ того, какъ оставили форму. Въ теологіи примѣромъ въ этомъ отношеніи служитъ Карлейль: будучи студентомъ, онъ отрекается отъ вѣры предковъ, но въ сущности онъ отбрасываетъ только оболочку и сохраняетъ содержаніе, его понятія о вселенной и о человѣкѣ; все его поведеніе показываютъ, что онъ остался однимъ изъ ревностныхъ шотландскихъ кальвинистовъ. Наука также даетъ намъ примѣръ человѣка, который съ натурализмомъ въ геологіи соединяетъ вѣру въ сверхъестественное въ біологіи—это сэръ Чарльзъ Ляйель. Когда онъ впервые излагаетъ теорію формацій въ геологіи, онъ не обращаетъ никакого вниманія на космогонію Моисея, за то онъ еще долгое время продолжаетъ защищать вѣру въ сотвореніе каждаго отдѣльнаго органическаго типа, вѣру, которая можетъ опираться только на космогонію Моисея, и лишь въ самый послѣдній періодъ своей жизни онъ соглашается съ аргументами Дарвина. Въ политикѣ, какъ это мы видѣли изъ предыдущаго изложенія, мы имѣемъ передъ собой подобную же картину. Молчаливымъ соглашеніемъ признана доктрина неограниченной власти государства: доктрины этой придерживаются и торіи, и виги, и радикалы, но она имѣетъ свое начало въ той эпохѣ, когда законодатели считались посланниками Бога. Она жива еще и по сіе время, несмотря на то, что вѣра въ божественное посланничество уже исчезла. «О! парламентскій актъ всесиленъ», отвѣчаютъ гражданину, усомнившемуся въ законности какого либо произвольнаго вмѣшательства, и гражданинъ смолкаетъ. Ему и въ голову не приходитъ спросить, какимъ образомъ, когда и гдѣ возникло такое всемогущество, ограничиваемое только матеріальной невозможностью.

Мы позволимъ себѣ усомниться въ этомъ всемогуществѣ. Такъ какъ теперь не ссылаются болѣе на когда то отвѣчавшую требованіямъ логики теорію, будто царствующій на землѣ есть представитель того, кто царствуетъ на небѣ и, потому всѣ люди обязаны повиноваться ему во всемъ, то мы спрашиваемъ, на какомъ основаніи мы обязаны во всемъ повиноваться конституціонному или республиканскому правительству, не претендующему на небесное происхожденіе своей власти. Этотъ вопросъ, очевидно, заставляетъ насъ подвергнуть критикѣ прошедшія и настоящія теоріи, касающіяся политической власти. Можетъ быть, мы должны извиниться, что возвращаемся къ давно рѣшеннымъ вопросамъ, но мы находимъ достаточное извиненіе въ томъ, что общепризнанная теорія, какъ мы это развивали выше, плохо обоснована или вовсе не имѣетъ никакой основы.

Прежде всего мы беремъ понятіе о верховной власти, и критическій взглядъ на это понятіе въ такомъ видѣ, въ какомъ оно усвоивается всѣми, кто не признаетъ сверхъ-естественнаго происхожденія такой власти, приводитъ насъ къ аргументамъ Гоббса.

Допустимъ справедливость постулата Гоббса: «Когда люди не живутъ подъ одной общей властью, держащей ихъ въ страхѣ, они находятся въ состояніи, называемомъ войной... другъ противъ друга». Это не правда, потому что мы знаемъ нецивилизованныя общества, гдѣ безъ «единой общей власти, держащей ихъ въ страхѣ», царствуетъ болѣе глубокій міръ и большая гармонія, нежели въ обществахъ. гдѣ эта власть существуетъ. Предположимъ также, что Гоббсъ правъ, когда онъ утверждаетъ, что правительственная власть въ обществахъ основана была первоначально изъ-за стремленія поддержать въ нихъ порядокъ, хотя въ дѣйствительности эта власть рождается обыкновенно изъ потребности подчиненія вождю во время наступательной или оборонительной войны и не имѣетъ въ началѣ ни теоретически, ни фактически никакого отношенія къ поддержанію порядка въ ассоціаціи, созданной индивидами. Еще разъ допустимъ ту невоз-

можную гипотезу, что члены общины, во избѣжаніе бѣдствій, причиняемыхъ постоянно повторяющимися столкновеніями, заключаютъ между собой «договоръ или соглашеніе», по которому всѣ они отказываются отъ своей первобытной свободы дѣйствій; допустимъ даже, что ихъ потомки навсегда связаны договоромъ, заключеннымъ ихъ отдаленными предками. Не будемъ, говорю я, возражать на эти данныя, перейдемъ прямо къ тѣмъ заключеніямъ, которыя выводитъ изъ нихъ Гоббсъ. Онъ говоритъ такъ:

«Тамъ, гдѣ не существуетъ никакого договора, не была вручена извѣстная часть общихъ правъ, и каждый человѣкъ имѣетъ право на все; слѣдовательно никакое дѣйствіе не можетъ быть несправедливымъ. Но тамъ, гдѣ есть договоръ, нарушить его *несправедливо* и *несправедливость* есть ничто иное, какъ *неисполненіе договора*... Поэтому, прежде чѣмъ какому-либо поступку можетъ быть дано названіе справедливаго или несправедливаго, необходимо существованіе принудительной власти, которая силой заставляетъ всѣхъ людей одинаково исполнять ихъ договоръ, ради страха передъ наказаніемъ, болѣе ощутительнымъ, чѣмъ та выгода, которую они надѣются извлечь изъ нарушенія договора».

Люди во времена Гоббса были, можетъ быть, дѣйствительно настолько развращены, чтобы оправдывать его предположеніе, будто ни одинъ изъ нихъ не исполнилъ бы договора, которымъ онъ связалъ себя, если бы не было принудительной власти и страха передъ наказаніемъ! Въ наши дни можно «примѣнять эпитеты справедливый и несправедливый» даже и тогда, когда никакого принудительнаго права не признается.

Между моими друзьями я могъ бы назвать съ полдюжины такихъ, которые,— я въ этомъ убѣжденъ—были бы вѣрны своему обѣщанію и безъ того, чтобы имъ необходимо было угрожать наказаніемъ, и для которыхъ обязательства имѣли бы одинаковую силу, какъ при отсутствіи принудительной власти, такъ и при ея наличности. Однако, не останавливаясь на замѣчаніи, что эта ничѣмъ не доказываемая гипотеза ослабляетъ аргументъ Гоббса въ пользу государственной власти и признавая одновременно и его предпосылки и его заключенія, мы должны остановить вниманіе чина двухъ важныхъ выводахъ. Одинъ изъ нихъ—тотъ, что власть государства, покоящаяся на такомъ основаніи, есть только средство къ достиженію извѣстной цѣли и законна лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда служитъ для приближенія къ этой цѣли: если же цѣль не достигается, то и власть, на основаніи допущенной гипотезы не существуетъ. Другое заключеніе—то, что цѣль, ради которой получившая такое значеніе власть существуетъ, состоитъ въ томъ, чтобы возложить на обязанность правосудія поддерживать справедливость въ сношеніяхъ между гражданами. Логически разсуждая, никакое принужденіе по отношенію къ гражданамъ не можетъ быть справедливымъ, если оно не необходимо или для предупрежденія прямыхъ и косвенныхъ покушеній, направленныхъ къ нарушеніи договора, или же для организаціи защиты противъ внѣшнихъ враговъ. Здѣсь мы имѣемъ, во всей полнотѣ ихъ функціи верховной властью такими, какими онѣ вытекаютъ изъ теоріи Гоббса.

Гоббсъ строилъ свои доводы въ интересахъ абсолютной монархіи. Его нынѣшній поклонникъ, Остинъ, поставилъ себѣ цѣлью вывести авторитетъ закона изъ неограниченной верховной власти одного человѣка или большей или меньшей группы людей по отношенію къ цѣлой общинѣ. Остинъ служилъ сначала въ арміи и о немъ справедливо говорили, что военная служба оставила слѣды на его «Province of Jurisprudence». Если мы, не останавливаясь передъ его приводящей въ отчаяніе педантичностью, его безконечными опредѣленіями и безпрестанными повтореніями, служащими къ тому, чтобы замаскировать сущность его доктрины, разсмотримъ,

изъ чего состоитъ эта послѣдняя, то мы ясно увидимъ, что онъ отождествляетъ гражданскую власть съ военной: онъ допускаетъ a priori, что какъ одна, такъ и другая, по отношенію къ происхожденію и распространенности сферы вліянія стоитъ внѣ всякаго спора. Чтобы обосновать силу положительнаго закона, онъ возвращаетъ насъ къ абсолютизму власти, которая предписываетъ его: къ монархіи, аристократіи или наиболѣе значительной группѣ избирателей въ демократическомъ государствѣ, и согласно съ этимъ онъ называетъ верховнымъ главой институтъ подобнаго рода, противополагая его остальной общинѣ, которая по неспособности или по какой-либо иной причинѣ, остается въ подчиненіи. Признавъ, или, скорѣе, допустивъ безъ всякаго разсужденія неограниченную власть того простого или сложнаго, широкаго или узкаго коллектива, который онъ называетъ носителемъ верховной власти, ему разумѣется ничего не стоитъ вывести отсюда цѣнность декретовъ власти, которые онъ называетъ положительнымъ закономъ. Но онъ только отдалилъ проблему, а не разрѣшилъ ее. Вопросъ состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, чтобы знать: откуда происходитъ верховная власть? Съ какой стати отдѣльное лицо или меньшинство, или большое число людей получаетъ право на такое неограниченное преобладаніе надъ остальными членами группы? Критическій умъ съ полнымъ основаніемъ могъ бы сказать: «Не трудитесь выводить положительный законъ изъ неограниченной власти; его происхожденіе достаточно очевидно: докажите сначала вашу абсолютную власть».

На этотъ вопросъ вы не получите отвѣта. Разсмотрите точку отправленія доктрины Остина и вы увидите, что она не болѣе обоснована, чѣмъ доктрина Гоббса. Если мы не допустимъ божественнаго происхожденія или посланничества, никакое правительство съ одной-ли, со многими-ли главами, не можетъ доказать основательности своихъ притязаній на абсолютную власть.

«Но позвольте, слышу я со всѣхъ сторонъ, существуетъ неоспоримое право большинства, дающее неоспоримыя права избираемому имъ парламенту».

Здѣсь мы дошли до самой сути вопроса. Божественное право парламентовъ означаетъ божественное право большинства. Основной мыслью и для разсужденія законодателей, и для народа служитъ убѣжденіе, что большинство имѣетъ неограниченныя права. Такова теорія, принятая всѣми безъ доказательствъ, какъ истина, очевидная сама по себѣ. Тѣмъ не менѣе критика, какъ я думаю, покажетъ, что это общепринятое мнѣніе должно подвергнуться радикальному измѣненію.

Въ статьѣ: «Объ основахъ администраціи желѣзныхъ дорогъ», напечатанной въ «Review of Edimbourg» въ окт. 1854 г., я имѣлъ случай говорить о полномочіяхъ большинства, приводя въ примѣръ образъ дѣйствій акціонерныхъ кампаній и не могу лучше расчистить дорогу для полученныхъ мною выводовъ, какъ приводя слѣдующее извлеченіе изъ этой статьи:

«При какихъ бы обстоятельствахъ или для какой бы цѣли ни работала совмѣстно извѣстная группа людей, мы допускаемъ, что если между ними возникнетъ разногласіе, справедливость требуетъ, чтобы исполнилась воля большинства, а не меньшинства, и это правило считается одинаково примѣнимымъ во всѣхъ случаяхъ, какого бы свойства ни былъ спорный вопросъ. Это убѣжденіе до того укоренилось и въ принципъ, изъ котораго оно вытекаетъ, до такой степени мало вдумывались, что сомнѣніе въ основательности его удивитъ многихъ. А между тѣмъ краткое разсмотрѣніе вопроса убѣждаетъ насъ въ томъ, что это мнѣніе есть ничто иное, какъ политическій предразсудокъ. Мы легко найдемъ примѣры, доказывающіе доведеніемъ до абсурда, что право большинства есть право чисто условное и

примѣнимое лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ. Предположимъ, на общемъ собраніи какого-нибудь филантропическаго общества принято рѣшеніе, что ассоціація не только будетъ облегчать участь бѣдныхъ, но будетъ еще кромѣ того, путемъ проповѣдей, бороться съ папизмомъ въ Англіи. Могутъ-ли пожертвованія католиковъ, участвующихъ въ ассоціаціи въ видахъ благотворительности, быть на законномъ основаніи использованы для этой цѣли? Предположимъ далѣе, что въ комитетѣ для устройства публичной библіотеки большинство членовъ, придя къ убѣжденію, что при существующихъ обстоятельствахъ стрѣльба въ цѣль имѣетъ болѣе значенія, нежели чтеніе книгъ, рѣшитъ измѣнить цѣль ассоціаціи и употребить имѣющіяся въ его распоряженіи суммы на покупку пороха, пуль и мишеней,—должны ли будутъ прочіе члены подчиниться этому рѣшенію? Предположимъ еще, что подъ вліяніемъ полученныхъ изъ Австраліи извѣстій, большинство въ обществѣ свободныхъ арендаторовъ рѣшится не только въ полномъ составѣ отправиться эксплуатировать золотые пріиски, но и употребитъ капиталы общества на снаряженіе корабля. Можетъ-ли считаться такой захватъ собственности справедливымъ по отношенію къ меньшинству? и обязано ли меньшинство присоединиться къ экспедиціи? Врядъ-ли кто рискнетъ отвѣтить утвердительно на первый изъ этихъ вопросовъ, а тѣмъ болѣе на другіе. И это понятно, ибо всякій человѣкъ долженъ признать такое положеніе: лицо по одному тому, что оно присоединилось къ другимъ, не можетъ, безъ нарушенія справедливости, быть вовлечено въ дѣйствія, совершенно постороннія той цѣли, которую оно имѣло въ виду, вступая въ ассоціацію. Каждое меньшинство въ вышеупомянутомъ случаѣ могло бы совершенно справедливо отвѣтить тѣмъ, которые хотятъ оказать на него давленіе: «Мы соединились съ вами въ виду опредѣленной цѣли; мы отдали наши деньги и наше время для достиженія этой цѣли; во всѣхъ относящихся къ ней вопросахъ мы согласились сообразоваться съ волей большинства, но по другимъ вопросамъ мы на это не давали согласія. Если вы склоните насъ примкнуть къ вамъ съ опредѣленной цѣлью, а потомъ задумаете преслѣдовать другую цѣль, о которой мы не были предупреждены, то вы добиваетесь нашей поддержкой подъ ложными предлогами; вы нарушаете выраженное или молчаливое соглашеніе между нами, и съ этого момента мы болѣе не связаны вашими рѣшеніями». Вотъ, очевидно, единственно раціональное толкованіе вопроса. Общій принципъ, на которомъ покоится справедливое управленіе дѣлами всякой ассоціаціи, заключается въ томъ, чтобы члены его обязались одни передъ другими, каждый за себя, подчиняться волѣ большинства во всѣхъ дѣлахъ, относящихся къ осуществленію той цѣли, въ виду которой они вступили въ сообщество, но не другихъ какихъ-либо цѣлей. Только въ этихъ предѣлахъ соглашеніе и имѣетъ силу. И дѣйствительно, такъ какъ самый характеръ соглашенія обусловливаетъ, что заключающіе его знаютъ напередъ свои обязательства, и такъ какъ тѣ, кто соединяются съ другими для опредѣленныхъ цѣлей, не могутъ предвидѣть всѣхъ не опредѣленныхъ цѣлей, которыя ассоціаціи вздумалось бы преслѣдовать, то изъ этого и вытекаетъ, что подписываемое соглашеніе не можетъ распространяться на эти, не обозначенныя заранѣе, цѣли. А въ томъ случаѣ, когда подробно опредѣленныхъ соглашеній между ассоціацией и ея членами относительно этихъ необозначенныхъ цѣлей не существуетъ, то большинство, которое принудило бы меньшинство служить достиженію этихъ цѣлей, сдѣлалось бы виновнымъ въ самой возмутительной тираніи.

Понятно, что если такое смѣшеніе понятій относительно правъ большинства существуетъ тамъ, гдѣ контрактъ ассоціаціи само собой ограничиваетъ эту власть, то оно должно быть еще сильнѣе тамъ, гдѣ такого

контракта не было заключено. Тѣмъ не менѣе принципъ остается неизмѣннымъ. Я настаиваю на томъ положеніи, что члены ассоціаціи обязываются *лично за себя подчиняться волѣ большинства во всѣхъ дѣлахъ, касающихся выполненія цѣлей, ради которыхъ они вступили въ сообщество, но не въ виду какихъ-либо иныхъ цѣлей.* И я утверждаю, что это положеніе примѣнимо къ цѣлой націи такъ же, какъ и къ какому-либо частному обществу.

Я предвижу еще одно возраженіе: «Такъ какъ не существуетъ никакого контракта, въ силу котораго люди соединились въ націю, какъ это имѣетъ мѣсто въ ассоціаціи, такъ какъ цѣль этого соединенія никогда не была и не могла быть опредѣлена, то никакихъ ограниченій не могло быть предусмотрѣно, и, слѣдовательно, власть большинства неограниченна».

Разумѣется, мы должны признать, что соціальный контрактъ, какъ въ формѣ, принятой Гоббсомъ, такъ и въ формѣ измышленной Руссо, совершенно лишенъ основанія. Болѣе того: мы должны признать, что даже, если бы такой контрактъ и былъ заключенъ, онъ не могъ бы связывать потомковъ тѣхъ, которые его заключили. Кромѣ того, если кто-нибудь скажетъ, что за отсутствіемъ этихъ ограниченій власти, обусловливаемыхъ актомъ ассоціаціи, ничто не мѣшаетъ большинству силой навязывать свою волю меньшинству, то съ этимъ приходится согласиться, прибавивъ, однако, что если большая сила большинства служитъ ему оправданіемъ, то сила деспота, опирающаяся на достаточно грозную армію, также имѣетъ свое оправданіе. Но мы отдаляемся отъ нашей проблемы. Мы ищемъ здѣсь какого-нибудь болѣе серьезнаго оправданія подчиненію меньшинства большинству, нежели безсиліе послѣдняго передъ матеріальнымъ принужденіемъ. Самъ Остинъ, стремясь установить неоспоримый авторитетъ положительнаго закона и утверждая, что этотъ авторитетъ вытекаетъ изъ абсолютнаго монархическаго, аристократическаго, конституціоннаго или народнаго верховенства, принужденъ въ концѣ концовъ допустить моральный предѣлъ для дѣйствій этой верховной власти по отношенію къ общинѣ. Строго держась своей теоріи, онъ настаиваетъ на томъ, что верховное собраніе, вышедшее изъ нѣдръ народа, обладаетъ «*законной* свободой ограничивать политическую свободу народа по своей волѣ и по своему произволу»; онъ соглашается, что *позитивная мораль* можетъ помѣшать правительству искажать политическую свободу, которую оно предоставляетъ или которую даруетъ своимъ подданнымъ». Слѣдовательно, надо найдти не матеріальное, а моральное оправданіе мнимо законному всемогуществу большинства.

На это мнѣ конечно возразятъ слѣдующее: «Само собою разумѣется, что за отсутствіемъ всякаго соглашенія и связанныхъ съ нимъ ограниченій, власть большинства ничѣмъ не ограничена, такъ какъ справедливость требуетъ, чтобы исполнялась воля большинства, а не меньшинства». Это возраженіе кажется весьма разумнымъ, пока его не опровергнутъ. Мы можемъ отвѣтить однако не менѣе основательнымъ аргументомъ, что за отсутствіемъ соглашенія преобладанія большинства вовсе не существуетъ. Источникомъ правъ и обязанностей большинства и меньшинства является совмѣстная дѣятельность, если же нѣтъ соглашенія для совмѣстной дѣятельности, то нѣтъ ни правъ, ни обязанностей.

Здѣсь аргументація какъ будто останавливается на мертвой точкѣ. При настоящемъ положеніи вещей нельзя ни господству большинства, ни ограниченію этого господства приписать какое либо моральное основаніе. Но съ небольшимъ усиліемъ мысли, мы можемъ выйти изъ этого затрудненія. Устранивъ мысль о соглашеніи на совмѣстное дѣйствіе, о какомъ было говорено выше, мы спросимъ: какое соглашеніе соединило бы теперь

фактически гражданъ воедино. На это мы получимъ достаточно ясный отвѣтъ и вмѣстѣ съ тѣмъ достаточное оправданіе для преобладанія большинства въ извѣстной сферѣ, но не внѣ этой сферы. Отмѣтимъ прежде всего тѣ изъ этихъ ограниченій, которыя напрашиваются тотчасъ же.

Спросите всѣхъ англичанъ, желаютъ ли они согласиться на совмѣстныя дѣйствія, чтобы ввести религіозное обученіе или дать большинству право устанавливать вѣрованія и форму культа,—большая часть отвѣтитъ энергично: *нѣтъ*. Если бы по поводу предложенія воскресить законы противъ роскоши, учредили анкету относительно согласія подчиниться волѣ большинства при выборѣ покроя и качества матеріала одежды, почти всѣ отвѣтили бы отрицательно. Точно такъ же (возьмемъ вопросъ изъ современной жизни) пусть спросятъ всѣхъ англичанъ — подчинятся ли они рѣшенію большинства по отношенію того, что имъ слѣдуетъ пить, конечно половина и даже болѣе половины скажутъ: *нѣтъ*. Какъ бы ни было широко желаніе вступить въ сотрудничество для того, чтобы выполнить или урегулировать подобныя дѣйствія, это желаніе было бы далеко не единодушнымъ. Поэтому очевидно, что если бы мы сами должны были затѣять соціальную кооперацію и ясно опредѣлить свою цѣль, прежде чѣмъ добиться согласія на совмѣстную дѣятельность, нашлось бы не мало такихъ областей человѣческой дѣятельности, въ которыхъ не согласились бы на кооперацію, а слѣдовательно по отношенію къ нимъ не могло бы имѣть мѣсто законное преобладаніе большинства надъ меньшинствомъ.

Перейдемъ теперь къ противоположному вопросу: для какой цѣли всѣ согласились бы дѣйствовать совмѣстно? Никто не станетъ отрицать, что для цѣлей защиты отъ чужеземнаго вторженія согласіе на кооперацію было бы фактически единодушнымъ. За исключеніемъ квакеровъ, которые, принесли въ свое время большую пользу, а теперь начинаютъ исчезать, всѣ соединились бы для оборонительной (но не для наступательной) войны, и всѣ тѣмъ самымъ обязались бы подчиниться волѣ большинства по отношенію къ мѣрамъ которыя слѣдовало бы принять для достиженія этой цѣли. Столь же фактически это единодушіе проявилось бы и въ соглашеніи на совмѣстное дѣйствіе для защиты отъ внутреннихъ враговъ. За исключеніемъ преступниковъ каждый долженъ желать, чтобы его личность и собственность были защищаемы. Кратко говоря, каждый гражданинъ желаетъ охранять свою жизнь, охранять вещи, которыя нужны ему, чтобы жить и наслаждаться жизнью, и сохранять неприкосновенной свою свободу пользоваться этими вещами и пріобрѣтать подобныя вещи. Очевидно, что онъ не можетъ дѣлать этого, если будетъ дѣйствовать изолированно. Противъ внѣшняго вторженія онъ безсиленъ, если не соединится съ согражданами, защищать себя противъ покушеній внутреннихъ враговъ, не вступая въ подобный союзъ, было бы и трудно, и опасно, и безплодно. Есть еще одна область совмѣстнаго дѣйствія, въ которой также всѣ заинтересованы: это извлеченіе пользы изъ занимаемой территоріи. Если бы теперь, какъ и въ первобытныя времена, существовалъ общій контроль надъ пользованіемъ землей отдѣльными лицами или группами, то рѣшенія большинства были бы законно преобладающими при опредѣленіи условій, на которыхъ земельные участки служили бы для продовольствія, или средствъ сообщенія или же для другихъ какихъ-либо цѣлей. Даже теперь, когда вопросъ осложнился, благодаря развитію частной собственности, государство остается все-таки главнымъ собственникомъ (въ глазахъ закона каждый землевладѣлецъ есть арендаторъ казны), имѣющимъ право взять обратно или экспропріировать, уплачивая соотвѣтствующую цѣну. Изъ этого можно заключить, что воля большинства преобладаетъ по отношенію къ способамъ и условіямъ, при которыхъ можно использовать почву такъ или иначе, а отсюда выте-

каетъ основа для соглашеній въ интересахъ публики съ частными лицами или компаніями.

Нѣтъ надобности приводить здѣсь подробности или обсуждать предѣлы, отдѣляющіе различныя категоріи, или говорить, что входитъ въ одну изъ нихъ и что исключается изъ другой. Для поставленной нами цѣли, достаточно будетъ признать ту неоспоримую истину, что существуетъ безчисленное множество такихъ дѣйствій, которыя люди, если бы спросили ихъ мнѣнія, далеко не всѣ согласились бы выполнить, даже если бы такова была воля большинства; и, наоборотъ, есть такія дѣйствія, на выполненіе которыхъ всѣ согласились бы почти единодушно. Эта истина служитъ въ нашихъ глазахъ опредѣленнымъ основаніемъ, чтобы навязывать волю большинства въ извѣстныхъ границахъ, и опредѣленнымъ основаніемъ, чтобы не признавать авторитета этой воли внѣ извѣстныхъ предѣловъ.

При тщательномъ разсмотрѣніи вопроса, послѣдній, очевидно сводится къ слѣдующему: Каковы взаимныя права группы и ея членовъ? Стоятъ ли права общины во всѣхъ случаяхъ выше правъ индивида? Или обладаетъ ли индивидъ во всѣхъ случаяхъ правами, стоящими выше правъ общины? Отъ рѣшенія этихъ вопросовъ зависитъ все построеніе политическихъ мнѣній, въ особенности тѣхъ, которыя относятся къ области управленія въ тѣсномъ смыслѣ слова. Я имѣю намѣреніе воскресить замолкнувшія разногласія, надѣясь придти къ иному заключенію, чѣмъ общепринятое.

Въ своемъ сочиненіи: «The State in Relation to Labor» («Объ отношеніяхъ государства къ труду») проф. Джевонсъ говоритъ: «прежде всего мы должны выкинуть изъ головы мысль, что въ сферѣ вопросовъ соціальныхъ существуетъ что-либо похожее на отвлеченныя права». Въ своей статьѣ «О литературной собственности» Матью Арнольдъ выражаетъ такое же мнѣніе. Онъ говоритъ: «Авторъ не имѣетъ никакого естественнаго права собственности на свои сочиненія». Слѣдовательно, онъ не имѣетъ никакого естественнаго права на все, что онъ можетъ произвести или пріобрѣсти. Напримѣръ, я не такъ еще давно читалъ въ одномъ весьма распространенномъ еженедѣльникѣ: «Доказывать еще разъ, что не существуетъ ничего подобнаго естественному праву, значило бы непроизводительно тратить свое время и свое знаніе». И мнѣніе, выраженное въ этихъ цитатахъ высказывается обыкновенно государственными дѣятелями и юристами такимъ тономъ, который заставляетъ думать, что не раздѣлять его можетъ только толпа, не привыкшая мыслить.

Можетъ быть, этого не слѣдовало бы заявлять въ такомъ догматическомъ тонѣ, такъ какъ извѣстно, что цѣлая школа юристовъ на континентѣ держится мнѣнія діаметрально противоположнаго мнѣнію англійской школы. Идея естественнаго права (Natur-Recht) составляетъ основной принципъ нѣмецкой юриспруденціи, а какъ бы ни думали о нѣмецкой философіи, нельзя сказать, чтобы она не проникала въ вопросы до самой глубины. Доктрину, принятую націей отличающейся между всѣми своимъ пытливымъ умомъ, націей которую, конечно, невозможно причислить къ поверхностнымъ мыслителямъ, нельзя отбрасывать, какъ какое-нибудь народное повѣрье. Но это говоримъ лишь къ слову. Съ предложеніемъ, которое отрицается въ вышеприведенныхъ цитатахъ связано утвержденіе противоположнаго предложенія. Каково же оно, если мы разсмотримъ его поближе и выяснимъ, на чемъ оно основано?

Возвратимся къ Бентаму и мы найдемъ у него яркую формулировку этого контръ-предложенія. Бентамъ говоритъ, что правительство выполняетъ свою роль, «создавая права, которыя оно даруетъ индивидамъ: права безопасности для лицъ, права защиты для ихъ чести, права собствен-

ности и т. д.» Если бы эта доктрина выводилась изъ божественнаго права королей, она не содержала бы въ себѣ ничего явно противнаго логикѣ. Если бы она пришла къ намъ изъ древняго Перу, гдѣ Инка считался «источникомъ, изъ котораго истекаетъ все», или изъ Шоа (Абиссинія), гдѣ царь есть «неограниченный властитель людей и всѣхъ земныхъ благъ», или изъ Дагомеи, гдѣ «всѣ люди—рабы царя», она была бы логична. Но Бентамъ не только не былъ такимъ абсолютистомъ, какъ Габбсъ, но еще защищалъ народное правительство. Въ своемъ «Конституціонномъ кадексѣ» онъ предоставляетъ верховную власть цѣлому народу и говоритъ: лучше «отдать верховную власть большей части тѣхъ, которыхъ хотятъ главнымъ образомъ сдѣлать счастливыми», потому что «такое соотношеніе болѣе, чѣмъ всякое другое соотвѣтствуетъ достиженію этой цѣли».

Посмотримъ теперь, что будетъ если мы поставимъ рядомъ эти двѣ доктрины. Верховный властитель—народъ назначаетъ представителей и создаетъ такимъ образомъ правительство, которое въ свою очередь создаетъ права; затѣмъ, создавъ права, оно распредѣляетъ ихъ отдѣльно каждому изъ членовъ державнаго народа, которымъ оно само было создано. Какой удивительный политическій фокусъ! Матью Арнольдъ, утверждая въ вышеназванной статьѣ, что «собственность есть созданіе закона», предостерегаетъ насъ отъ «метафизическаго призрака собственности въ самой себѣ». Дѣйствительно, изъ всѣхъ метафизическихъ призраковъ болѣе всего походитъ на тѣнь тотъ, который предполагаетъ, что вещь получается вслѣдствіе творческой дѣятельности извѣстнаго лица, создающаго эту вещь и вручающаго ее затѣмъ своему собственному создателю.

Съ какой бы точки зрѣнія мы ни взглянули на предложеніе Бентама, оно остается непонятнымъ. Правительство, говоритъ онъ, выполняетъ свою обязанность, «создавая права». Слово «создавать» можно понимать двояко: оно можетъ означать: творить что-нибудь изъ ничего, или же давать форму чему-нибудь, что уже существуетъ. Многіе люди думаютъ, что сотвореніе чего-нибудь изъ ничего нельзя представить себѣ возможнымъ даже для всемогущества и я думаю, что никто не будетъ утверждать, будто человѣческое правительство можетъ создать что-нибудь изъ ничего. Другая альтернатива—та, что человѣческое правительство создаетъ лишь во второмъ указанномъ смыслѣ: оно даетъ форму чему-нибудь уже существовавшему раньше. Въ послѣднемъ случаѣ возникаетъ слѣдующій вопросъ: «Какова эта уже прежде существовавшая вещь, которой оно даетъ форму?» Очевидно, что весь вопросъ сосредоточивается на словѣ «создавать», которое обманываетъ читателя. Бентамъ былъ очень щепетиленъ по отношенію къ точности выраженій и въ его «Книгѣ объ ошибкахъ» (Booc of Fallaces») есть глава, относящаяся къ «ложнымъ терминамъ». Удивительно послѣ этого, что онъ самъ могъ доставить такой поразительный примѣръ превратности понятій, получающейся отъ ложнаго термина.

Но оставимъ въ сторонѣ всѣ эти непонятныя предложенія и поищемъ наиболѣе обоснованнаго толкованія мнѣнія Бентама.

Можно сказать, что всѣ полномочія и права существовали первоначально въ состояніи нераздѣльнаго цѣлаго у верховнаго властелина—народа и что это нераздѣльное цѣлое отдано, какъ говорилъ Остинъ, въ руки правительства, назначеннаго верховнымъ властелиномъ—народомъ для того, чтобы оно произвело раздачу или распредѣленіе этихъ полномочій и правъ. Если, какъ мы видѣли, предложеніе, что права создаются, есть только фигуральное выраженіе, то непонятный смыслъ мнѣнія Бентама заключается въ слѣдующемъ: совокупность индивидовъ, которые, какъ отдѣльныя личности хотятъ удовлетворить свои желанія и которые, какъ цѣлое, обладаютъ всѣми источниками удовлетворенія, а также властью надъ всѣми

дѣйствіями индивидовъ, избираетъ правительство, и это правительство объявляетъ, какимъ образомъ и при какихъ условіяхъ личная дѣятельность можетъ имѣть мѣсто и достигать желаемыхъ результатовъ. Посмотримъ, что подъ этимъ подразумѣвается. Каждый человѣкъ мыслится подъ двумя видами: какъ частный человѣкъ, онъ подчиненъ правительству; какъ членъ общества, онъ членъ державнаго народа, избирающаго правительство. Это значитъ, что, какъ частный человѣкъ, онъ принадлежитъ къ тѣмъ, которымъ даютъ права, а какъ членъ общества, онъ одинъ изъ тѣхъ, которые черезъ посредство избраннаго ими правительства, даютъ права. Перейдемъ отъ абстрактнаго къ конкретному и посмотримъ, что означаетъ это опредѣленіе. Предположимъ, что община состоитъ изъ милліона людей, которые, согласно нашей гипотезѣ, являются не только совладѣльцами населяемой ими страны, но также и совладѣльцами всѣхъ свободъ дѣйствовать и владѣть, такъ какъ единственное признанное право есть всеобъемлющее право общины. Что изъ этого слѣдуетъ? Каждый индивидъ, не обладая никакимъ продуктомъ собственнаго труда, обладаетъ, какъ единица надѣленной верховной властью общины, одной милліонной частью права собственности на продукты труда всѣхъ остальныхъ. Это есть неизбѣжный выводъ. Такъ какъ, по мнѣнію Бентама, правительство есть только агентъ, то даруемыя имъ права суть права, довѣренныя ему державнымъ народомъ прежде,чѣмъ правительство, во исполненіе своей должности, раздастъ ихъ индивидамъ; если же это такъ, то каждый индивидъ обладаетъ одной милліонной частью этихъ правъ въ качествѣ члена общества, тогда какъ онъ, въ качествѣ частнаго человѣка, никакими правами не обладаетъ. Послѣднія онъ пріобрѣтаетъ лишь тогда, когда всѣ прочіе члены милліона соединяются для того, чтобы даровать ему ихъ, тогда какъ онъ самъ соединяется съ ними, чтобы облечь этими правами каждаго изъ прочихъ членовъ милліона.

Такимъ образомъ, какъ бы мы ни толковали предложеніе Бентама, мы постоянно попадаемъ въ цѣлую сѣть нелѣпостей.

Даже не зная противоположнаго мнѣнія нѣмецкихъ юристовъ, даже безъ всякаго анализа, показывающаго, что ихъ мнѣніе не выдерживаетъ критики, послѣдователи Бентама могли бы менѣе легкомысленно относится къ доктринѣ естественнаго права. Различныя группы соціальныхъ явленій съ одинаковой силой доказываютъ обоснованность этого ученія, тогда какъ аргументы, которыми возражаютъ на него, обоснованы очень плохо.

Нѣкоторыя племена въ различныхъ частяхъ свѣта даютъ намъ картину того, какъ до возникновенія опредѣленнаго правительства жизнь регулируется обычаями. Бечуаны повинуются «съ давнихъ поръ существующимъ обычаямъ». Между готтентотами Коранна скорѣе «терпятъ» своего вождя, чѣмъ повинуются ему, и «когда древніе обычаи тому не противорѣчатъ, каждый человѣкъ дѣйствуетъ такъ, какъ ему кажется справедливымъ на его собственный взглядъ». Араукане не руководствуются «ничѣмъ, кромѣ первобытныхъ обычаевъ или молчаливаго соглашенія». У киргизовъ сужденія старѣйшинъ основываются на «всеобще-признанныхъ обычаяхъ». О даякахъ Брукъ говоритъ, что «обычай повидимому обратился въ законъ, и нарушеніе обычая влечетъ за собой штрафъ». Вообще существующіе съ незапамятныхъ временъ обычаи такъ священны для первобытнаго человѣка, что ему и въ голову не приходитъ сомнѣваться въ ихъ справедливости, и когда устанавливается правительство, то власть его ограничивается ими. На Мадаскарѣ слово короля имѣетъ силу только въ томъ случаѣ, «когда нѣтъ ни закона, ни обычая, ни прецедента». Рифль говоритъ, что на Явѣ «обычаи страны ограничиваютъ волю вождей». На Су-

матрѣ также «вождямъ не позволяютъ измѣнять древніе обычаи». Иногда даже—какъ напримѣръ у ашанти «попытка измѣнить нѣкоторые обычаи» повлекла за собой свერженіе царя съ престола. Между тѣми обычаями, которые существовали до появленія правительства и которымъ это правительство должно подчиняться, мы находимъ обычаи, признающіе нѣкоторыя личныя права, права поступать извѣстнымъ образомъ и владѣть извѣстными предметами. Даже тамъ, гдѣ право собственности менѣе признается, мы находимъ право собственности на оружіе, орудія, личныя украшенія и обычно это право распространяется на многіе другіе предметы. У индѣйцевъ Сѣверной Америки, какъ напримѣръ у племени змѣй, не имѣющихъ правительства, существуетъ частная собственность на лошадей. У чипавеевъ, «не имѣющихъ организованнаго правительства» дичь, попадающая въ частныя сѣти, «считается частной собственностью». Подобные же факты по отношенію къ хижинамъ, орудіямъ и другой личной собственности встрѣчаются у ахтовъ, команчей, эскимосовъ и бразильскихъ индѣйцевъ. Между различными нецивилизованными народами обычай установилъ право на сборъ продуктовъ, выросшихъ на вновь расчищенномъ участкѣ, но не на самую почву; а тоды, не имѣющіе никакой политической организаціи, дѣлаютъ подобное же различіе между собственностью на скотъ и на почву. Кольфъ и многіе другіе говорятъ о миролюбивыхъ арафурахъ, что «они признаютъ право собственности въ самомъ широкомъ значеніи слова, не имѣя у себя иного источника права, кромѣ рѣшеній, постановляемыхъ старшинами, сообразно съ обычаями предковъ». Но даже не ища доказательствъ между не цивилизованными племенами, на первыхъ ступеняхъ цивилизаціи мы находимъ ихъ въ достаточномъ количествѣ. Бентамъ и его послѣдователи повидимому забыли, что наши законы суть ничто иное, какъ сліяніе воедино «всѣхъ обычаевъ королевства». Эти законы лишь дали окончательную форму тому, что уже существовало до нихъ. Такимъ образомъ фактъ и теорія совершенно противоположны другъ другу. Дѣло въ томъ, что собственность была признана раньше возникновенія закона; теорія же учитъ, что «собственность есть созданіе закона».

Соображенія иного рода заставили бы поколебаться учениковъ Бентама, если бы они только достаточно взвѣсили ихъ значеніе. Если бы правда было, какъ говоритъ Бентамъ, что правительство выполняетъ свою обязанность, «создавая права, которыя оно даруетъ индивидамъ», то это значило бы, что не можетъ быть даже приблизительнаго однообразія въ правахъ, даруемыхъ различными правительствами. При отсутствіи основательной причины, управляющей ихъ рѣшеніями, можно было бы держать пари на сто противъ одного, что рѣшенія эти не были бы одинаковыми. И однако — между этими рѣшеніями существуетъ большое сходство. Съ какой бы стороны мы ни взглянули, мы находимъ, что правительства запрещаютъ одинаковые роды насилій и, соотвѣтственно этому, признаютъ одинаковыя права. Они обыкновенно запрещаютъ человѣкоубійство, воровство, нарушеніе брачной вѣрности; этимъ они заявляютъ, что граждане могутъ быть защищены отъ извѣстныхъ родовъ насилія. И по мѣрѣ того, какъ общество прогрессируетъ, покровительство распространяется на менѣе важныя личныя права: являются возмѣщенія и вознагражденія за нарушенія контрактовъ, за клевету, за лжесвидѣтельство и т. д. Однимъ словомъ, сравненіе учитъ насъ, что кодексы законовъ, если и становятся различными въ деталяхъ по мѣрѣ своего развитія, всегда согласуются въ своихъ основныхъ пунктахъ. Что же это доказываетъ? Такое согласованіе не можетъ быть случайнымъ. Если оно существуетъ, то лишь вслѣдствіе того, что, такъ называемое, созданіе правъ заключалось единственно въ санкціонированіи и формулированіи ихъ въ болѣе точномъ опредѣленіи тѣхъ тре-

бованій и тѣхъ положеній права, которыя естественно вытекаютъ изъ индивидуальныхъ желаній людей, живущихъ обществомъ.

Сравнительная соціологія бросаетъ свѣтъ на другую группу фактовъ, изъ которыхъ можно сдѣлать тотъ же выводъ. Вмѣстѣ съ соціальнымъ прогрессомъ увеличивается для государства задача не только санкціонировать формулируемыя имъ права индивидовъ, но и защищать ихъ отъ всякихъ посягательствъ. Прежде чѣмъ постоянное правительство установится, и во многихъ случаяхъ послѣ того, какъ оно получило значительное развитіе, права каждаго индивида опредѣляются и защищаются имъ самимъ и его семьей. У нынѣшнихъ дикарей такъ же, какъ и у прежнихъ цивилизованныхъ народовъ и даже и теперь въ некультурныхъ странахъ Европы, наказаніе за убійство есть частное дѣло и «священное право требовать кровь за кровь предоставляется извѣстному члену семейной группы». Точно такъ же требуется произвольно каждымъ индивидомъ или его семьей удовлетвореніе за нападенія на собственность и за другого рода обиды. Но по мѣрѣ того, какъ улучшается соціальная организація, центральная власть все болѣе и болѣе беретъ на себя обязанность обезпечивать личную безопасность индивидовъ, охрану ихъ имуществъ и до извѣстной степени основательность ихъ требованій, установленныхъ контрактомъ.

Исключительно занятое вначалѣ защитой общества, какъ цѣлаго, противъ другихъ обществъ или организаціей своихъ нападеній на другія общества, правительство мало-по-малу принимало на себя обязанность защищать индивидовъ другъ отъ друга. Стоитъ лишь вспомнить то время, когда ношеніе оружія было общераспространеннымъ обычаемъ, стоитъ представить себѣ увеличеніе безопасности лицъ и имуществъ, которой мы пользуемся теперь, благодаря улучшенію полиціи, или замѣтить сравнительную легкость, съ которой удается добиться уплаты по небольшимъ долгамъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что государство обезпечиваетъ каждому индивиду свободное преслѣдованіе жизненныхъ цѣлей въ тѣхъ предѣлахъ, которые ставитъ преслѣдованіе подобныхъ же цѣлей другими лицами. Иначе говоря, рука объ руку съ соціальнымъ прогрессомъ идетъ также не только болѣе широкое признаніе того, что мы называемъ естественнымъ правомъ, но и болѣе дѣйствительное его обезпеченіе правительствомъ: послѣднее все болѣе и болѣе становится обязаннымъ заботиться объ осуществленіи этихъ первичныхъ условій индивидуальнаго благосостоянія.

Въ это же время происходила другая, еще болѣе значительная перемѣна. Въ первыя времена, когда государство не вмѣшивалось въ защиту индивида противъ насилія, оно само совершало насилія всякаго рода. Древнія общества, усовершенствовавшіяся настолько, чтобы оставить по себѣ воспоминаніе, имѣли всѣ завоевательный характеръ, всюду носятъ на себѣ печать военнаго режима. Какъ для того, чтобы успѣшно организовать борющуюся армію, солдаты должны пассивно повиноваться и не брать на себя иниціативы иначе, какъ съ разрѣшенія своихъ начальниковъ, точно такъ же для того, чтобы успѣшно организовать военное общество, граждане должны подчинять свою личную волю. Частныя права стушевываются передъ общественными, и личность теряетъ большую часть своей свободы дѣйствій. Однимъ изъ результатовъ является то, что военная дисциплина овладѣваетъ обществомъ, такъ же какъ и арміей и ведетъ за собой подробную регламентацію поведенія. Предписанія начальника, считающіяся священными, такъ какъ исходятъ якобы отъ божества, его предка, не встрѣчаютъ никакого ограниченія въ понятіи личной свободы и регулируютъ человѣческія дѣйствія въ мельчайшихъ подробностяхъ: въ

пищѣ, въ способѣ приготовленія кушаній, въ стрижкѣ волосъ и бороды, въ украшеніяхъ одежды, сѣяніи хлѣба и т. д. Этотъ всеобщій надзоръ, встрѣчающійся почти у всѣхъ древнихъ націй Европы, наблюдается также въ обширныхъ размѣрахъ и въ Греціи и былъ развитъ до высочайшей степени въ самомъ воинственномъ изъ греческихъ государствъ—въ Спартѣ. Подобно этому и въ средніе вѣка во всей Европѣ, когда война была хроническимъ состояніемъ со свойственными этому состоянію политическими формами и понятіями, врядъ ли существовалъ какой-либо предѣлъ для правительственнаго вмѣшательства: земледѣліе промышленность, торговля подчинены были правиламъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ; религія и культъ были предписаны закономъ, и начальники рѣшали, кто имѣлъ право носить мѣха, употреблять серебряную посуду, печатать книги, завести голубятню и т. д. Но съ развитіемъ промышленной дѣятельности и съ замѣной режима правительственнаго принужденія режимомъ договора, съ развитіемъ соотвѣтственныхъ чувствъ произошло (до недавней реакціи, сопровождавшей возвращеніе къ военному режиму) уменьшеніе этого вмѣшательства въ индивидуальныя дѣйствія. Законодатель постепенно переставалъ предписывать правила для сбора полевыхъ продуктовъ, устанавливать соотношеніе между количествомъ скота и числомъ десятинъ земли, специализировать способы труда и матеріалы, которыми слѣдуетъ пользоваться, назначать плату за трудъ или цѣну съѣстныхъ припасовъ, вмѣшиваться въ манеру одѣваться и въ правила игры (исключая случаевъ мошенничества), назначать наказанія или давать награды, преміи за ввозъ или вывозъ разныхъ продуктовъ обязывать имѣть извѣстныя ререлигіозныя и политическія вѣрованія, препятствовать гражданамъ соединяться по желанію или путешествовать, гдѣ имъ хочется. Другими словами, по отношенію къ большей части своего образа дѣйствій право гражданина дѣйствовать безконтрольно взяло верхъ надъ стремленіемъ правительства контролировать его. Правительство, все болѣе и болѣе помогало гражданину отстранять всякое вмѣшательство въ ту частную сферу, гдѣ онъ преслѣдуетъ свои жизненныя цѣли, и наконецъ само ушло изъ этой сферы или, иначе говоря, сузило область своего вмѣшательства.

Мы еще не отмѣтили всѣхъ категорій фактовъ, иллюстрирующихъ ту же эволюцію. Улучшенія и реформы законовъ вскрываютъ ее такъ же, какъ и заявленія ихъ авторовъ. Съ XV вѣка, говоритъ профессоръ Поллакъ, одинъ судья, рѣшая вопросъ общаго права, заявилъ, что «такъ какъ въ случаяхъ, не предвидѣнныхъ писанными правилами, юрисконсульты и канонисты выдумываютъ новое правило, сообразное съ естественнымъ закономъ, который есть основа всѣхъ законовъ, то вестминстерскій судъ можетъ и хочетъ поступать такъ же». Кромѣ того наша *система морали* введенная и развитая ради пополненія пробѣловъ общаго права или ради исправленія несправедливостей, всецѣло основана на признаніи правъ индивида, существующихъ даже помимо всякой власти закона. И всѣ измѣненія, испытываемыя отъ времени до времени закономъ, послѣ нѣкотораго сопротивленія со стороны законодателей, совершаются согласно съ общераспространенными понятіями о необходимой справедливости, понятіями, которыя нетолько не вытекаютъ изъ закона, но бываютъ противоположны ему. Такъ, напримѣръ, недавно изданный законъ, дающій замужней женщинѣ право собственности на ея личныя пріобрѣтенія, очевидно произошелъ изъ сознанія, что естественная связь между затраченнымъ трудомъ и пріобрѣтенной выгодой должна быть сохранена во всякомъ случаѣ. Реформированный законъ не создалъ право, но признаніе права создало реформированный законъ.

Такимъ образомъ изъ пяти различныхъ категорій историческихъ до-

казательствъ получается убѣжденіе, что какъ бы народныя понятія о правѣ ни были смутны и по большей части непріемлемы, тѣмъ не менѣе они содержатъ нѣкоторую тѣнь истины.

Мы должны разсмотрѣть теперь, откуда произошла эта истина. Я говорилъ выше о той общеизвѣстной тайнѣ, что всѣ соціальныя явленія, если разсмотрѣть ихъ поглубже, приводятъ насъ къ законамъ жизни и что мы не можемъ понять ихъ, если мы не обратимся къ этимъ законамъ жизни. Поэтому, перенесемъ вопросъ о естественныхъ правахъ съ политической почвы въ область науки, а именно науки жизни. Пусть читатель не пугается: для насъ достаточно будетъ самыхъ простыхъ и самыхъ очевидныхъ фактовъ. Мы разсмотримъ сначала общія условія индивидуальной жизни, затѣмъ общія условія жизни соціальной. Мы найдемъ, что и тѣ, и другія ведутъ къ одному и тому же выводу.

Животная жизнь влечетъ за собой потерю силы; всякая потеря требуетъ возмѣщенія; для возмѣщенія же необходимо питаніе. Питаніе въ свою очередь предполагаетъ пріобрѣтеніе пищи; пища не можетъ быть пріобрѣтена безъ способностей захвата и, обыкновенно, передвиженія; а чтобы эти способности могли развиваться, необходима свобода движенія. Заключите млекопитающее животное въ тѣсное пространство, или свяжите ему члены, или отнимите у него пищу, которую оно добыло себѣ, вы причините ему смерть, если какой либо изъ такихъ экспериментовъ будетъ продолжительнымъ. За извѣстнымъ предѣломъ невозможность удовлетворить своимъ потребностямъ, становится пагубной. То что мы говоримъ о высшихъ животныхъ относится, конечно, и къ человѣку.

Если мы станемъ на сторону пессимистовъ и раздѣлимъ ихъ выводъ, что жизнь есть зло, которому слѣдуетъ положить конецъ, то всякая нравственная основа дѣйствій, поддерживающихъ жизнь, исчезаетъ, и весь вопросъ рушится.

Если же мы примемъ доктрину оптимизма или доктрину прогресса, если мы скажемъ, что въ общемъ жизнь приноситъ больше радостей, чѣмъ страданій или что она находится на пути къ тому, чтобы доставлять болѣе удовольствій, нежели горя, тогда дѣйствія, поддерживающія жизнь, получаютъ оправданіе и свобода выполнять ихъ имѣетъ свое разумное обоснованіе. Если мы сознаемъ цѣну жизни, то само собой разумѣется, что не слѣдуетъ мѣшать людямъ выполнять дѣйствія, необходимыя для поддержанія жизни. Другими словами: если признается *справедливымъ* не препятствовать этимъ дѣйствіямъ, то слѣдовательно признается и право совершать ихъ. «Понятіе о естественныхъ правахъ» очевидно беретъ свое начало изъ признанія той истины, что если жизнь имѣетъ свое оправданіе, то должны быть оправданія и для дѣйствій, необходимыхъ въ цѣляхъ ея сохраненія, а слѣдовательно и оправданіе свободъ и правъ, обезпечивающихъ возможность этихъ дѣйствій.

Но это предложеніе, будучи вѣрнымъ не только по отношенію къ человѣку, но и къ другимъ существамъ, не имѣетъ нравственнаго характера. Послѣдній возникаетъ лишь съ появленіемъ различія между тѣмъ, что *позволено* индивиду дѣлать, развивая деятельность, поддерживающую его жизнь и тѣмъ, что ему *не позволено*. Различіе это очевидно рождается только при наличности группы индивидовъ. Если индивиды находятся въ непосредственномъ соприкосновеніи или даже нѣсколько отдѣлены другъ отъ друга, дѣйствія одного могутъ вліять на другого и если невозможно доказать, что нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ неограниченную власть дѣлать все, что они хотятъ, тогда какъ другіе этой власти не имѣютъ, то слѣдуетъ допустить естественное ограниченіе. Понятіе права на преслѣдованіе извѣстныхъ цѣлей изъ неэтической формы перейдетъ въ этическую,

когда признано будетъ различіе между такими дѣйствіями, которыя могутъ быть выполнены, не переходя границъ нравственности, и такими, которыя не могутъ быть выполнены при этомъ условіи.

Это заключеніе, сдѣланное a priori получается также и a posteriori при изученіи дѣйствій нецивилизованныхъ народовъ. Въ наиболѣе неопредѣленной своей формѣ взаимное разграниченіе сферы дѣйствій проявляется во взаимныхъ отношеніяхъ группъ между собой, порождая соотвѣтствующія мысли и чувства. Обыкновенно въ концѣ концовъ устанавливаются извѣстныя границы территорій, на протяженіи которыхъ каждое племя находитъ то, что ему нужно для жизни, и всякій, кто переходитъ за эти границы, получаетъ отпоръ. У племени лѣсныхъ ведда, не имѣющихъ никакой политической организаціи, маленькіе кланы владѣютъ каждый своимъ участкомъ лѣса и «условія такого раздѣла всегда соблюдаются». Относительно не имѣющихъ правительства племенъ Тасманіи передаютъ, что «ихъ охотничьи участки разграничены и переходящіе за эти границы подвергаются нападеніямъ». Очевидно, что споры между племенами, возникающіе вслѣдствіе вторженія на чужую территорію, въ концѣ концовъ приводятъ къ установленію границъ, въ нѣкоторомъ родѣ къ принудительному соблюденію ихъ. Что вѣрно по отношенію къ территоріямъ, то вѣрно и по отношенію къ различнымъ группамъ. Убійство въ одной изъ нихъ, приписываемое, справедливо или нѣтъ, одному изъ жителей сосѣдней территоріи, требуетъ осуществленія «священнаго права возмездія», и хотя враждебныя дѣйствія дѣлаются такимъ образомъ хроническими, новыя нападенія предупреждаются. Сходныя же причины обусловили сходныя же слѣдствія на этихъ первыхъ ступеняхъ, когда семья или кланъ, болѣе, чѣмъ индивидъ, составляли политическую единицу и когда каждой семьѣ или клану приходилось защищать себя и свое имущество отъ другихъ подобныхъ группъ. Эти взаимныя ограниченія, которыя одна община предписываетъ другой, въ каждой общинѣ равнымъ образомъ предписываются однимъ индивидомъ другому; понятія же и обычаи, свойственные группѣ, примѣняются болѣе или менѣе и къ сношеніямъ между лицами. Хотя въ каждой группѣ есть стремленіе со стороны сильнаго напасть на болѣе слабаго, однако въ большинствѣ случаевъ сознаніе бѣдъ, вытекающихъ изъ агрессивнаго поведенія, обуздываетъ это стремленіе. Всюду у первобытныхъ народовъ на обиды отвѣчаютъ обидами. Тёрнеръ говоритъ о таннесахъ: «прелюбодѣяніе и нѣкоторыя другія преступленія предупреждаются страхомъ передъ *закономъ палки*». «Фицрой говоритъ, что если патагонецъ не наноситъ вреда или обиды своему сосѣду, на него никто не нападаетъ— и что каждый мститъ лично тому, кто его обидѣлъ. Относительно наупесовъ мы читаемъ, что «они выработали себѣ очень мало законовъ; но то, что у нихъ есть въ этомъ отношеніи, представляетъ въ чистомъ видѣ законъ возмездія: око за око, зубъ за зубъ». Очевидно, что такъ называемый, lex talionis стремится установить различіе между тѣмъ, что каждый членъ общины можетъ безопасно дѣлать и чего не можетъ, и затѣмъ уже мѣры принужденія до извѣстнаго предѣла, но не далѣе. «Хотя, говоритъ Скулькрафтъ о чипавеяхъ, у нихъ и нѣтъ правильно организованнаго правительства, такъ какъ каждый человѣкъ является господиномъ въ собственной семьѣ, они болѣе или менѣе испытываютъ на себѣ вліяніе извѣстныхъ принциповъ, способствующихъ общему благу» и между этими принципами называетъ признаніе частной собственности.

Какимъ образомъ взаимное ограниченіе сферы дѣятельности создаетъ понятія и чувства, подразумѣвающіяся подъ терминомъ «естественныя права», мы видимъ очень ясно на примѣрѣ нѣсколькихъ мирныхъ племенъ, имѣющихъ правительства лишь по имени или не имѣющихъ никакого

правительства. Кромѣ фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что тоды, санталы, лепхасы, бодосы, чакмасы, такуны, арафуры и т. д. до щепетильности уважаютъ права другъ друга, мы видимъ, что вполнѣ дикое племя лѣсныхъ веддовъ, не имѣющее никакой соціальной организаціи, «считаетъ совершенно непонятнымъ, чтобы кто-нибудь могъ взять то, что ему не принадлежитъ, ударить товарища или сказать какую-нибудь ложь». Такимъ образомъ, становится яснымъ и изъ анализа причинъ, и изъ наблюденія фактовъ, что въ то время, какъ положительный элементъ права выполнять дѣйствія, способствующія поддержанію жизни, зарождается въ законахъ жизни, отрицательный элементъ, дающій праву его этическій характеръ происходитъ отъ условій, создаваемыхъ соціальнымъ сплоченіемъ.

И дѣйствительно, мнѣніе, приписывающее правительству, созданіе правъ настолько далеко отъ истины, что мы можемъ утвержать обратное: права, болѣе или менѣе ясно установленныя раньше появленія правительства, становятся менѣе очевидными по мѣрѣ того, какъ правительство развивается, параллельно съ той практикой насилія, которая, посредствомъ подчиненія рабовъ и установленія іерархіи, создаетъ *государство*; а признаніе правъ, въ свою очередь, пріобрѣтаетъ опредѣленность лишь тогда, когда военнный режимъ перестаетъ быть постояннымъ, и власть правительства падаетъ.

Если мы отъ жизни индивидовъ перейдемъ къ жизни обществъ, то передъ нами встанетъ та же картина.

Хотя простой инстинктъ общительности уже побуждаетъ первобытныхъ людей соединяться въ группы, но еще болѣе влечетъ ихъ къ тому опытъ возможной выгоды совмѣстнаго дѣйствія. Подъ какимъ условіемъ можетъ возникнуть это совмѣстное дѣйствіе? Очевидно подъ единственнымъ условіемъ, чтобы тѣ, которые соединяютъ свои усилія, получали отъ этого пользу лично для себя. Если, какъ въ наиболѣе простыхъ случаяхъ, они соединяются для того, чтобы совершить нѣчто, что каждый изъ нихъ отдѣльно не можетъ исполнить или исполнилъ бы менѣе легко, они должны приступить къ сотрудничеству, подразумѣвая при этомъ слѣдующее: или что они раздѣлятъ между собой выгоду (напримѣръ, если нѣкоторые изъ нихъ добудутъ дичь), или же, если одинъ соберетъ всю выгоду (напримѣръ, если они построятъ хижину или расчистятъ участокъ земли для посѣва), то другіе въ свою очередь получатъ каждый равносильную выгоду. Когда же они, вмѣсто того, чтобы соединять свои усилія, для выполненія одного дѣла, заняты исполненіемъ нѣсколькихъ различныхъ дѣлъ, когда возникаетъ раздѣленіе труда съ обязательнымъ обмѣномъ продуктовъ, соглашеніе подразумѣваетъ, что каждый взамѣнъ продукта, который онъ имѣетъ въ чрезмѣрномъ количествѣ, получитъ приблизительно эквивалентъ того, чего ему не достаетъ. Если онъ одной рукой даетъ, а другой ничего не получаетъ, онъ не отвѣтитъ на будущія предложенія обмѣна и люди вернутся къ тому абсолютно первобытному состоянію, когда каждый все дѣлалъ для себя самъ. Итакъ, возможность кооперации зависитъ отъ выполненія договора, молчаливо подразумѣваемаго или ясно выраженнаго.

Такимъ образомъ, эти факты, которые неизбѣжно имѣютъ мѣсто, начиная съ первыхъ шаговъ къ той промышленной организаціи, при помощи которой поддерживается жизнь общества, должны конечно повторяться болѣе или менѣе тождественнымъ образомъ во время всего ея развитія. Хотя въ обществѣ, организованномъ по военному типу, съ его системой правительственнаго принужденія, обусловливаемаго постоянной войной, отношенія, основывающіяся на договорѣ, выступаютъ менѣе ярко, однако они все-таки существуютъ. Они сохраняются еще между людьми свобод-

ными и между начальниками тѣхъ маленькихъ группъ, которыя составляютъ ослабленныя единицы первыхъ обществъ, и до извѣстной степени сохраняются и въ самихъ этихъ группахъ, такъ какъ ихъ существованіе въ качествѣ группъ обусловливается тѣмъ, чтобы за ихъ членами, даже если бы они были рабами, признавалось право получать, взамѣнъ ихъ труда, все необходимое въ смыслѣ одежды, пищи и покровительства. И когда добровольная кооперація все болѣе и болѣе замѣняетъ кооперацію принудительную, послѣ того какъ войны становятся все менѣе и менѣе частыми, и торговля развивается, когда соціальная жизнь, основанная на обмѣнахъ по соглашенію, прекратившаяся на нѣкоторое время, постепенно возстановляется — тогда дѣлаются возможными распространеніе и усовершенствованіе промышленной организаціи, при помощи которой держится большое общество.

Чѣмъ договоры свободнѣе и чѣмъ вѣрнѣе ихъ выполненіе, тѣмъ замѣтнѣе прогрессъ и дѣятельнѣе соціальная жизнь. Теперь пагубныя послѣдствія нарушенія договора ощущаются уже не однимъ только заключившимъ его. Въ развитомъ обществѣ эти послѣдствія отзываются на цѣлыхъ категоріяхъ производителей и продавцовъ, категоріяхъ, образовавшихся, благодаря раздѣленію труда; случается также, что они отзываются и на всей публикѣ. Спросите, при какихъ условіяхъ Бирмингамъ можетъ посвящать себя выдѣлкѣ черепаховыхъ издѣлій или часть Страфордшира — гончарнымъ издѣліямъ, или весь Ланкаширъ бумажно-ткацкому производству. Спросите, какимъ образомъ сельское населеніе находитъ возможнымъ выполнять свою спеціальную задачу: тутъ сѣять пшеницу, а тамъ пасти скотъ. Всѣ эти отдѣльныя группы не могли бы дѣйствовать такимъ образомъ, если бы каждая не получала отъ другихъ, въ обмѣнъ за свой излишекъ производства, соотвѣтствующую часть излишка ихъ производствъ. И онѣ совершаютъ этотъ обоюдный обмѣнъ уже не прямымъ, а косвеннымъ образомъ, черезъ посредство денегъ, и если мы станемъ доискиваться, какимъ образомъ группа производителей достаетъ нужную для нея сумму денегъ, то мы получимъ въ отвѣтъ: путемъ выполненія договора. Если Лидсъ, вырабатывающій шерстяныя матеріи, не получитъ, благодаря соблюденію договора, средствъ достать себѣ въ земледѣльческихъ районахъ необходимое количество пищи, ему придется умирать съ голоду и прекратить производство шерстяныхъ тканей. Если Уэльсъ, занятый литьемъ чугуна, не получитъ условленнаго эквивалента, дающаго ему возможность пріобрѣтать ткани для одежды, его производство должно остановиться. И эта картина наблюдается всюду, какъ въ общемъ, такъ и въ частныхъ случаяхъ. Эта взаимная зависимость отдѣльныхъ частей, которую мы констатируемъ въ организаціи и общества, и индивида, возможна только при томъ условіи, чтобы каждая часть выполняла свою особенную, привычную для нея дѣятельность, получая свою соотвѣтствующую часть веществъ, необходимыхъ, чтобы всѣ другія части соединились для производства въ установленныхъ по соглашенію размѣрахъ. Кромѣ того, выполненіемъ договора устанавливается равновѣсіе между производствомъ и нуждами, вслѣдствіе чего выдѣлываютъ много ножей и мало ланцетовъ, сѣютъ много пшеницы и мало горчичнаго сѣмени. Избытокъ производства каждаго товара предупреждается тѣмъ, что болѣе извѣстнаго количества его никому не удастся сбыть, не нарушая того условія, чтобы за него давали точный эквивалентъ деньгами. Такимъ образомъ предупреждается безполезная трата труда на производство того, въ чемъ общество не нуждается.

Наконецъ, мы должны отмѣтить одинъ фактъ еще болѣе знаменательный: единственное условіе, при которомъ спеціальная группа работа-

ющихъ можетъ расширять свою дѣятельность съ увеличенiемъ общественной потребности въ извѣстнаго рода трудѣ,—состоитъ въ томъ, чтобы договоры были свободны и ихъ выполненiе было обезпечено. Если бы въ тотъ моментъ, когда по недостатку сырого матерiала Ланкаширъ не могъ доставить обычнаго количества хлопчато-бумажныхъ матерiй, кто либо вмѣшался въ заключенiе сдѣлокъ и запретилъ Iоркширу требовать болѣе высокую цѣну за шерстяныя ткани, которыя тотъ могъ производить, имѣя въ виду увеличенiе спроса на нихъ,—то не представлялось бы заманчивымъ помѣстить больше капиталовъ въ шерстяныя мануфактуры, не возрастало бы ни количество матерiала, ни число рабочихъ, ни производство шерстяныхъ матерiй. Въ результатѣ община терпѣла бы отъ того, что дефицитъ хлопчатобумажныхъ тканей не компенсировался бы избыткомъ шерстяныхъ матерiй. Какой громадный вредъ можетъ произойти для нацiи отъ всего, что помѣшало бы ея членамъ свободно заключать условiя между собой, мы видимъ изъ контраста между Англiей и Францiей въ дѣлѣ развитiя желѣзныхъ дорогъ. Хотя въ Англiи препятствiя возникали сначала со стороны преобладающихъ въ парламентѣ классовъ, но они не могли помѣшать капиталистамъ помѣщать свои капиталы, инженерамъ руководить работами, а предпринимателямъ предпринимать ихъ; большая прибыль, принесенная вначалѣ вложенными сюда капиталами, большiя выгоды, полученныя инженерами, были причиной того сильнаго прилива денегъ, энергiи и знанiя къ дѣлу постройки желѣзныхъ дорогъ, который позволилъ быстро развить нашу желѣзнодорожную систему и дать громадный толчекъ росту нашего нацiональнаго благосостоянiя. Но когда Тьеръ, бывшiй въ то время министромъ общественныхъ работъ, прiѣхалъ, чтобы ознакомиться съ дѣломъ, онъ сказалъ руководившему имъ при осмотрѣ Виньолю: «Я думаю, что желѣзныя дороги не пригодны для Францiи». Принятая имъ вслѣдствiе этого политика, противная свободѣ договора, задержала на 8—10 лѣтъ матерiальный прогрессъ Францiи, создавшiйся послѣ постройки желѣзныхъ дорогъ.

Что означаютъ всѣ эти факты? Они означаютъ, что различныя отрасли промышленности, различныя занятiя, профессiи, обслуживающiя потребности и нужды общественной жизни, требуютъ прежде всего, чтобы было какъ можно менѣе стѣсненiй свободы договоровъ, а затѣмъ, чтобы ихъ исполненiе было обезпечено. Какъ мы уже видѣли, обоюдное ограниченiе есть единственный источникъ стѣсненiй, которымъ естественнымъ образомъ подвергается дѣятельность людей, соединившихся въ общество, а слѣдовательно, не можетъ быть стѣсненiй въ договорахъ, которые люди заключаютъ сами: вмѣшиваться въ эти договоры значитъ нарушать право свободы дѣйствiй, которое предается каждому, поскольку при этомъ права другихъ остаются неприкосновенными. И тогда, какъ мы уже видѣли, гарантiя правъ другихъ гражданъ заключаетъ въ себѣ гарантiю исполненiя заключенныхъ сдѣлокъ, такъ какъ нарушенiе договора есть косвенное насилiе. Когда покупатель, стоя передъ прилавкомъ, проситъ продавца, стоящаго за прилавкомъ, дать ему на одинъ шиллингъ своего товара и когда онъ въ то время, какъ продавецъ повернулся къ нему спиною, уходитъ изъ лавки, не оставивъ шиллинга, который онъ, какъ подразумѣвалось, обязанъ былъ заплатить, его дѣйствiе не по существу отличается отъ воровства. Во всѣхъ случаяхъ подобнаго рода индивидъ, понесшiй убытокъ, лишается предмета, которымъ онъ владѣлъ и не получаетъ за него условленнаго эквивалента. Онъ затратилъ свой трудъ понапрасну, онъ терпитъ отъ нарушенiя условiя, необходимаго для поддержанiя жизни.

Изъ этого слѣдуетъ, что признавать и обезпечивать права индивидовъ, это значитъ въ то же время признавать и обезпечивать условiя

правильнаго соціальнаго существованія. И въ томъ и въ другомъ случаѣ рѣшающимъ началомъ является жизненная необходимость.

Прежде, чѣмъ перейти къ выводамъ, имѣющимъ практическія примѣненія, покажемъ, какимъ образомъ уже выведенныя частныя заключенія—если мы будемъ разсматривать ихъ въ обратномъ порядкѣ—даютъ намъ то же самое общее заключеніе.

Какъ мы установили сейчасъ, то, что составляетъ необходимое условіе для индивидуальной жизни, является съ двоякой точки зрѣнія необходимымъ условіемъ также и для соціальной жизни. Жизнь общества, на какую бы изъ двухъ точекъ зрѣнія мы ни становились. зависитъ отъ охраны индивидуальныхъ правъ. Если она есть ничто иное, какъ только сумма жизней гражданъ, то это ясно само собой. Если же она состоитъ изъ совокупности различныхъ дѣйствій, совершаемыхъ гражданами во взаимной зависимости, то эта сложная и безличная жизнь болѣе или менѣе интенсивна, смотря по тому, уважаются-ли права гражданъ или отрицаются.

Изученіе политико-этическихъ идей и чувствъ людей приводитъ къ аналогичнымъ выводамъ. Первобытные народы различныхъ типовъ показываютъ, что раньше существованія правительствъ, обычаи относящіеся къ незапамятнымъ временамъ, признаютъ права личности и обезпечиваютъ охраненіе ихъ. Кодексы законовъ, развившіеся независимо у различныхъ націй, одинаково запрещаютъ нарушеніе нѣкоторыхъ правилъ относительно личности, имущества и свободы гражданъ, и это единодушіе показываетъ, что источникъ индивидуальныхъ правъ не искусственный, а естественный. По мѣрѣ хода соціальнаго развитія законъ съ большей ясностью и точностью формулируетъ права, установленныя обычаемъ. Въ то же время правительство все болѣе и болѣе беретъ на себя обязанность защищать ихъ. Дѣлаясь лучшимъ покровителемъ, правительство суживало сферу своего насилія; оно постепенно ограничило свое вмѣшательство въ область частной дѣятельности. Наконецъ, какъ въ прошлыя времена законы измѣнялись явно для того, чтобы лучше приспособиться къ новымъ понятіямъ о справедливости, точно такъ же и теперь реформаторы законовъ руководствуются идеями справедливости, съ которыми должны согласоваться законы, но которыя отнюдь изъ законовъ не вытекаютъ.

Итакъ, здѣсь мы имѣемъ политико-этическую теорію, оправдываемую анализомъ и исторіей. Что ей противопоставляютъ? Модную теорію, которую нечѣмъ доказать. Съ одной стороны констатируя, что, какъ индивидуальная, такъ и соціальная жизнь предполагаютъ естественное соотношеніе между трудомъ и выгодой, мы констатируемъ также, что это естественное соотношеніе, признанное раньше существованія правительства, все болѣе и болѣе признавалось кодексами законовъ и системами морали. Съ другой стороны, мнѣніе тѣхъ, которые, отрицая естественныя права, утверждаютъ, что права искусственнымъ образомъ созданы закономъ, не только рѣшительно опровергается фактами, но и рушится само собой: когда отъ нихъ требуютъ, чтобы они доказали его, они отвѣчаютъ всевозможными нелѣпостями.

И это не все. Давъ смутному народному пониманію опредѣленную форму и научную основу, мы приходимъ къ раціональному взгляду на отношеніе между волей большинства и меньшинства. Мы ясно видимъ, что тѣ совмѣстныя дѣйствія, для которыхъ всѣ могутъ соединяться добровольно и для управленія которыми должна по справедливости преобладающее значеніе имѣть воля большинства, суть совмѣстныя дѣйствія, имѣщія цѣлью поддержаніе условій, необходимыхъ для индивидуальной и соціальной жизни. Защита общества въ цѣломъ противъ внѣшнихъ враговъ имѣетъ косвенной цѣлью сохранить каждому гражданину обладаніе средствами, которыми онъ располагаетъ для удовлетворенія своихъ желаній, и

свободы, дающей ему возможность пріобрѣсти другія средства. Защита каждаго гражданина отъ внутреннихъ враговъ, начиная отъ убійцъ и кончая тѣми, которые наносятъ какой-либо ущербъ своимъ сосѣдямъ, очевидно преслѣдуетъ тѣ же цѣли, раздѣляемыя всѣми, кромѣ преступниковъ и людей распущенныхъ нравовъ. Отсюда ясно, что при защитѣ этого жизненнаго принципа, какъ по отношенію къ личности, такъ и по отношенію къ обществу, подчиненіе меньшинства большинству законно до тѣхъ поръ, пока оно не обусловливаетъ другихъ стѣсненій собственности и свободы каждаго, кромѣ тѣхъ, которыя необходимы для лучшаго охраненія этой свободы и этой собственности. Отсюда же мы выводимъ заключеніе, что всякое подчиненіе внѣ этихъ предѣловъ было бы не законно, такъ какъ равнялось бы нанесенію правамъ индивида болѣе сильнаго вреда, чѣмъ это необходимо для защиты и повело бы за собой нарушеніе того самого жизненнаго принципа, который слѣдуетъ оберегать.

Такимъ образомъ мы возвращаемся къ предложенію, что такъ называемое божественное право парламентовъ и, обусловливаемое имъ, божественное право большинства—ничто иное какъ суевѣріе. Отбросивъ старую теорію по отношенію къ источнику правительственной власти, удержали вѣру въ неограниченность этой власти, являющуюся правильнымъ выводомъ для старой теоріи, но отнюдь не вытекающую изъ новой. Абсолютная власть надъ подданными, логически приписанная человѣку, который управлялъ, пока его считали представителемъ Бога, приписывается теперь правящему учрежденію, хотя никто не считаетъ его посланникомъ божества.

Намъ возразятъ можетъ быть, что споры о происхожденіи и о предѣлахъ правительственной власти — чистый педантизмъ; намъ скажутъ: «Правительство принуждено пользоваться для увеличенія общественнаго благосостоянія всѣми средствами, которыми оно обладаетъ или которыя оно можетъ пріобрѣсти. Цѣлью его должна быть польза и оно имѣетъ право для достиженія полезныхъ цѣлей употреблять всѣ необходимыя мѣры. Благосостояніе народа есть высшій законъ, и законодатели не должны быть совращаемы съ пути повиновенія этому закону путемъ разсужденій о происхожденіи и предѣлахъ ихъ полномочій». Можно ли этимъ путемъ увернуться отъ признанія нашихъ выводовъ или это выходъ, который нетрудно закрыть?

Возникающій здѣсь основной вопросъ касается вѣрности утилитарной теоріи, какъ ее обычно понимаютъ и отвѣтить на него можно тѣмъ, что въ томъ видѣ, какъ эту теорію понимаютъ, она не вѣрна.

Какъ трактаты моралистовъ, такъ и дѣйствія политиковъ, которые сознательно или безсознательно слѣдуютъ руководству первыхъ, показываютъ, что польза должна опредѣляться непосредственно простымъ осмотромъ наличныхъ фактовъ и оцѣнкой возможныхъ результатовъ; между тѣмъ какъ правильно понятый утилитаризмъ требуетъ, чтобы люди руководствовались общими заключеніями, доставляемыми тщательнымъ анализомъ уже наблюдавшихся фактовъ. «Ни хорошіе, ни дурные результаты не могутъ быть случайными; они являются неизбѣжными послѣдствіями природы вещей, а дѣло науки о морали заключать на основаніи законовъ жизни и условій существованія, какого рода дѣйствія неизбѣжно производятъ счастіе и какого рода дѣйствія производятъ несчастія». Общепринятыя доктрины утилитаристовъ, равно какъ и обычная практика политическихъ дѣятелей, свидѣтельствуютъ о недостаточномъ пониманіи естественой причинной связи явленій. Принято думать вообще, что при отсутствіи явнаго препятствія, можно поступать такъ или иначе, и никто не задается вопросомъ, будетъ или не будетъ этотъ поступокъ согласоваться съ нормальнымъ теченіемъ жизни.

Предшествующія разсужденія, я думаю, показали, что принципы полезности, а слѣдовательно, и дѣйствія правительства не могутъ опредѣляться путемъ разсмотрѣнія поверхностныхъ фактовъ и признанія ихъ таковыми, какими они кажутся на первый взглядъ, но должны быть сообразованы съ основными фактами. Основные факты, съ которыми должны считаться всѣ раціональныя сужденія о пользѣ, заключаются въ томъ, что жизнь состоитъ изъ извѣстныхъ проявленій дѣятельности и поддерживается ими и что между людьми, живущими въ обществѣ, ихъ сферы дѣятельности, взаимно ограничивая одна другую, должны принадлежать каждому въ созданныхъ этими ограниченіями предѣлахъ, а не дальше ихъ, при чемъ охрана ихъ дѣлается впослѣдствіи обязанностью агентовъ, управляющихъ обществомъ. Если каждый, будучи свободнымъ пользоваться своими способностями до границъ, намѣченныхъ такой же свободой другихъ, получаетъ отъ своихъ товарищей за свои услуги столько, сколько онъ заслуживаетъ по ихъ оцѣнкѣ въ сравненіи съ услугами другихъ; если всюду выполняемые договоры доставляютъ каждому опредѣленную такимъ способомъ часть, и если онъ пользуется защитой своей личности и своихъ правъ такимъ образомъ, что можетъ удовлетворять свои потребности посредствомъ своихъ доходовъ, тогда жизненный принципъ, какъ индивидуальнаго, такъ и соціальнаго существованія обезпеченъ. Кромѣ того, и жизненный принципъ соціальнаго прогресса будетъ также обезпеченъ, такъ какъ при этихъ условіяхъ наиболѣе достойные индивиды будутъ преуспѣвать и будутъ размножаться сильнѣе, чѣмъ индивиды менѣе достойные. Итакъ, польза, опредѣленная не эмпирическимъ, а раціональнымъ способомъ, требуетъ поддержанія индивидуальныхъ правъ, а слѣдовательно запрещаетъ то, что можетъ быть имъ противно.

Здѣсь мы достигли крайняго предѣла, у котораго должно остановиться вмѣшательство законодателя. Даже въ самой скромной формѣ всякое предложеніе вмѣшательства въ дѣятельность гражданъ, если только это дѣлается не съ цѣлью огражденія ихъ взаимныхъ ограниченій, есть предложеніе улучшить существованіе путемъ нарушенія основныхъ условій жизни. Когда нѣкоторымъ лицамъ препятствуютъ покупать пиво, чтобы другіе не могли напиваться пьяными, то тѣ, которые издаютъ законъ, разсуждаютъ, что это вмѣшательство въ нормальное отношеніе между поступками и ихъ послѣдствіями произведетъ болѣе добра, нежели зла, какъ для малаго числа неумѣренныхъ, такъ и для бо̀льшаго числа воздержанныхъ людей. Правительство, взимающее часть доходовъ народной массы съ цѣлью отправить въ колоніи нѣсколько лицъ, которымъ не повезло на родинѣ, или для того, чтобы улучшить дома рабочихъ, или основать публичныя библіотеки, музеи и т. д. допускаетъ въ качествѣ несомнѣннаго факта, что не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ увеличеніе всеобщаго счастія будетъ слѣдствіемъ нарушенія существеннаго условія этого счастія, а именно—возможности для каждаго пользоваться тѣми средствами, которыя доставили ему дѣйствія, выполненныя безъ всякихъ препятствій. Въ другихъ случаяхъ мы не допускаемъ настоящее обманывать насъ такимъ образомъ относительно будущаго. Объявляя, что собственность неприкосновенна со стороны частныхъ предпріятій, мы не будемъ допытываться, будетъ ли выгода для голоднаго, который тащитъ хлѣбъ изъ булочной меньше или больше ущерба, нанесеннаго булочнику; мы разсматриваемъ не частное, а общее дѣйствіе, производимое необезпеченностью собственности. Но когда государство налагаетъ новыя обязательства на гражданъ или дѣлаетъ новое ограниченіе ихъ свободъ, мы видимъ лишь непосредственныя и ближайшія дѣйствія и пренебрегаемъ косвенными и отдаленными послѣдствіями этихъ постоянныхъ вторженій въ область инди-

видуальныхъ правъ. Мы не видимъ, что черезъ накопленіе незначительныхъ нарушеній этихъ правъ, жизненныя условія индивидуальнаго или соціальнаго существованія удовлетворются такъ несовершенно, что само это существованіе приходитъ въ упадокъ.

Однако, особенно ясно сказывается этотъ упадокъ тамъ, гдѣ правительство дѣйствуетъ слишкомъ усердно. Изучая по сочиненіямъ Тэна и Токвиля состояніе вещей до великой французской революціи, мы видимъ, что эта страшная катастрофа произошла отъ чрезмѣрной регламентаціи человѣческой дѣятельности въ малѣйшихъ ея подробностяхъ, отъ столь возмутительнаго поглощенія продуктовъ этой дѣятельности въ пользу правительства, что жизнь становилась почти невозможной. Эмпирическій утилитаризмъ этой эпохи такъ же, какъ и эмпирическій утилитаризмъ нашего времени, разнился отъ раціональнаго утилитаризма въ томъ, что онъ во всѣхъ случаяхъ разсматривалъ только дѣйствіе отдѣльныхъ актовъ вмѣшательства на отдѣльные классы людей и не обращалъ вниманія на дѣйствія, производимыя совокупностью такихъ актовъ на существованіе людей вообще. И если мы станемъ доискиваться причины, дѣлавшей возможнымъ это заблужденіе тогда и дѣлающей его возможнымъ теперь, мы найдемъ, что эта причина есть политическое суевѣріе, согласно которому власть правительства не должна подвергаться никакому ограниченію.

Когда «божественное сіяніе окружавшее монарха и оставившее отблескъ вокругъ наслѣдовавшаго его власть института, совершенно исчезнетъ, когда всѣмъ станетъ ясно, что въ націи, гдѣ управляетъ народъ, правительство есть ничто иное, какъ распорядительный комитетъ, и что этотъ комитетъ вовсе не имѣетъ никакой внутренно присущей ему власти, тогда неизбѣжно выведено будетъ изъ этого заключеніе, что власть правительства исходитъ отъ тѣхъ, которые его ставятъ и имѣетъ какъ разъ тѣ предѣлы, которые имъ угодно для нея опредѣлить. Одновременно получится также и то заключеніе, что законы, издаваемые властью священны не сами по себѣ, но что все священное въ нихъ происходитъ всецѣло отъ той моральной санкціи, которая коренится въ законахъ человѣческой жизни, поскольку она протекаетъ среди условій соціальнаго существованія. Отсюда мы имѣемъ выводъ: когда законы лишены этой моральной санкціи, они не содержатъ въ себѣ ничего священнаго и могутъ по праву быть отвергнуты.

Функція либерализма въ прошломъ заключалась въ томъ, чтобы полагать предѣлы власти королей. Функціей истиннаго либерализма въ будущемъ будетъ ограниченіе власти парламентовъ.

Послѣсловіе.

Можно ли надѣяться, что изложенная выше доктрина встрѣтитъ сочувствіе многихъ? Я желалъ бы отвѣтить утвердительно; но къ сожалѣнію различныя причины заставляютъ меня думать, что лишь немногія отдѣльныя лица въ состояніи будутъ измѣнить свой политическій символъ вѣры. Одна изъ этихъ причинъ порождаетъ всѣ другія.

Эта существенная причина заключается въ томъ, что ограниченіе правительственной власти въ означенныхъ предѣлахъ желательно только для общества промышленнаго типа, что оно совершенно не совмѣстимо съ военнымъ типомъ и лишь отчасти отвѣчаетъ стремленіямъ полу-военной, полу-промышленной формы, характерной для современныхъ прогрессивныхъ націй. Въ каждомъ фазисѣ соціальной эволюціи должна существовать полная гармонія между практической дѣятельностью и вѣрованіями, то есть конечно вѣрованіями дѣйствительными, а не номинальными.

жизнь можетъ продолжать свое теченіе только благодаря согласованію мыслей и дѣйствій. Или образъ дѣйствій, вызванный необходимостью, долженъ измѣнить вѣрованія такъ, чтобы они согласовались между собой, или же преобразованіе вѣрованій должно въ концѣ концовъ измѣнить образъ дѣйствій.

Изъ этого слѣдуетъ, что если охраненіе соціальной жизни при такой сложности условій, требуетъ безусловнаго подчиненія верховному главѣ и полнаго довѣрія къ нему, то установится та доктрина, что подчиненіе и довѣріе не только полезны, но и обязательны. И наоборотъ, если, при другихъ условіяхъ подчиненіе гражданъ правительству не необходимо для охраненія національной жизни, если, напротивъ, національная жизнь крѣпнетъ и улучшается по мѣрѣ того, какъ граждане получаютъ большую свободу дѣйствій въ ихъ политической доктринѣ совершается постепенное измѣненіе, результатомъ котораго является уменьшеніе вѣры въ правительственную власть, увеличеніе склонности относиться скептически къ ея авторитету и стремленіе въ различныхъ случаяхъ противодѣйствовать правительственнымъ вмѣшательству. Это измѣненіе приводитъ наконецъ къ утвержденію доктрины ограниченія.

Поэтому, мы не можемъ надѣяться, чтобы въ настоящее время правительственное мнѣніе могло значительно измѣниться. Но разсмотримъ этотъ вопросъ поближе.

Вполнѣ очевидно, что успѣхъ войны зависитъ отъ довѣрія солдатъ къ своему полководцу. Если они не вѣрятъ въ его знаніе, то этого почти достаточно, чтобы парализовать ихъ усилія во время сраженія, тогда какъ абсолютное довѣріе къ нему заставитъ ихъ выполнить свою задачу съ энергіей и храбростью. Если, какъ это случается въ нормально развившемся по военному типу обществѣ, одно и то же лицо управляетъ въ мирное время и командуетъ во время войны, то довѣріе къ его превосходству на полѣ сраженія внушитъ довѣріе и къ его способностямъ государственнаго дѣятеля, а общество, въ большой мѣрѣ тождественное съ войскомъ, охотно подчинится ему, какъ законодателю. Даже тогда, когда гражданскій глава, переставъ быть военачальникомъ, исполняетъ свою военную должность черезъ своего представителя, то традиціонное довѣріе къ нему все еще сохраняетъ свою силу.

Точно то же и по отношенію къ повиновенію. При совершенно одинаковыхъ во всемъ остальномъ условіяхъ армія недисциплинированныхъ солдатъ ниже арміи дисциплинированныхъ. Тѣ, которые поспѣшно и всецѣло повинуются начальнику, имѣютъ болѣе шансовъ на успѣхъ въ битвѣ, нежели тѣ, которые не слушаются данныхъ имъ приказаній. А то, что вѣрно по отношенію къ войску, вѣрно также и по отношенію къ обществу въ его цѣломъ; успѣхъ на войнѣ неизбѣжно зависитъ главнымъ образомъ отъ воли управляющаго, который набираетъ людей, снабжаетъ, когда нужно, деньгами и устраиваетъ все согласно требованіямъ минуты.

Отсюда, такъ какъ лучшіе люди переживаютъ сраженія, характерной чертой военнаго типа общества является глубокая вѣра въ правительственную власть, соединенная съ привязанностью къ государю, которая вызываетъ абсолютное повиновеніе во всемъ. Поэтому, среди политическихъ теоретиковъ военнаго общества установится доктрина, дающая формулировку необходимымъ идеямъ и чувствамъ и въ то же время утверждающая, что законодатель, если онъ не божественнаго происхожденія, то по крайней мѣрѣ, дѣйствуетъ подъ внушеніемъ Бога, и что абсолютное повиновеніе ему повелѣвается самимъ Богомъ.

Измѣненіе въ идеяхъ и чувствахъ, которыя такимъ образомъ становятся характерными для военнаго типа организаціи, можетъ совершиться

лишь тамъ, гдѣ обстоятельства благопріятствуютъ развитію промышленнаго типа организаціи. Основанная на добровольной, а не на принудительной коопераціи промышленная жизнь въ томъ видѣ, въ какомъ мы знаемъ ее теперь, пріучаетъ людей дѣйствовать самостоятельно, заставляетъ ихъ уважать собственныя права, уважая въ то же время и права другихъ людей, укрѣпляетъ въ нихъ сознаніе личныхъ правъ и побуждаетъ ихъ сопротивляться злоупотребленіямъ правительственнаго контроля. Но такъ какъ обстоятельства, дѣлающія войны менѣе частыми, возникаютъ лишь медленно, и такъ какъ измѣненія темперамента, являющіяся слѣдствіемъ перехода отъ, преимущественно, военной жизни къ жизни, главнымъ образомъ, промышленной, могутъ совершаться лишь незамѣтнымъ образомъ, то идеи и чувства только мало-по-малу уступаютъ свое мѣсто другимъ идеямъ и другимъ чувствамъ. Существуютъ различныя причины, по которымъ этотъ переходъ долженъ совершаться постепенно. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ причинъ:

У первобытнаго и мало-цивилизованнаго человѣка не имѣется еще характера, необходимаго для обширной добровольной коопераціи. Усилія, добровольно соединяемыя съ усиліями другихъ въ виду общей выгоды, требуютъ, если предпріятіе обширно. такого упорства, которымъ еще никто не обладаетъ. Кромѣ того, тамъ, гдѣ ожидаемые результаты отдаленны и мало извѣстны, какъ это бываетъ во многихъ коопераціяхъ, ради которыхъ соединяются въ наше время, тамъ требуется сила воображенія, совершенно отсутствующая у мало цивилизованныхъ людей. Съ другой стороны, большія частныя ассоціаціи, составляющіяся съ цѣлью производства въ большихъ размѣрахъ, обширныя предпріятія и другія цѣли требуютъ отъ соединившихся рабочихъ іерархическаго подчиненія, сходнаго съ подчиненіемъ, необходимымъ въ военной жизни. Иными словами — нельзя достигнуть развитаго промышленнаго типа, какимъ онъ является въ наше время, не пройдя черезъ военный типъ, который путемъ дисциплины воспитываетъ съ теченіемъ времени упорство въ усиліяхъ, готовность дѣйствовать подъ руководствомъ (уже не навязаннымъ, а принятымъ по договору) и привычку организоваться для достиженія большихъ результатовъ.

Слѣдовательно, въ теченіе долгихъ періодовъ соціальной эволюціи для управленія всѣми дѣлами, за исключеніемъ самыхъ простыхъ, необходима сильная и весьма мало ограниченная правительственная власть, пользующаяся всеобщимъ довѣріемъ и повсемѣстнымъ послушаніемъ. Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что, какъ это показываетъ прошлое древнихъ цивилизацій и нынѣшній Востокъ, великія предпріятія могутъ осуществляться только государствомъ и что добровольная кооперація можетъ замѣнить принудительную кооперацію лишь постепенно и вызвать по справедливости соотвѣтствующее уменьшеніе вѣры въ способность и авторитетъ правительства.

Вѣра эта поддерживается, главнымъ образомъ, необходимостью сохранить способность къ войнѣ. Необходимо, чтобы правительство могло, при помощи такого довѣрія и такого всеобщаго подчиненія, располагать по своему усмотрѣнію всѣми силами общества сообразно съ нуждами нападенія и защиты:— отсюда вытекаетъ теорія, обосновывающая вѣру и повиновеніе. Пока чувства и понятія людей таковы, что постоянно могутъ угрожать нарушеніемъ мира, люди должны довѣрять авторитету правительства настолько, чтобы давать ему право принужденія, котораго требуютъ военныя предпріятія и въ то же время это довѣріе къ его авторитету неизбѣжно даетъ правительству принудительную власть и для другихъ предпріятій.

Такимъ образомъ, какъ мы уже говорили, основная причина, не

позволяющая разсчитывать на многочисленныхъ приверженцевъ изложенной нами доктрины, состоитъ въ томъ, что мы въ настоящее время лишь частью отвергли военный режимъ и лишь частью ввели режимъ промышленный къ которому эта доктрина въ дѣйствительности приложима.

До тѣхъ поръ, пока религія ненависти будетъ преобладать надъ религіей любви, будетъ неизбѣжно сохраняться широко распространенное, политическое суевѣріе. Пока во всей Европѣ воспитаніе правящихъ классовъ будетъ состоять въ томъ, чтобы заставлять юношество шесть дней въ недѣлѣ восторгаться великими героями войны и только въ седьмой день напоминать имъ о заповѣди, повелѣвающей сложить оружіе, пока эти классы будутъ подчиняться моральному кодексу, въ которомъ языческіе примѣры составляютъ шесть седьмыхъ, а правила христіанскаго ученія только одну седьмую,—до тѣхъ поръ нельзя разсчитывать на то, чтобы международныя отношенія могли пріобрѣсти иной характеръ, и стало возможнымъ уменьшеніе правительственной власти, а вмѣстѣ съ нимъ и соотвѣтствующее измѣненіе политической теоріи. До тѣхъ поръ, пока управленіе дѣлами колоній будетъ вестись въ томъ духѣ, что туземныя племена, за сопротивленіе, оказанное англичанамъ, нарушившимъ ихъ права, будутъ нести возмездіе, не собразно ихъ собственному варварскому принципу: жизнь за жизнь, но по нашему усовершенствованному способу массового избіенія за простое убійство, врядъ ли можно надѣяться, что политическая доктрина, основанная исключительно на уваженіи правъ ближняго, могла быть принята всѣми. До тѣхъ поръ, пока исповѣдумая вѣра истолковывается въ томъ смыслѣ, что въ глазахъ общества будетъ заслуживать посмертнаго чествованія человѣкъ, который въ Англіи произноситъ рѣчи въ собраніи миссіонеровъ, а очутившись въ чужой странѣ, старается затѣять войну съ сосѣднимъ народомъ, съ цѣлью покорить его,—до тѣхъ поръ трудно ожидать, что наши отношенія къ другимъ обществамъ не выльются въ другую форму. А ранѣе этого не можетъ пріобрѣсти сколько нибудь широкое распространеніе доктрина ограниченія правительственныхъ функцій, подразумѣвающая то уменьшеніе правительственной власти, которое отвѣчаетъ нуждамъ мирнаго существованія. Нація, которая, занимаясь церковными спорами относительно обрядовъ культа, такъ мало заботится о сущности этого культа, что флибустьеровъ въ ея колоніяхъ скорѣе одобряютъ, чѣмъ порицаютъ, причемъ даже проповѣдники ея религіи любви не обличаютъ ихъ,—такая нація должна страдать отъ нарушенія права внутри ея, совершаемыхъ, какъ индивидами по отношенію другъ къ другу, такъ и правительствомъ по отношенію къ индивидамъ. Не можетъ нація осуществить блага справедливости въ своей странѣ, когда она въ чужихъ странахъ поступаетъ несправедливо.

Разумѣется, мнѣ предложатъ слѣдующій вопросъ: для чего излагать и поддерживать не примѣнимую въ наше время теорію?

Кромѣ общаго отвѣта, что всякій, кто считаетъ какую либо теорію вѣрной и важной, обязанъ сдѣлать все, что можетъ, чтобы распространить ее, не заботясь о возможномъ результатѣ,—можно указать нѣсколько частныхъ мотивовъ, изъ которыхъ каждаго въ отдѣльности было бы достаточно.

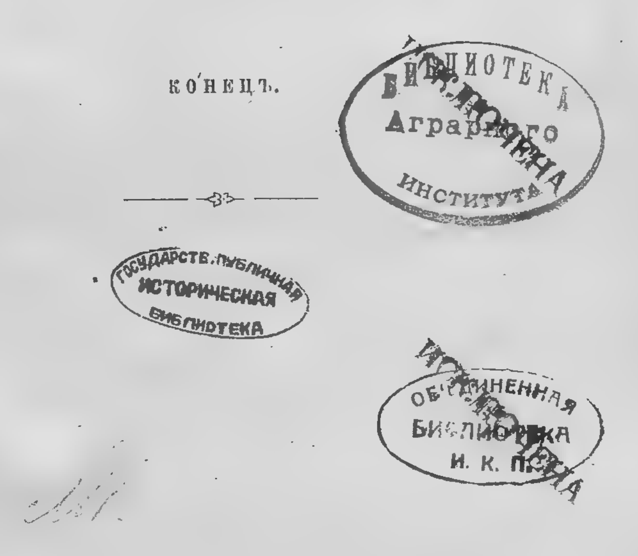
Во-первыхъ каждый идеалъ, какъ бы ни былъ онъ далекъ отъ своего осуществленія въ настоящее время, всегда необходимъ, какъ путеводная нить. Если есть на лицо масса компромиссовъ, которые обстоятельства времени дѣлаютъ или заставляютъ казаться необходимыми, но не существуетъ понятія о лучшемъ и худшемъ въ соціальной организаціи; если люди ничего не видятъ, помимо требованій минуты и привыкаютъ отождествлять ближайшее улучшеніе съ окончательнымъ благомъ, то настоящаго прогресса

не можетъ быть. Какъ бы ни была отдаленна цѣль, какъ бы ни были многочисленны препятствія. которыя могутъ принудить насъ свернуть съ ведущаго къ ней пути, очевидно, что необходимо знать, гдѣ она находится.

Далѣе, до тѣхъ поръ, пока настоящая степень подчиненія индивидовъ государству, такъ же какъ и соотвѣтствующая политическая теорія, могутъ оставаться необходимыми при существующихъ международныхъ отношеніяхъ, нѣтъ никакой надобности увеличивать это подчиненіе и укрѣплять приспособленную къ нему теорію. Въ нашъ вѣкъ напряженнаго человѣколюбія множество людей, съ нетерпѣніемъ стремящихся улучшить участь своихъ, менѣе счастливыхъ, ближнихъ путемъ самыхъ быстрыхъ методовъ, всѣми силами стараются развить административныя учрежденія свойственныя низшему типу общества —пятятся назадъ, желая идти впередъ. Нормальныя затрудненія на пути прогресса уже достаточно велики, и печально то, что они становятся все больше и больше. Слѣдовательно, весьма полезно показать человѣколюбцамъ, что во многихъ случаяхъ они несомнѣнно подготовляютъ будущее несчастіе человѣчества, столь усердно преслѣдуя цѣль его благосостоянія въ настоящемъ.

Самое главное. однако, заключается въ томъ, чтобы внушить всѣмъ людямъ ту великую, еще многими непризнанную истину. что внутренняя и внѣшняя политика какого либо общества связаны между собой, и что не можетъ быть существеннаго улучшенія одной безъ существеннаго улучшенія другой. Если мы хотимъ, чтобы наше внутренняя организація соотвѣтствовала болѣе высокимъ принципамъ справедливости, необходимо, чтобы мы и въ нашихъ внѣшнихъ отношеніяхъ постоянно сообразовались съ болѣе высокими принципами справедливости. Если бы убѣжденіе въ томъ, что такое взаимодѣйствіе существуетъ, могло распространиться между цилизованными народами, оно въ сильной степени уменьшило бы враждебныя столкновенія между народами и тѣмъ самымъ сократило бы начало принужденія въ ихъ правительственныхъ системахъ и произвело бы соотвѣтствующія измѣненія въ политическихъ теоріяхъ.

КОНЕЦЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

См. стр. 4 обложки.

„Т-во. Художественной Печати“, Ивановская, 14. См. стр. 3 обложки.

